

Зарубежная

фантастика

Бен Бова ВЛАСТЕЛИНЫ ПОГОДЫ

Сборник
научно-фантастических
произведений

Бен Бова

ВЛАСТЕЛИНЫ
ПОГОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА

Зарубежная

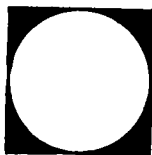

фантастика

Зарубежная

фантастика

Бен Бова

Властелины погоды

Сборник
научно-фантастических произведений

Перевод с английского
Б. Ключевой и И. Можейко
Предисловие
д-ра ист. наук И. Бестужева-Лады

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА 1981

И (Амер)

Б 72

Бова Б.

- Б 72** Властелины погоды: Сборник научн.-фантаст. произведений. Пер. с англ./Перевод Б. Ключевой, И. Можейко; Предисл. И. Бестужева-Лады. — М.: Мир, 1981. — 398 с. — (Зарубежная фантастика)

Советскому читателю имя Бена Бовы знакомо по научно-популярной книге «Новая астрономия». Однако Бова — не только популяризатор, но и известный американский писатель-фантаст, чье творчество проникнуто верой в торжество человеческого разума, победу добра над злом.

В настоящем сборнике впервые публикуются на русском языке его роман «Властелины погоды», повесть «Ветры Альтаира» и рассказ «Незначительный просчет».

Б 70304—178 178—81, ч. 1 4701000000 ББК 84.7 США
041(01)—81 И (Амер)

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

© Составление, перевод на русский язык и предисловие, «Мир», 1981

Предисловие

Лето 1980 года в Москве выдалось на редкость дождливым и холодным. Последние дни перед началом XXII Олимпийских игр были особенно обескураживающими — просто какой-то октябрь в июле. Все заранее сочувствовали спортсменам и зрителям. И что же? На праздничном открытии Олимпиады погода вдруг разгулялась. Правда, в последующие дни она постепенно вновь начала ухудшаться, и кое-где закрапал дождь. Но на закрытии Игр словно по заказу засияло солнце. А на следующий день дождь полил как из ведра. Многие тогда подумали, что метеорологи научились управлять погодой...

Если бы мы умели управлять погодой!..

Нет человека, который пожалел бы двухкопеечную монету, чтобы позвонить и узнать достоверно, какая погода будет завтра (или хотя бы сегодня). Можно простить любую неточность в градусах, гектопаскалях и метрах в секунду, лишь бы знать наверняка, будет дождь или нет, одевать пальто или достаточно легкого платья. Не жалко и 15 копеек, чтобы узнать, какая погода ждет тебя при поездке за город в субботу и воскресенье. Любой из нас с удовольствием заплатил бы и рубль, чтобы получить достоверную справку о погоде на время своего отпуска в тех местах, где собираешься его проводить.

А стихийные бедствия? Тот, кто хоть раз попал в самую заурядную бурю, когда чувствуешь себя беспомощным перед разбушевавшейся стихией, не сомневается, что найти способ вовремя предотвращать такие явления — важнейшая задача современной науки. А тот, кто знает, что такое ураган, превращающий в руины целые города, убежден, что управление погодой — проблема из проблем. И это не говоря уже о миллиардной экономии: ведь если бы люди заранее знали, какая будет погода, они могли бы заранее к ней приспособиться.

Почему же до сих пор нет точных прогнозов погоды и почему невозможно управлять ею?

Собственно, что значит «невозможно»? Без прогнозов погоды — пусть даже таких, какие есть, — сегодня немыслима нормальная работа воздушного, морского и речного флота, всех сельскохозяйственных и многих промышленных предприятий. Мы научились, когда это остро необходимо, рассеивать туман над летным полем, чтобы обеспечить взлет и посадку самолета («остро» — потому, что это пока весьма дорогостоящее мероприятие). Мы более или менее надежно защищаем от градовых туч около шести миллионов гектаров различных посадок в одних только южных районах нашей страны. А Консультативный совет США по воздействию на погодные условия (есть и такая организация) авторитетно заявил, что в ближайшие 20 лет человек сможет заметно влиять на погоду. По мнению членов этого Совета, в 80-х годах люди научатся искусственно увеличивать выпадение осадков в виде дождя или снега, а в 90-х — уменьшать на 10—20% силу ураганных ветров и на 50% сокращать выпадение града.

Ученые и политики начинают задумываться над тем, не создаст ли такое частичное управление погодой международные осложнения, если улучшение

погоды в одном районе мира произойдет за счет значительного ухудшения в другом. Перед современной наукой встает еще недавно фантастический вопрос: как понимать словосочетание «оптимальные погодные условия в глобальных масштабах», иными словами, что такое «хорошая погода» для всего земного шара в целом?

Итак, шаг за шагом прогнозы погоды делаются все совершеннее, и шаг за шагом мы переходим от попыток достоверного предсказания погоды к попыткам целенаправленного управления ею. Что же мешает добиться абсолютно точных краткосрочных и долгосрочных прогнозов погоды уже сейчас? Какие научные проблемы надо решить, чтобы предотвращать непогоду, уверенно управлять погодой? Если вы не специалист, то в поисках ответа на эти волнующие многих вопросы можно пойти двумя путями. Один из них — обращение к специальной или научно-популярной литературе, изучение книг и бесчисленных статей по метеорологии. Другой (отнюдь не исключающий первого, даже предполагающий его) — прочитать однажды на досуге научно-фантастический роман Бена Бовы «Властелины погоды» (буквально «Делатели погоды»).

Мне довелось ознакомиться с рукописью перевода этого романа на русский язык дважды, с разрывом более чем в год. Ко второму разу я начисто забыл сюжет, действующих лиц, кто кого любил и кто с кем ссорился и с интересом читал все сначала как бы впервые. То, что прочитанное забылось, вряд ли может служить похвалой как читателю, так и писателю. То, что читалось заново с неослабевающим интересом, свидетельствует о незаурядном мастерстве автора, его высокой писательской технике. Но главное: не забылось, хорошо и ясно запомнилось, думаю на всю жизнь, с чем именно сталкиваются «предска-

затели погоды» на бесчисленных станциях планеты и какую гору трудностей надо своротить, чтобы повернуть вспять бури и ураганы, научиться управлять погодой. Словом, «драма людей» забылась, а «драма идей» четко проявилась и врезалась в память. Сейчас я совсем другими глазами читаю литературу по агрогидрометеорологическому прогнозированию и всем по-другому слушаю разговоры о погоде. (Помните поговорку: «Когда не о чем говорить — говорят о погоде». Так вот, отныне я считаю ее устаревшей.)

Думаю, что примерно такое же впечатление книга Бена Бовы произвела не на одного меня. Возможно, миллионы читателей в разных странах мира, куда попала или где была переведена эта книга, закрыли ее на гораздо более высоком уровне понимания проблем, связанных с погодой, я бы сказал, на гораздо более высоком уровне метеорологического мышления, чем «до того». Возможно, что тысячи школьников, прочтя эту книгу, решили посвятить свою жизнь овладению секретами управления погодой, а сотни студентов, изучающих «скучную» метеорологию, загорелись священным огнем научного энтузиазма — этого вечного двигателя науки. Наконец, не исключено, что какого-нибудь талантливого метеоролога, решившего развлечься на сон грядущий этой книгой, вдруг на какой-то странице повествования озарила неожиданная блестящая идея, к которой он тщетно подбирался долгие годы и которая продвинет нас еще на шаг вперед по трудному пути к управлению погодой.

Так «работает» хорошая научная фантастика.

На мой взгляд, порой мы совершенно напрасно свысока относимся к тем научно-фантастическим произведениям, где главными действующими «лицами» являются не люди, а наука, техника, точнее, научно-технические проблемы, где разворачивается пе

столько «драма людей», сколько «драма идей», а люди, подобно маскам древнегреческих трагедий, выступают лишь их носителями. Иногда приходится слышать о противопоставлении «уэллсовских традиций» социальной научной фантастики «жюльверновским традициям», как чего-то первосортного второсортному. Думается, что, такое противопоставление несостоятельно. Во-первых, граница между «социальным» и «технологическим» в научной фантастике всегда была и остается очень сложной, поскольку одно постоянно как бы переходит в другое, неразрывно связано с этим другим. Во-вторых, «жизнь замечательных идей» ничуть не менее важна для прошлого, настоящего и особенно для будущего человечества, чем «жизнь замечательных людей», как бы драматично ни складывалась их личная судьба. И наконец, все зависит от таланта и мастерства писателя, а вовсе не от того, о ком или о чем именно он пишет.

Конечно, не всем дано подняться до высот Жюль Верна в его «С Земли на Луну» или «20 000 лье под водой», Герберта Уэллса в «Машине времени», и «Человеке-невидимке» или «Войне миров», И. А. Ефремова в «Туманности Андромеды». Классика есть классика. Но это вовсе не значит, что все научно-фантастические произведения за рамками ставших классическими обязательно относятся к тем серым, посредственным повествованиям, которые, увы, до сих пор составляют значительную часть зарубежной, да и, что греха таить, советской научной фантастики. Существует немало хороших, добротных фантастических произведений, которые не только интересно, но и пужно читать, чтобы быть всесторонне развитой личностью, человеком высокой культуры.

К числу хорошо знакомых советскому читателю выдающихся зарубежных авторов современной научной фантастики в первую очередь относятся Артур

Кларк и Айзек Азимов, чьи произведения многократно переводились на русский язык. Гораздо менее известен в нашей стране Бен Бова. Между тем творческая биография последнего напоминает кларковскую и азимовскую, да и как писатель-фантаст он, по моему мнению, заслуживает интереса. Впрочем, об этом лучше судить читателю предлагаемого сборника.

Бенджамен Уильям Бова родился в 1932 году, окончил отделение журналистики Филадельфийского университета в 1954 году и долгое время работал техническим редактором в системе американских космических исследовательских проектов, что послужило для него превосходной жизненной школой. Другими словами, когда он пишет о космосе, об экологии, о метеорологии и о других научных материях, он знает, о чем пишет. В 1971 году, после смерти Джона Кемпбелла, Бова становится редактором журнала «Аналог» — одного из ведущих на Западе органов научной фантастики и популяризации науки. При нем журнал вступил в полосу нового расцвета, а сам Бова неоднократно отмечался как лучший в США редактор в области научной журналистики. Несмотря на свою занятость, он не перестает быть весьма плодовитым и довольно популярным в своей стране писателем. К началу 80-х годов Бен Бова получил широкую известность в мире как автор двух с лишним десятков научно-фантастических романов и повестей, не говоря уже о многочисленных рассказах, а также примерно такого же количества научно-популярных книг.

Бен Бова пробовал свои силы и в «технологической», и в «социальной» научной фантастике, и в жанре научно-фантастической юмористики, и в жанре научно-фантастических памфлетов политического характера. Особенно много и охотно пишет он для детей и юношества. Наиболее известны его повесть

для детей «Звездные завоеватели» (принесшая ему писательскую славу в 1959 году), юмористический роман «Звездами пересеченный», роман «Тысячелетие» (о жгучих глобальных проблемах энергетики и минеральных ресурсов Земли в долгосрочной перспективе к концу нашего века), политический роман «Человек с несколькими лицами» (раскрывающий сенсационные закулисные стороны президентских выборов и особенностей деятельности президентов США) и некоторые другие, в том числе предлагаемые вниманию читателя в данном сборнике.

Бен Бова известен также как автор пособия для пишущих научную фантастику («На заметку писателю-фантасту»). На русский язык переведено несколько его рассказов и научно-популярная книга «Новая астрономия». Сейчас этот список пополнен «Властелинами погоды» и «Ветрами Альтаира».

Пожалуй, я был несколько односторонен и несправедлив в своей сделанной выше оценке первого из этих двух произведений. На деле во «Властелинах погоды» интерес у многих читателей, наверное, способен вызвать не только сенсационные научные идеи управления погодой и даже не только напряженный сюжет, но и действующие в романе люди из так называемого мира ученых. Быть может потому, что почти вся моя жизнь прошла в рамках этого мира, я лично не вижу в нем ничего особо интересного, во всяком случае хоть сколько-нибудь более интересного, чем мир иных профессий. Разумеется, американский ученый мир мне известен гораздо хуже нашего собственного, но вполне достаточно, чтобы ничему не удивляться. Впрочем, то, что обыденно-скучно для одного, нередко бывает чрезвычайно интересно для другого.

Кстати, в этой «обычности» житейской ситуации (а точнее, квазиобычности, коль скоро речь идет в

общем-то о довольно фантастической ситуации, да еще из времен отдаленного будущего) и заключается одна из привлекательных сторон романа, правда, к научной фантастике прямого отношения не имеющая. Как уже говорилось, автор знает американский ученый мир не понаслышке и не по книгам, а по личному опыту многих лет самой будничной работы в нем. На страницах романа он добросовестно и талантливо воспроизводит то, что многократно видел (не мог не видеть!) в реальной жизни. Если бы речь шла не об управлении погодой в XXI веке, а об обычных физических, химических, биологических, экономических, социологических, исторических и т. д. исследованиях в 70-х годах XX века, то можно было бы сохранить все до единой реплики, все до единого поступки героев романа — и получился бы один из самых обычных бытописательных романов «из жизни ученых», без малейшей примеси фантастики.

Таким образом, как мне кажется, читатель романа «Властины погоды» убивает разом двух зайцев: получает удовольствие от добротной научной фантастики, вводящей его в область актуальнейших проблем современной науки, и получает достоверное представление о нравах, обычаях, жизненных коллизиях американского ученого мира — зеркального «сколка» одной из сторон многосложной американской действительности. И если отвлечься от бурных перипетий героев романа (особенно головокружительных к концу повествования), то невольно приходит на ум мысль о необходимости, прежде чем управлять погодой, научиться управлять обществом, самими собой, а это в условиях буржуазного государства — заведомо ненаучная фантастика.

Совершенно в ином ключе написана повесть «Ветры Альтаира». На первый взгляд, это обычная при-

ключенческая фантастика для детей среднего и старшего возраста, одна из многих повестей Бена Бовы в этом жанре, хорошо сделанная и захватывающая воображение любого читателя в возрасте от десяти до ста лет, пожалуй, даже больше, чем «Властелины погоды». Шутка сказать, вдруг оказываешься на сверхсветовом звездолете у страшной планеты Альтаир VI, где в смертельно-ядовитой для людей атмосфере и гидросфере из метана и аммиака обитают многотонные шестипалые волкоты и столь же огромные обезьяноподобные колоссы, долженствующие (по достоверным научным данным) через какой-нибудь миллион лет эволюционировать в разумные существа. И тут такое начинается!..

Но опять-таки, если на время отвлечься от ужасов Альтаира VI и обратить свои мысленные взоры к родной планете по имени Земля, скажем перенестись в джунгли Амазонки или Конго, Инда или Ганга, то на ум сразу же приходят глобальные проблемы современности — те самые, ради решения которых и был послан сверхсветовой звездолет к Альтаиру и иным мирам. Проблемы эти ныне общеизвестны. О них написана гора литературы, растущая год от года.

Напомним: в настоящее время на Земле живет свыше четырех миллиардов людей, и каждый год к ним прибавляются десятки миллионов новых. Менее чем через полвека, при нынешних темпах роста, народонаселение Земли удвоится. Между тем уже сейчас в развивающихся странах Азии, Африки, Латинской Америки мучительно умирают медленной голодной смертью десятки миллионов человек и сотни миллионов годами не получают полноценного питания, живут впроголодь. Правда, теоретически Земля способна прокормить многие десятки миллиардов людей. Но практика современного империализма с его

гонкой вооружений, поглощающей огромные средства, с его политикой неоколониализма, не дающей отсталым странам выбиться из тисков отсталости и нищеты, очень далека от этой теории. Правда, темпы роста населения во многих странах как будто начинают замедляться и теоретически можно ожидать, что на протяжении XXI века народонаселение земного шара увеличится в два — от силы в четыре раза по сравнению с существующим числом людей. Но ведь это пока только предположения, гипотезы. Чтобы теория превратилась в практику, необходимо решить множество социальных проблем.

Сейчас разведанных, сравнительно легко добываемых запасов нефти, газа, залежей многих цветных металлов осталось максимум на полвека. Теоретически запасы чуть ли не беспредельны. Но на практике их добыча требует гораздо более совершенной техники и, главное, огромных, несопоставимых с нынешними затрат. А мы наглядно видим, какой ажиотаж и какая сумятица поднимаются в капиталистическом мире даже при сравнительно незначительном повышении цен на нефть. Что же произойдет, когда начнет иссякать то, что лежит, можно сказать, под ногами?

А стихийный при капитализме рост сверхкрупных городов-мегаполисов, где скучиваются десятки миллионов людей, где свирепствует безработица, происходит массовая деморализация людей, процветают наркомания, преступность и т. п.? А растущее загрязнение окружающей природной среды — воздуха, воды, почвы, шумовое, радиационное и прочее? Перечню нет конца, и в среде в мировой общественности вот уже скоро целое десятилетие идет полемика, как решать такого рода глобальные проблемы. На Западе немало людей, которые не верят в возможность революционных социальных преобразова-

ний, необходимых для оптимального решения подобных проблем. Они возлагают надежды на самые разные «пути спасения»: кто на религию, кто на самосовершенствование людей, а кто на эмиграцию человечества к иным звездным мирам, где природа еще не загажена и мегалополисов пока нет.

Бен Бова, будучи писателем-фантастом, решил попробовать «реализовать» это последнее предложение. С его будущей Земли XXI или XXII века, где скучились в невообразимой тесноте несколько десятков миллиардов людей, где безнадежно загрязнена природная среда, где то и дело вспыхивает опасность повального голода и болезней, один за другим стартуют к иным мирам звездолеты, задача которых — найти планеты, пригодные для колонизации их землянами.

Однако вдумайтесь: можно ли избавить Землю от перенаселения простым переселением людей? Ведь ныне в некоторых странах население удваивается в числе каждые двадцать лет. Удвойте десятки миллиардов и сообразите, сколько потребуется звездолетов любого мыслимого масштаба и сколько планет земного типа, даже если бы таковые нашлись поблизости в нашей Галактике! Как будет обстоять дело на этих планетах через 20, 40, 80 лет? И как будет обстоять дело на самой Земле, с ее городами, природой, полезными ископаемыми? А ведь теоретически (опять теоретически!) можно не только прокормить и обеспечить всем необходимым десятки миллиардов человек, можно также сознательным планированием того или иного числа детей в семье довести численность человечества до любой в принципе величины, какая будет сочтена нашими внуками и правнуками целесообразной. Для этого необходима лишь справедливая и прогрессивная социальная организация человечества, качественно отличающаяся от ка-

питалистического способа производства и буржуазного строя, исключая гонку вооружений и эксплуатацию человека человеком.

Бен Бова не марксист. Он даже не задумывается о возможности и желательности социальных преобразований окружающего его, привычного ему мира. Но его герои поднимаются до мысли о том, что земные проблемы можно и должно решать не где-то в просторах космоса, а на Земле, и только на Земле. К тому же перед ними встает этическая проблема: имеем ли мы моральное право посягать на мир наших соседей — по космосу ли, по родной ли планете, все равно — только лишь затем, чтобы попросторнее расположиться, урвать побольше выгод? Буржуазная мораль отвечает на этот вопрос категорически: «Да!» Если сосед слабее тебя — будь то Альтаир VI, Гватемала или негритянская семья живущих поблизости бедняков, — он, с позиций буржуазной морали, как бы автоматически должен становиться объектом эксплуатации более сильного и богатого. И чем больше получишь прибыли, тем больший тебе почет среди таких же эксплуататоров. Бен Бова ставит под сомнение такую мораль, ищет вместе с читателем иные, более гуманные пути сосуществования разумных существ, сосуществования разных миров. И читатель признателен ему за это.

Публикуемый в сборнике рассказ «Незначительный просчет» приоткрывает еще одну грань таланта писателя. Фантаст смело вторгается в родственный ему мир прогностики и обнаруживает там любопытные драматические, порой трагические, а иногда и трагикомические коллизии. С одной из них он и знакомит читателя.

Человек, как известно, существо одновременно и рациональное, и иррациональное. Ему всегда хочется не только достижимого, но и заведомо недости-

жимого — на то он и человек, которому, по давным-давно высказанному определению, ничто человеческое не чуждо. В частности, ему, например, страстно хочется достичь бессмертия. Или достоверно, до мельчайших деталей знать будущее — и свое лично, и всего человечества в целом, и даже всего мироздания в совокупности. Не важно, что лучшие умы человечества давно поняли: личное бессмертие — даже если бы оно оказалось возможным — неизбежно должно быть оплачено страшной ценой обесчеловечения человека (и человеческого общества тоже), превращения человека в «нечеловека», в нечто такое, чему, подумавши хорошенько, не позавидуешь. Что достоверное знание будущего в деталях — даже если бы оно оказалось возможным — разом лишило бы человека смысла его жизни и в конце концов сделало бы «нечеловеком». Можно ли говорить о бессмертии, когда мы даже своими семью десятками лет средней продолжительности жизни не умеем распорядиться как следует, то и дело убивая время (целые годы в общей сложности!) самым безжалостным и постыдным образом. А в том, что касается детального знания будущего, оно горько наказывает пророков всех времен и народов тем, что им, как правило, никто не верит даже в тех редких случаях, когда им удается более или менее точно предвосхитить, предугадать какое-то событие в будущем. Помните грустные строки поэта?

Если люди бы поверили Кассандре,
Троя, может быть, стояла и поныне...

Подлинно научная социальная прогностика отказывается от заведомо тщетных попыток предсказания будущих явлений. Ей известно, что судьба этих явлений во многом зависит от нас с вами, от на-

ших действий, наших решений (в том числе принятых с учетом прогнозов). Поэтому она сосредоточивает внимание исследователей на повышении уровня объективности и, следовательно, эффективности принимаемых решений. Это делается путем изучения условно продолженных в будущее наблюдаемых тенденций развития, позволяющих точнее выявить перспективные проблемы, подлежащие решению (например, 50 миллиардов людей на Земле — это не предсказание, а проблема, которую необходимо решать сегодня, сейчас). И это делается путем изучения различных возможностей решения таких проблем, чтобы в конечном счете достичь какого-то наилучшего, оптимального состояния. А затем на базе подобных прогнозов вырабатываются рекомендации для планирования, проектирования, программирования, вообще для управления социальными процессами.

Бен Бова не задается целью рассказать о тех драмах, комедиях и трагедиях, которые постоянно приключаются при претворении только что описанной теории в практику. Он просто-напросто ставит своего героя в положение новоявленной Кассандры. И вот...

Но о том, что из этого получилось, лучше узнать у самого автора.

И. Бестужев-Лада

Властелины погоды

Тому президенту, кто примет решения «не потому, что они простые, а потому, что они трудные», кто поставит перед наукой и правительством сложнейшую задачу, «потому что эту задачу необходимо решить, потому что ее решение невозможно откладывать и потому что мы намерены эту задачу одолеть».

1. День первый

Утром того дня, когда я впервые увидел Тэда Маррета, я был на острове Оаху. В феврале я окончил колледж, отец предоставил мне стол и пост в своем «Торнтон пасифик энтерпрайзис корп.», но пляж пришелся мне куда больше по душе.

Отец следил за тем, чтобы все мы — я и трое братьев — вставали рано. Но в то утро братья отправились по делам, а я сбежал покататься на волнах прибоя.

Был отличный прилив, шумели волны, а небо сияло почти безоблачной синевой...

В этот ранний час на берегу не было никого, но чуть позднее появятся мои приятели. Я скользил на больших волнах уже с полчаса, когда одна из них накрыла меня, сбросила с доски, и я стал захлебываться, с трудом выгребая из-под многотонной пенящейся водяной громады. Слава богу, мне удалось выбраться и даже вытащить на песок свою доску. Я растянулся под ласковым солнцем и стал любоваться великолепными пенными громадами.

Вскоре это зрелище мне надоело, я включил портативный телевизор, который принес с собой. Шел боевик, я его уже видел прежде, но можно было и еще разок посмотреть.

Но тут в кармане моего халата зажжужал зуммер — ясно, кто меня вызывал. И конечно, когда я вытащил видеофон и включил его, с крошечного экрана на меня, подобно грозovým тучам над подветренным склоном гор нашего острова, воззрился отец.

— Если не трудно, оторвись, пожалуйста, от пляжа, ты нужен мне в офисе.

— Я тебе нужен?

Мое удивление вызвало у него подобие улыбки.

— Представь себе, нужен. Твои братья не справляются со всеми нашими делами. Езжай-ка сюда и немедленно.

— Может, дело подождет до ленча? Сейчас придут друзья, и...

— Нет, — сказал отец. — Сейчас, если не возражаешь.

Ну, если уж отец заговорил таким тоном и с таким выражением лица, лучше не спорить. Я оставил приятелям телевизор и доску и поплелся домой. Быстро принял душ, переоделся и вызвал машину. Через пять минут я уже мчался по дороге к основной магистрали. Поставил машину на автоматическое управление — не потому, что движение на дороге было плотное, просто хотел досмотреть вестерн. Но я опоздал: вестерн кончился, передавали новости. «Над тихоокеанскими подводными шахтами „Торнтон“ вновь разразился шторм, — оживленно комментировал диктор, — два человека пропали без вести». «Только два — из шестисот инженеров и техников», — добавил он.

Теперь понятно, почему хмурился отец.

Но при чем здесь я?

Еще несколько минут езды по автостраде, и машина остановилась у здания «Торнтон пасифик».

Когда я вошел в просторный, покрытый ворсистым ковром отцовский кабинет, отец стоял у широко-

го, во всю стену, окна и угрюмо смотрел на сверкающий океан. Он обернулся, и, как всегда при взгляде на меня, на его лице появилось страдальческое выражение.

— Мог бы по крайней мере надеть на себя что-нибудь поприличнее.

— Но ведь и ты в шортах, — возразил я.

— Это костюм делового человека, а в твоём — только в цветущих садах фланировать.

— Я надел первый попавшийся: ты же меня торопил.

— Тебе полагалось быть здесь, на своем рабочем месте, а не на пляже.

Пришлось соорудить постную мину.

— Джереми, это же твое дело, такое же, как мое и твоих братьев. Почему ты не интересуешься им? Твои братья...

— Да нечего мне здесь делать, отец! Во всяком случае, ничего интересного для себя я не нахожу. Вы и без меня прекрасно обходитесь.

— Ничего интересного? — Он был и удивлен, и разгневан. — Вести первые в мире подводные разработки — не интересно? Первые в мире межконтинентальные пассажирские ракеты — не интересно?

Я пожал плечами.

— Рутинка, отец. Все новое, трудное вы уже сделали. Ты, Рик и все вы. Мне не осталось ничего свежего, никакого, понимаешь, удовлетворения.

Отец недоверчиво покачал головой.

— Когда твои братья вошли в дело, им было столько же, сколько тебе сейчас, а теперь они съели на этом зубы, помогли мне создать «Торнтон пассивик». Я надеялся, ты последуешь их примеру.

Я промолчал.

Отец подошел к письменному столу, просмотрел бумагу с какими-то пометками.

— Ладно. У меня есть для тебя дело, и меня не заботит, заинтересует оно тебя или нет. Отправляйся в Бостон десятичасовым рейсом. Поторопись, не то прозеваешь ракету.

— В Бостон? К дядюшке...

— Нет, по делу, а не ради родственного визита. Ты едешь в Климатологический отдел. В Нью-Йорк прилетишь примерно в половине пятого по местному времени, значит, в Бостоне будешь не позднее половины шестого. Я сообщу в Отдел, чтобы тебя подождали.

— Что такое Климатологический отдел? Из-за чего ты все это затеваешь?

— Из-за штормов, из-за чего же еще! — вспыхнул отец. — Климатологический отдел входит в Бюро погоды, это отдел, который занимается длительными прогнозами и пытается воздействовать на погоду.

— В самом деле, я слышал о шторме, пока добирался сюда. Что-нибудь известно о пропавших без вести?

— Пока нет, — ответил отец, усаживаясь в кресло за столом. — Когда разыгрался шторм, они были в батискафе. Трос оборвался. Батискаф, по-видимому, опустился на дно, но мы никак не можем его обнаружить.

— А какая глубина там, где они затонули?

— Восемнадцать тысяч футов. Мы выручали людей из более гиблых мест, но и тут достаточно глубоко. Один из них начинал вместе со мной все это дело с глубоководными разработками. Если мы их не найдем...

— Сколько они могут продержаться в батискафе, часов двенадцать?

— Если не будет неполадок. — Отец стукнул кулаком по столу. — Проклятые штормы! За последние десять дней это уже третий, а ведь сейчас только

первая половина апреля. Если погода не уgomонится, можно прикрывать лавочку. «Модерн металз» рас-торгнет контракт. Мы потеряем на этом миллионы!

— Неужели все так скверно?

— Никто, поверь мне, Джереми, никто не зани-мался этим делом столько, сколько я, — сказал отец. — Но такой штормовой весны мне еще не при-водилось видеть... Там, в Климатологическом, нам должны помочь. Конечно, я мог бы поговорить с ни-ми по телефону, но личные контакты всегда пред-почтительнее. Так вот, тебе предстоит найти челове-ка, который занимается погодой, и не оставлять его до тех пор, пока он не согласится нам помочь.

Секретарша отца подготовила все необходимые бу-маги, заказала билеты на ракету и вертолет, который ожидал меня на крыше здания, чтобы доставить на взлетную площадку ракетодома.

Мне, разумеется, предстояло лететь на ракете корпорации «Торнтон аэроспейс». Компания принад-лежала дядюшке Лоуэллу из Новой Англии, но отец вел дела тихоокеанского региона. У отца издавна бы-ли расхождения с семьей Торнов, что, впрочем, не мешало их деловому сотрудничеству. Когда дядюшке Лоуэллу при создании коммерческой линии пасса-жирских ракет потребовалась помощь, отец вложил в его дело немалый капитал. Справедливости ради на-до сказать, что на решение отца повлияло и то об-стоятельство, что руда, добываемая его корпорацией на просторах Тихого океана, с помощью транспорт-ных ракет за каких-нибудь полчаса прямо со дна океана могла быть доставлена в промышленные цент-ры Штатов.

В отличие от стройных, гладких космических ра-кет пассажирская ракета выглядела приземистым тяжеловесом. Вокруг ее корпуса располагались реак-тивные двигатели. Когда мой вертолет достиг плаву-

чей посадочной площадки, четырехпалубный салон ракеты заполняли сотни две пассажиров. На противоположном берегу залива виднелся мемориал сената Аризоны, где-то в глубине буксир отводил бустер из опасного района.

Я поднялся на борт ракеты последним. На каждом повороте меня встречали улыбкой стюардессы — они приветствовали меня, когда я шел по трапу, поднимался в подъемнике, проходил по салону — вплоть до предназначенного мне мягкого кресла.

Для большинства пассажиров полет на ракете был в новинку, многие предпочитали «безопасные и удобные» сверхзвуковые реактивные самолеты «новым и опасным межконтинентальным ракетам». А между тем путешествие на ракете обходится дешевле, проходит быстрее и на самом деле куда безопаснее, чем на реактивном самолете. Помнится, я даже спросил отца, как люди этого не понимают.

— Между способностью инженеров создавать новое и способностью широкой публики принимать это новое существует колоссальный разрыв, — объяснил отец. — Нужен какой-то срок, чтобы средний человек согласовал свои привычные представления с новыми идеями... даже если эти идеи сохраняют ему время и деньги.

Я хорошо запомнил эти слова, потому что последние четыре года своей жизни потратил на решение именно этой проблемы.

Полет на ракете проходил без происшествий: небольшая перегрузка и шум при взлете, легкие сотрясения, когда сбрасывали отработавшие стартовые двигатели, долгое легкое скольжение в невесомости и снова чуть возросшая перегрузка при приземлении. В пассажирском салоне не было смотровых иллюминаторов, зато на экране телевизора напротив каждого кресла можно было наблюдать окружающий мир. Мои

соседи восхищались видом Земли в обрамлении голубого неба с барашками белых облаков, звездами и Луной. Некоторые даже уверяли, будто видят светящуюся точку там, где на Луне находится База.

Для меня все эти картины были привычными, а потому я предпочел посмотреть детективный фильм.

При посадке внешние камеры отключили: стоит ли пугать пассажиров зрелищем жаркого пламени, в объятия которого попадает корабль?

Детектив на экране моего телевизора кончился, и я услышал приглушенный рокот тормозных двигателей — мы опускались на мягкую площадку посреди посадочного поля.

Снаружи было тепло и влажно. Один из служащих компании «Торнтон аэроспейс» протиснулся к выходу из ракеты и протянул мне капсулу с телефонограммой. От отца. Я поблагодарил его и спросил, как мне добраться до поезда, отправляющегося в Бостон. Он провел меня на нужную ленту слайдера.

Ступив на движущуюся ленту, по которой мне предстояло одолеть довольно большое расстояние до вокзала, я достал минифон, вставил в него капсулу и в наушниках услышал голос отца:

— Джереми, мы узнали имя человека, с которым тебе надо встретиться в Климатологическом. Его зовут Россмен... Кажется, Ф. Д. Зови его «доктором», это ему польстит. Он занимается длительными прогнозами и управлением погодой. Мы договорились о вашей встрече на 17. 30. Да, кстати, военные моряки обнаружили пропавших без вести. Их довольно здорово помяло, но ничего, выкарабкаются. Позвони мне после визита к Россмену. Желаю удачи.

Я сунул минифон в карман шорт и взглянул на часы. Стрелки показывали 10.38 по гавайскому времени — я еще не успел их перевести, так как нигде по дороге не заметил часов. Позади остался шумный

космодром с множеством посадочных площадок для ракет и кружащих над головой реактивных самолетов. Вдалеке проступали неясные очертания Манхэттенского купола, который покрывал деловую часть Нью-Йорка. Из-за густого смога его каркас едва просматривался.

На ленте слайдера я проскочил сквозь воздушный поток при входе в вокзал и наконец получил возможность сверить часы: было 16.40 по местному времени. Я бросился в туннель-платформу и вскочил в экспресс, шедший в Бостон.

В пневматических поездах путешествие проходит быстро и неуютительно, только стук стальных колес по стальным рельсам, как бы его ни старались приглушить, терзает слух. В четырехместном купе я был единственным пассажиром. Меня мучила мысль: успею ли я к назначенному сроку на встречу с Россменом?

Когда я вышел из поезда и на лифте поднялся в Башню транспортировки в Бостоне, часы показывали двадцать минут шестого. Но пилоту вертолета понадобилось около двадцати минут и сверх того — несколько долларов за каждый метр — для того, чтобы обнаружить здание Климатологического отдела в пригороде Бостона.

Стоянка для машин, где я высадился, была почти пуста, и в холле не было никого, кроме одинокого охранника в форме, дремавшего за конторкой.

Я пересек холл по отполированному паркету, чувствуя себя довольно глупо.

— Будьте добры, я хотел бы видеть доктора Россмена.

Охранник, оторвавшись от журнала по бейсболу, взглянул на меня.

— Мистера Россмена? Он только что ушел.

— Но... но он должен был меня ждать.

Я полез в карман жилета и вытащил несколько визитных карточек с указанием нашей фирмы — отец настоял, чтобы я имел их при себе.

— Я почти убежден, что доктора уже нет. Впрочем, подождите, я проверю.

Он набрал номер на интеркоме. Я заметил, что интерком без телеэкрана.

— Сектор длительных прогнозов, — откликнулся резкий голос.

— Доктор Россмен на месте?

— Да, он ждет какого-то приезжего... по имени Торнтон.. или что-то в этом роде.

Охранник взглянул на мою карточку.

— Джереми Торн Третий? Из «Торнтон пассивик»?

— Да. Направьте его к нам наверх.

Охранник объяснил мне, как пройти. Вверх по лестнице, потом прямо по коридору, пересечь три... нет, кажется, четыре коридора.

После того как я трижды сворачивал не туда и набил себе шишек на голове, я услышал уже знакомый резкий голос. Его обладатель таким же раздраженным тоном отвечал кому-то. Следуя на голос, я подошел к двери с надписью «Сектор длительных прогнозов». В остальных кабинетах, по-видимому, никого не было.

Войдя через приоткрытую дверь, я очутился в комнате, где стояли столы для секретарш и шкафы с бумагами. Очевидно, это была приемная, из которой выходило еще несколько дверей. Одна из них была неплотно закрыта, оттуда-то и доносились голоса.

Я заглянул в щель. В небольшом сером помещении за столом, заваленным бумагами, сидел пожилой мужчина, а возле доски, спиной ко мне, расхаживал высокий, атлетически сложенный человек, чей голос я слышал раньше, и возбужденно говорил:

— ...доклад Сладека все объясняет. Работы Института Крейчнана вполне оправданы. Теперь можно без особых хлопот предсказывать, что произойдет с турбулентным завихрением.

Его собеседник кивнул головой.

— Прекрасно, если так. Но, может быть, вы остановитесь на минутку и поздороваетесь с нашим гостем?

Мужчина обернулся.

— Ну, наконец-то! А мы уже думали послать за вами поисковую команду.

— Я и вправду чуть не заблудился, — признался я.

— Тэд Маррет, — представился мужчина и энергично пожал мою руку. Повернувшись, он сказал: — А это доктор Барневельд, руководитель теоретического сектора.

Тэд был примерно моего возраста, может на год-два постарше. Это был широкоплечий долговязый мужчина с костлявым, несколько угловатым лицом и едва заметным шрамом на переносице (бейсбольная травма, как я узнал позже). Косматые рыжие волосы горели ярким пламенем. Он совсем не походил на ученого, способного потрясти мир.

Рядом с беспокойным, бурно жестикулирующим Марретом доктор Барневельд казался незначительным и тихим, почти сонным. От его тощей, сутуловатой фигуры и белых как снег волос веяло беззащитностью. Морщинки на лице, видно, объяснялись не возрастом, а постоянной улыбкой.

— Очень приятно, — сказал я. — Я...

— ...Джереми Торн Третий, — закончил за меня Тэд. — Никогда еще не встречал даже второго, ничего такого... Прилетели ракетой с Гавайев? Как прошел полет? Вид у вас вполне южный.

— Не успел переодеться, — пробормотал я. — А доктор Россмен здесь? Мне бы хотелось...

— Я ему сказал, что вы прибыли. Но он заставит вас подождать минуты две-три, прежде чем допустит к себе. Это своеобразная отместка за то, что вы вынудили его задержаться.

— Отместка?

— Мы обычно кончаем в 16. 15, и Россмен всегда спешит домой к жене и деткам. Он страшно нервничает, когда приходится задержаться до пяти — половины шестого, а тут он и это время пересидел.

— Дело в том, что вертолет...

— Да не волнуйтесь, через несколько минут он вас позовет.

Я не знал, что сказать.

— А вы не из-за меня задержались?

— Вовсе нет, — отмахнулся Тэд от моего предположения. С усмешкой взглянув на Барневельда, он добавил: — Мы тут гадаем насчет управления погодой.

2. Это невозможно!..

— *У*правления погодой? — воскликнул я. — Как раз из-за этого я и приехал.

— Очевидно, нам следует объяснить... — начал Барневельд, но его прервало жужжание зуммера.

Барневельд сдвинул в сторону стопку бумаг с середины стола, где находился интерком, и тронул пальцем загоревшуюся кнопку.

— Ну что, гость нашел, наконец, наш отдел? — спросил неприятный голос.

— Мистер Торн здесь.

— В таком случае направьте его ко мне.

Щелчок. Интерком замолчал.

Тэд жестом остановил поднявшегося было Барневельда.

— Это в конце коридора, — сказал он, указывая пальцем направление, и с легкой усмешкой добавил: — Желаю удачи.

Я слегка нервничал, пока шел по коридору. На двери не было таблички с именем. Я тихо постучал.

— Войдите.

Кабинет Россмена был почти таким же небольшим и невзрачным, как и тот, из которого я только что вышел. Металлическая конторка, книжные шкафы с папками, скромный стол для заседаний с разномастными стульями возле него — вот, пожалуй, и все. Всего одно окно, на стенах — карты и графики, судя по их виду, висевшие здесь уже несколько лет.

Прежде я не представлял себе разницу между положением служащих частного предприятия и государственного — по крайней мере, в том, что относилось к занимаемому ими помещению и обстановке. Будь у доктора Россмена такой же пост, как у моего отца, его кабинет был бы раза в четыре больше. Как и оклад.

Когда я вошел, Россмен сидел за столом.

— Присаживайтесь, мистер Торн. Надеюсь, вам не составило большого труда найти нас.

— Пришлось немного поблуждать, — ответил я. — Извините, что задержал вас.

Россмен пожал плечами. Это был худощавый мужчина с узким унылым лицом, чем-то напоминавшим морду ищейки.

— Ну-с, — сказал он, пока я присаживался к его столу, — так чем мы можем быть полезны фирме «Торнтон пасифик»?

Я наконец сел.

— Нас беспокоят штормы, от которых наши драги приходят в негодность. Это причиняет большой урон технике и дорого нам обходится.

Он угрюмо кивнул.

— Разумеется.

— Отец просил узнать, чем вы можете нам помочь. Сейчас мы вынуждены на несколько дней прекратить добычу руды. Если в скором времени не удастся справиться со штормами, фирма понесет большие убытки. Я уж не говорю о людях, которые рискуют жизнью.

— Понятно, — сказал Россмен. — Мы пытались по возможности охватить весь район Тихого океана наиболее точными долгосрочными прогнозами. Треть моих сотрудников бьется сейчас над этой проблемой. К несчастью, предсказание штормов в открытом океане — дело трудное, *очень* трудное.

— Да, да, конечно.

— Видите ли, мистер Торн, наши длительные прогнозы зиждутся на статистике. Мы с достаточной степенью уверенности можем предсказать количество осадков в определенном районе на тот или иной отрезок времени — скажем, на месяц. Но точно предсказать, когда именно начнется шторм, мы практически можем только в последнюю минуту. А заранее сказать о направлении движения шторма еще труднее — разве что в самых общих чертах.

— Ну, а если шторм подбирается к таким жизненно важным районам, как те, где установлены наши драги, можете ли вы заставить его изменить направление или вовсе разрушить его?

Губы Россмена на мгновение чуть тронула улыбка, но он тут же взял себя в руки.

— Мистер Торн, откуда вы взяли, что мы способны делать все это?

— Но разве не вы осуществляете работы по управлению погодой? Мне приходилось читать о том, как засеивают тучи, и о патрулях ураганов...

— Вы ошибаетесь, как, впрочем, и очень многие другие, — спокойно возразил Россмен. — Да, моя группа действительно отвечает за эксперименты, связанные с изменениями погоды. В очень узких масштабах Бюро погоды в течение нескольких лет осуществляло засеивание облаков и другие подобные опыты. Но не более того. Никаких определенных результатов не получено. Никто не умеет изменять направление шторма, никто не в состоянии разрушить его.

Я оторопел.

— Но люди, которые осмеливались летать в сердце ураганов...

— Ах, вы об этом! Да, несколько лет они в самом деле пытались найти способ влиять на ураганы. Но если и отмечались какие-то изменения в поведении ураганов, их никак нельзя связывать с деятельностью этих людей. Еще ни один ураган не удалось остановить или хотя бы замедлить его движение, несмотря на все наши попытки засеивать облака химическими.

Россмен откинулся на спинку вращающегося кресла и, казалось, любовался собой.

— Существует Группа непогоды в Канзас-Сити, заявившая, будто они иногда предупреждали зарождение торнадо засеиванием облаков. Но ни я, ни кто-либо другой у нас в Бюро не верим в это. До получения каких-либо результатов пока еще очень далеко.

Я не мог скрыть разочарования.

— Представьте себе, — продолжал Россмен, рассеянно взяв карандаш со стола, — за несколько минут ураган освобождает энергию, по мощности равную атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму. За день — энергию, эквивалентную сотне десятимегатон-

ных бомб! Никто и ничто не может остановить такую силу!

— Но... штормы поменьше — не можете ли вы что-нибудь с ними сделать? Хотя бы попытаться?

Он покачал головой.

— Насколько я могу судить, это обошлось бы слишком дорого, а главное, было бы совершенно напрасно. Как это ни парадоксально, ураганы, быть может, более подвержены изменениям в результате вмешательства человека, чем другие виды штормов, — по крайней мере они не так прочно сбалансированы, не столь устойчивы.

— Как странно...

— Да, — согласился Россмен. — Странно, особенно для непрофессионала. Но это так. Боюсь, что все эти толки вокруг воздействия на погоду — не более чем разговоры. И, смею вас уверить, пока я возглавляю Сектор длительных прогнозов, ни один из его сотрудников не будет вовлечен во все эти глупости.

— Глупости?

— Конечно же, глупости! — выпалил он, взмахнув карандашом. — Управление погодой! Все наши эксперименты попросту бессмысленны. Предположим даже, что мы смогли бы в широких масштабах влиять на погоду, заставить изменить направление штормов, которые неуютны вам, или вовсе уничтожать их. Откуда нам знать, что тем самым мы не создаем условий для образования другого, еще более разрушительного шторма где-нибудь в ином месте? Или, нарушая естественное равновесие сил, не вызовем бурю где-то в тысячах миль отсюда? Нет, в эту игру вовлечено слишком много разных факторов, слишком многого мы тут не понимаем и, возможно, никогда не поймем. Поверьте мне, что воздействовать на погоду... нет, это невозможно.

— Да, но люди в той комнате... они говорили об управлении погодой.

Россмен попытался изобразить на лице улыбку, но глаза его превратились в узкие бойницы.

— Это все Тэд Маррет. Как я уже объяснил вам, вокруг воздействия на погоду полно всяких разговоров. Мистер Маррет молод и честолюбив, готовит докторскую в Массачусетском технологическом институте, такой, знаете ли, ни с чем не согласный, всесокрушающий тип. Уверен, что вам встречались подобные. Со временем он поостынет, и тогда, возможно, из него выйдет превосходный метеоролог.

— Значит ли это, что вы ничем не сможете нам помочь?

— Этого я не говорил. — Россмен постучал карандашом по подбородку. — Во-первых, мы можем обеспечить вас службой срочного прогнозирования. Иными словами, выражаясь непрофессиональным языком, мы поставим вам компьютер, который будет снабжать вас прогнозами сразу же, как только они будут отпечатаны у нас. Полагаю, что сейчас вы получаете их по коммерческому видеофону, то есть с задержкой на двенадцать — восемнадцать часов.

— Что ж, это уже кое-что, — сказал я.

— Затем советую вам обратиться к правительству с просьбой о финансовой поддержке. Разумеется, объявить всю срединную часть Тихого океана районом бедствия вам не удастся, тем не менее некоторые правительственные агентства, бесспорно, окажут вам известную помощь.

— Понятно. — Почувствовав, что говорить нам больше не о чем, я встал: — Ну, спасибо, доктор Россмен, что вы не пожалели времени для разговора со мной.

— Сожалею, что пришлось разочаровать вас.

— Это будет еще большим разочарованием для моего отца.

Он проводил меня до двери своего кабинета.

— Не зайдете ли вы еще разок завтра? Я сведу вас с людьми, которые все устроят со службой срочного прогнозирования для вашей фирмы.

— Благодарю вас. Я все равно собирался уехать завтра после обеда.

— Прекрасно. Постараемся сделать все, что в наших силах.

Я прошел по коридору мимо комнаты, где еще недавно спорили Тэд и Барневельд, и спустился в холл. Здание, казалось, вымерло, и я почувствовал себя ужасно одиноким.

На одном из диванов в холле, листая журнал, сидел Тэд. Он взглянул на меня.

— Доктор Б. подумал, что у вас может не быть машины, чтобы вернуться в город. А достать здесь такси сейчас почти невозможно. Хотите, подвезу?

— Спасибо. Вы едете в Бостон?

— Я живу в Кембридже, прямо за рекой. Пошли.

У него была старая, потрепанная двухместная машина марки «лотос». Взвыл мотор, Тэд выстрелил машиной со стоянки на кольцо и на ручном управлении с рыком ринулся вперед. «Наверное, у него нет водителя», — подумал я.

Давненько я не бывал в апреле в Новой Англии и совсем забыл, как здесь бывает холодно, а ведь на мне все еще был легкий спортивный костюм. И теперь у меня зуб на зуб не попадал от холода. Тэд, к счастью, этого не замечал. Стараясь перекричать вой мотора и свист холодного ветра, он без устали говорил, жестикулируя одной рукой, а другой ведя машину сквозь все уплотнявшееся уличное движение. Темы его монолога сменялись почти с такой же частотой, как перекрестки, которые он проскакивал с

удивительной скоростью. Он говорил о Россмене, Барневельде, что-то о турбулентных потоках воздуха, о математике, о загрязнении атмосферы и даже попытался прочитать мне небольшую лекцию об особенностях климата на Гавайях. Я послушно кивал головой между тем как все тело мое сотрясалось от дрожи. Всякий раз, когда Тэд обгонял очередную машину, я мечтал оказаться на автоматической линии автостреды.

Он забросил меня в отель. Услышав его название, Тэд высоко поднял брови:

— Роскошно живете — лучший отель в городе.

Моя комната оказалась удобной. И теплой. Однако меня удивило, что отель не предоставил мне более вместительного номера. «Слишком много людей приехало, не хватает мест», — объяснил портье. По видеофону я заказал себе одежду, весьма скромную: брюки, пиджак и самые необходимые принадлежности туалета.

Ужин я принял было за ленч, пока не осознал, что все еще продолжаю жить по гавайскому времени. В полночь я не испытывал ни малейшего желания спать и смотрел ночные телепередачи до тех пор, пока незаметно для себя не погрузился в сон.

Солнце поднялось над Западным полушарием, согревая своим теплом моря, континенты и покрывающий их словно мантией беспокойный, давящий своей тяжестью на земную поверхность воздушный океан. Атмосфера, получающая энергию от Солнца, закрученная вращением Земли, двигалась словно живое теплокровное существо. В ней пульсировали ветры. Гигантские столбы воздуха вздымались вверх, впитывали влагу и вновь обрушивались вниз, освобождаясь от нее; они собирали тепло тропиков и несли его к полюсам — а вместе с теплом несли жизнь. Над этим не знающим покоя взвихренным слоем атмосферы воздушный океан становился спокойнее, и в нем лишь продолжали стремительно мчаться струйные течения. А еще выше, в по-

темневшем небе, где вспыхивали метеоры и разреженный воздух становился совершенно непригодным для дыхания, но все же прикрывал Землю от жесткой, мощной солнечной радиации, — в атмосфере зарождались электрические заряды. Постоянно колеблемый солнечными и лунными приливами и отливами, терзаемый магнитными бурями и невидимым межпланетным ветром, воздушный океан исчезает в темных глубинах космоса.

Я проснулся поздно, поспешно натянул на себя костюм и вызвал машину, чтобы ехать в Климатологический отдел. Пока машина с автоводителем пробиралась сквозь немыслимую кутерьму Бостона, я купил на завтрак в автомате-буфете, установленном на спинке заднего сиденья, лучшее из того, что мне могли предложить: синтетический фруктовый сок, подогретый бисквит и порошковое молоко.

Из машины я позвонил в Отдел. Секретарша Росмена сообщила, что он занят, но пошлет кого-нибудь встретить меня в холле.

Автомобильная стоянка возле Бюро была забита машинами, а в холле металось множество людей. Я назвал свое имя дежурному, тот кивком указал мне на тоненькую хорошенькую блондинку в светло-зеленой юбке и такого же цвета свитере, сидевшую за столом. От всей ее легкой фигурки, казалось, исходил аромат свежести, цветущих полей.

— Присцилла Барневельд, — представилась она. — Доктор Росмен просил сопровождать вас, чтобы вы не заблудились по пути в Сектор.

Я заметил, что глаза у нее серовато-зеленого цвета, слегка удлиненное лицо с правильными чертами заканчивалось небольшим, но решительным подбородком.

— Да-а, — протянул я, — вы, пожалуй, самый приятный из всех сюрпризов, с которыми мне довелось встретиться в Бюро погоды.

— А это самый приятный комплимент... по крайней мере за сегодняшний день. — Она говорила с легким, едва заметным акцентом. — Лифты вон там.

— Не забудь очки, Барни, — напомнил ей дежурный.

— О, спасибо, — она вернулась к креслу, в котором сидела, и подобрала очки. — Без них я бы весь день напролет щурилась.

— А почему Барни? — спросил я, пока мы шли к лифтам.

Улыбка скользнула по ее лицу.

— Это лучше, чем «Присси» или «Силли», не правда ли?

— Да, конечно. — Двери лифта распахнулись, и мы вошли в кабину. — А это вам не мешает порой?

— Да не такой уж я пунктуальный человек... особенно в отношениях с людьми... Третий этаж, пожалуйста, — сказала она в щелку панели автоматического управления лифтом.

Оформление документов в секции обслуживания на установку у нас в Гонолулу службы срочного прогнозирования доктора Россмена заняло у меня почти час. Барни помогала мне и, когда все нужные бумаги были заполнены, заложила их в автомат-исполнитель, который занимал большую часть помещения. Потом она спросила:

— А вы видели все здание? Я бы могла устроить вам официальную экскурсию, хотите?

«Только этого мне не хватало», — подумал я; впрочем, это все же лучше, чем торчать в аэропорту в ожидании очередного рейса.

— Ну, что же, показывайте.

Экскурсия заняла остаток утра. Здание оказалось гораздо вместительнее, чем можно было предположить, обозревая его снаружи. С задней стороны находилась пристройка, где размещались магазины и скла-

ды запасного оборудования. Барни показала мне лаборатории, в которых занимались изучением свойств воздуха при различных давлениях и температурах: его химическим составом, способностью поглощать тепловую энергию, влиянием содержания водяного пара, частиц пыли и множеством других явлений. По пути к вычислительному центру мы оказались в теоретическом секторе.

— У теоретиков особо нечего смотреть, — сказала Барни, когда мы проходили мимо их небольшого помещения. — Только и знают, что целыми днями сидят и пишут уравнения, которые мы потом должны решать.

Вычислительный центр производил сильное впечатление: ряд за рядом тянулись гудящие компьютеры, из кассет выползали спирали перфолент, куда-то бежали девушки, печатающие устройства выстреливали длинные свитки непонятных цифр и символов.

— Здесь я работаю, — донесся до меня голос Барни сквозь шум машин. — Я математик.

Я рассмеялся.

— Для не очень-то пунктуального человека, как вы изволили выразиться, это весьма неожиданная профессия.

— Я не очень пунктуальна только с людьми, — возразила она. — Другое дело с компьютерами. Я прекрасно лажу с большими машинами. Они не проявляют нетерпения, им незнакома смена настроений. Они строго логичны. Нужно только задать им программу на будущее. С ними гораздо легче договориться, чем с людьми.

— Но с ними, наверно, довольно скучно, — заметил я.

— Ну, а люди, особенно некоторые, иногда раздражают, — отпарировала Барни.

— Это место, — сказал я, наблюдая за девушкой.

ми, обслуживающими компьютеры, — представляется мне гаремом для метеорологов.

Барни кивнула.

— Здесь и в самом деле то и дело завязываются романы. Я частенько говорю, что, если бы программистами были мужчины, в отдел наведывалось бы вдвое меньше мужчин с требованиями специального программирования.

— Вероятно, женский труд дешевле.

— И лучше, во всяком случае, если говорить об аккуратности, — горячо заверила меня Барни.

— Простите, я сказал, не подумав. Такая у меня дурная привычка. Я не имел в виду...

— Я не обижаюсь, — улыбнулась Барни.

Чтобы переменить тему разговора, я сказал:

— Вчера вечером я встретился с доктором Барневельдом — это ваш отец или дедушка?

— Дядя, — ответила Барни. — Ян Барневельд. Он получил Нобелевскую премию за исследования физической химии воздуха. Это он изобрел первые препараты для засеивания облаков, которые воздействуют на непереохлажденные облака.

Звучало внушительно, хотя я не имел ни малейшего представления о предмете разговора.

— Мой отец — Ханнес Барневельд, они с мамой работают в Обсерватории Стромло в Южной Африке.

— Астрономы?

— Да, отец — астроном, а мама — математик. Они работают вместе.

Я улыбнулся.

— Значит, вы пошли по стопам своей матери.

— Вот именно. Пойдемте. — Она взяла меня за руку и провела сквозь узкий ряд компьютеров. — Тут есть еще одно место. Если там не побывать, экскурсию нельзя считать завершенной.

Мы ступили через порог в темноту. Барни закрыла за собой дверь, и мы оказались словно за сто миль от вычислительного центра. В комнате было прохладно и стояла умиротворяющая тишина. Постепенно, когда глаза немного свыклись со слабым освещением, я понял, что это было.

Я услышал собственный вздох.

Мы стояли перед экраном высотой футов в двадцать, на котором умещалось все Западное полушарие. Я легко мог различить континенты Северной и Южной Америки, хотя тучи закрывали широкие участки суши и моря. От ослепительного блеска Арктики и всплесков света — голубого, зеленого, красного, белого — буквально перехватывало дыхание.

На противоположной стене располагалось другое полушарие: Европа, Азия, Африка, огромный Тихий океан — оно занимало еще два экрана.

— Никто из тех, кто здесь побывал, не остался равнодушным к этому зрелищу, — тихо сказала Барни. — И меня оно потрясает всякий раз, когда я сюда прихожу.

— Это... — я не сразу нашел нужное слово, — это... невероятно!

— Изображения мы получаем с синхронных космических станций. Одним взглядом можно окинуть весь мир и представить себе метеорологическую карту Земли.

Барни подошла к пульту в центре комнаты, легко коснулась нескольких контрольных кнопок, и на экранах поверх телевизионных изображений появились карты погоды.

— Можно вернуться назад, — она вновь прошлась пальцами по кнопкам, — вот так, например, карта погоды выглядела вчера... — карта сдвинулась и немного изменилась, — или позавчера... неделю назад... в прошлом году...

— А какая она будет завтра? На следующей неделе? Через год?

— Завтрашняя — пожалуйста... — Карта снова слегка изменилась, и я увидел, куда завтра переместится шторм, бушующий сейчас над драгами нашей фирмы.

— Мы можем дать вам приблизительную сводку погоды на следующую неделю, — сказала Барни, — но она настолько неопределенна, что мы не хотим тратить сил даром и не составляем таких прогнозов. Что же касается погоды на следующий год, — тут она заговорщически понизила голос, — посоветуйтесь с «Альманахом старого фермера». Мы все так делаем.

— И Тэд Маррет тоже?

— Вы знаете Тэда? — удивилась она.

— Мы впервые встретились вчера вечером. Разве ваш дядюшка не рассказывал об этом?

— Нет, скорее всего забыл. Забывчивость — наша семейная черта.

— А не знаете, Тэд здесь? Я бы хотел поговорить с ним.

— По утрам он занят в Массачусетском технологическом. Обычно мы встречаемся во время ленча, — сказала Барни.

Я взглянул на часы. Было около двенадцати.

— А где вы завтракаете?

— В нашем здании есть кафетерий. Хотите к нам присоединиться?

— Если не возражаете.

— Но предупреждаю, — сказала она серьезно, — обычно ничего, кроме деловых разговоров, за ленчем не бывает.

— Если деловые разговоры касаются управления погодой, я с удовольствием их послушаю.

3. Аэродинамика плюс вода

Кафетерий при Климатологическом отделе — большой, шумный, переполненный людьми, — произвел на меня тягостное впечатление. Стены были выкрашены в унылый серый цвет, а от жалких попыток как-то украсить их почти не осталось и следа. Люди протискивались к стойке или толпились возле ничем не покрытых пластиковых столов. Да и еды-то практически не было — одни концентраты и синтетика, малоаппетитные блюда, хотя Барни, казалось, была вполне довольна выбором.

— Вы не голодны? — спросила она, пока мы отыскивали свободный столик.

У меня на подносе почти ничего не было.

— Я... Дело в том, что я привык к гавайской кухне, — неловко солгал я.

— Тут в окрестных городишках есть рестораны и получше, ну, и в Бостоне, конечно. Но они довольно дорогие.

— Настоящее мясо стоит того.

Барни бросила на меня испытующий взгляд и переменила тему разговора.

Мы наконец нашли столик и сели. В это время в кафетерии появился Тэд Маррет.

— Вон Тули Нойон и Тэд, — показала Барни на двух мужчин, которые брали подносы и проталкивались в очередь. — Тули приехал из Внутренней Монголии. Тэд нашел его в Массачусетском технологическом и подыскал ему работу здесь, правда, не на полный день. Он химик-кинетик.

— Кто, кто?

— Химик-кинетик, — повторила она. — Тули работал с моим дядей над новыми катализаторами, способными изменить энергетический баланс воздушной массы.

— О, это что-то вроде засеивания облаков?

— Вот именно.

Тули был массивного телосложения и от этого не казался очень высоким, но я заметил, что ростом он почти с Тэда. У него было круглое, широкоскулое лицо с плоскими чертами — он скорее мог сойти за эскимоса, чем за азиата.

Пробираясь к нашему столику, они не переставали разговаривать — впрочем, говорил в основном Тэд. В одной руке он умудрялся держать тяжело нагруженный поднос, а другой оживленно жестикулировал. Время от времени Тули с непроницаемым видом кивал головой.

Когда они поставили свои подносы на наш столик, я встал. Тэд кивком поздоровался с нами и, как ни в чем не бывало, продолжал начатый разговор:

— Так что Густафсон разрешил мне использовать их компьютер с полуночи до четырех утра, если я найду программиста. Я полагаю, Барни, что ты как раз подходишь для этого.

Тули, все еще не сядя за столик, представился:

— Я Тули Нойон, друг и помощник этой рыжеволосой говорящей машины.

Я засмеялся.

— А я Джерри Торн.

Мы пожали друг другу руки и сели.

— А, забыл вас представить, — пробормотал Тэд, уже принявшись за еду. — Голова полна дел посерьезней. Барни, ты должна выкроить время и составить программу для машины МИТа. А может, урвешь немного времени для меня и здесь? Для хорошего дела.

— Вечно у тебя «хорошие дела», — проворчала Барни, однако улыбнулась.

— Тэд почти убедил меня, что может составить прогноз погоды на две, а то и на три недели вперед, — сказал Тули.

— Используя уравнения турбулентного переноса? — спросила Барни.

Тэд кивнул, заглатывая огромный кусок бифштекса из искусственного мяса.

— И ваш прогноз погоды на две недели будет вернее, чем предсказания Бюро погоды на тридцать дней? — спросил я.

Он наконец с трудом проглотил кусок.

— Вернее? Никакого сравнения, приятель. Эти бредовые ежемесячные диаграммы Россмана ничего не отражают, кроме самых общих представлений о погодных тенденциях в данном регионе — температура, количество осадков для таких районов, как Новая Англия или юго-запад в целом. Прогноз температуры оправдывается на семьдесят пять процентов, а осадков — меньше чем на пятьдесят. В общем ерунда.

— А ваши прогнозы?

— Гарантирую девяносто пять процентов точности. А по местности — до одного метра. Еще немного поработать, и я скажу, на какой стороне улицы пойдет дождь. Часы будете проверять по моим прогнозам!

— Тэд, конечно, немного преувеличивает, — сказал Тули, — но месячные прогнозы, действительно, весьма приблизительны: даже прогнозы Бюро погоды и его местных отделений на три дня вперед оправдываются процентов на девяносто, не больше.

— И вовсе я не преувеличиваю, — настаивал Тэд. — Бюро в лучшем случае может предложить лишь самый общий прогноз температуры, ветров и осадков. Да я сам видел, как программисты закладывали в компьютер бабушкины присказки, вроде, знаете, такой: «Небо красно поутру — моряку не поутру». Ну, не ерунда ли это? А результат был ничуть не хуже, чем ежедневные сводки Бюро погоды. Клянусь! А я делаю точные прогнозы. С точностью «скорость

ветра — миля в час, количество осадков — два — три миллиметра».

— Если получится, — сказал Тули, — это будет сенсация!

— Ладно, мой скептически настроенный Конфуций, я собственноручно вычислил погоду на оставшиеся дни недели в Бостоне. Если прогноз оправдается, закладываем в машину прогноз погоды на неделю вперед на континентальные районы Соединенных Штатов.

— С скромное начало, — бесстрастно произнес Тули. — Почему бы не составить месячный прогноз для всего мира?

Тэд взглянул на него.

— Возможно, через недельку я так и сделаю.

— Чует мое сердце, не до сна нам будет начиная с этого момента и вплоть до понедельника, — сказала Барни.

— А может, и всю следующую неделю, — весело откликнулся Тэд. — Я намерен предсказать климатические изменения на три месяца вперед.

Тули сказал:

— Когда ты получишь, наконец, свою степень, тебе придется поделить ее с Барни.

— Я грозил жениться на ней. Если ее и это не пугает, ее не испугаешь ничем.

Барни промолчала, и беседа, казалось, зашла в тупик.

— Можно спросить?

— Конечно, Джерри.

— Вы тут говорили о прогнозах погоды и предсказаниях изменения климата. Какая между ними разница?

Тэд управился наконец со своим белковым концентратом.

— Как сыграли «Красные носки» вчера вечером?

— А?

— Они выиграли со счетом четыре — ноль, — ответил Тэд самому себе.

— Но какое это имеет отношение...

Он будто не слышал меня.

— Позавчера они тоже выиграли, шесть — пять. А вот в понедельник продулись, восемь — один.

— Варварская игра, — пробормотал Тули. — Никогда не заменит стрельбу из лука.

— Так вот, каждая игра, — продолжал Тэд, не обращая внимания на Тули, — это как погода каждого дня.

— То есть, по-вашему, каждый день она разная?

— То гладкая, то жесткая, напряженная игра, то легкая победа... и все это бейсбол. Казалось бы, все игры проводятся по одним правилам, и вместе с тем ни одна не повторяет полностью другую. Так?

Я кивнул.

— А теперь скажите, какое место в таблице занимает команда «Красные носки»? Четвертое, да? Две игры отдали «Сэттлу»... Вот вам климат на данный сезон... грубо говоря. В прошлом году они были на шестом месте — семнадцать игр отдали ни за понюшку табаку, пентюхи.

— Кажется, я понял. Окончательный итог...

— ...каждодневных погод в течение продолжительного времени составляет климат, — закончил Тэд. — Можно предсказать, например, что в этом году «Носки» будут где-то между третьим и шестым местом. Это, пожалуй, несложно. А вот чем закончится завтрашний матч, сказать труднее. Верно?

— Думаю, это мне понятно.

— Вот и хорошо. — Тэд вновь обратился к Барни и Тули. — Если мне удастся достать вам в помощь еще двух парней, мы сумеем дать прогноз погоды для

любого района нашей страны на две-три недели вперед. Как, годится для докторской диссертации?

— Не знаю, как для диссертации, — сказал я, — но это как раз то, ради чего я сюда приехал.

Кафетерий понемногу пустел, а я все рассказывал о штормах в Тихом океане, об отцовских подводных хозяйствах, о гибнущих драгах.

Тэд внимательно все выслушал, потом сказал:

— Да, паршивый для тех мест год выдался, это точно. Всегда так при минимуме солнечных пятен. Но вам нужны не долгосрочные прогнозы. Вы нуждаетесь в управлении погодой.

— Я об этом и просил доктора Россмена, а он сказал, что это невозможно.

— Правильно... С его точки зрения.

— А с вашей?

В кафетерии становилось все тише. Тэд придвинулся ближе к столу и понизил голос.

— Послушайте, что нужно для того, чтобы управлять погодой? Во-первых, исчерпывающая информация о том, что происходит в данный момент, какая где стоит погода. Этим мы располагаем. Во-вторых, мы должны вносить изменения в погоду там и тогда, где и когда нам нужно. Настоящие изменения, не какие-нибудь трюки. Такие ребята, как Тули и старина Барневельд, выпускают отличные химикалии для засеивания облаков и изменения баланса энергии. А у наших ВВС на орбите есть такие лазеры, с помощью которых можно поджарить яичницу с расстояния в тысячу миль.

Он отхлебнул глоток кофе и продолжал:

— В-третьих, мы должны знать баланс энергии атмосферы в глобальном масштабе. Это мы можем сделать уже сейчас. И последнее: мы обязаны располагать точным прогнозом погоды для всех точек Земли на недели, а то и месяцы вперед. Только тогда

можно рассчитать, какие изменения мы вызовем. Никто не станет умирять шторм, если есть хоть малейшая угроза вызвать тем самым снежный ураган во Флориде.

В чем в чем, а в логике ему не откажешь.

— Понятно, — сказал я. — Насколько я понял, в настоящее время вы заняты решением именно этой, последней проблемы — разработкой точнейших долгосрочных прогнозов.

— К концу этой недели выяснится, способны ли мы на это. Мне кажется, способны.

— И ты в самом деле веришь, — спросила Барни, сосредоточенно нахмурившись, — что уравнения турбулентного переноса являются ключом к точному долгосрочному прогнозированию?

— В них все дело! — настаивал Тэд. — Ты посмотри. Что такое погода? Это же турбулентные потоки воздуха... простая аэродинамика плюс вода. — Он повернулся ко мне и продолжал: — Вода — вот, где собака зарыта... В виде пара, дождя, снега или льда. Она способна высвобождать тепло или поглощать его. И что нам совершенно необходимо для прогнозирования — это информация о том, когда и сколько снега или дождя выпадет на нашу долю. Так?

Я кивнул.

— Так вот, с точки зрения специалиста по аэродинамике, проблема погоды — в определении пограничного слоя воздуха, прилегающего к поверхности Земли. Но это *турбулентный* пограничный слой, что сразу же усложняет проблему. Когда на вас дует ветер, разве вы ощущаете его как постоянный, ровный поток определенной силы? Он налетает порывами, шквалами и не изменяется секунду-другую, не дольше. Потому что он турбулентный!

— Турбулентный поток, — пояснил Тули, — означает, что движение в нем происходит сразу в двух на-

правлениях — горизонтальном и вертикальном. По всей тропосфере, то есть в нижнем слое атмосферы, воздух находится в постоянном турбулентном движении. Над тропопаузой...

— Это верхняя граница тропосферы, — дополнила Барни. — Высота примерно от двадцати до сорока тысяч футов.

— Да, — продолжал Тули, — так вот, над тропопаузой находится стратосфера. Воздушный поток там течет почти совершенно ламинарно, он движется горизонтально, с очень незначительными вертикальными колебаниями.

От всего услышанного у меня голова пошла кругом.

— Пойдите! Кто-то из вас — кто именно, не помню — назвал воздух потоком. Я не ослышался?

— Потоки могут быть жидкими, газообразными и плазменными, — уточнил Тули.

— Понятно? — спросил Тэд. — То, что мы называем «погодой», существует только в тропосфере, то есть в турбулентном потоке. Выше тропопаузы нет ни турбулентности, ни погоды.

— Там струйные течения, — сказал Тули. — Они тоже определенным образом влияют на погоду.

— Конечно. А еще выше можно обнаружить электрически заряженные слои в ионосфере, и магнитные бури от вспышек на Солнце, и частицы космических лучей, и мало ли еще чего. Но это уже воздействия второго, а то и третьего порядка. На ежедневную погоду у нас здесь, внизу, они существенно не влияют. Хотя могут повлиять на климат.

— Но все-таки кухня погоды находится в турбулентном слое воздуха? — попытался я внести ясность в собственные представления.

— Правильно. Поэтому до работ Института Крейчана, позволивших следить за тем, что происходит

в турбулентных потоках, не было реальной возможности предсказывать погоду. Мне удалось использовать работу Крейчнана для прогнозирования погоды. Если все пойдет так, как я это себе представляю, мы действительно сможем научно предсказывать погоду, а не гадать на кофейной гуще.

— Но как сейчас делаются прогнозы? Они не так уж плохи без всех этих рассуждений о турбулентности.

Тэд усмехнулся и откинулся на спинку стула.

— Как они делаются сейчас? По-всякому. Подбрасывают монету, играют в рулетку, ждут появления болей в суставах...

— Тэд, будь справедливым, — сказал Тули. — Техника прогнозирования опирается в основном на регулярно повторяющиеся наблюдения...

— Смотрят в окошко, какая там погода, — прервал его Тэд, — и стараются определить, что будет в ближайшее время. Довольно сложно, но справляются с этой задачей неплохо, только на короткие периоды — день-два, не больше.

Тули кивнул.

— Мы сейчас можем видеть весь земной шар благодаря спутникам. А математические модели позволяют метеорологам в деталях и с известной точностью предсказывать, в каком направлении будет изменяться погода на поверхности Земли.

— Пока еще многое делается впустую, — упорствовал Тэд.

Тули вновь согласно кивнул головой.

— Все это довольно запутанно, — сказал я и оглянулся. Только тут я заметил, что в кафетерии, кроме нас, никого нет.

— Закрывают, — сказала Барни. — Если мы не хотим, чтобы нас вывели отсюда уборщики...

— В самом деле, пора за работу, — сказал Тэд. Мы направились к дверям.

— А идея об управлении погодой — это серьезно? — спросил я Тэда.

На бесстрастном лице Тули впервые прорезалась улыбка.

— Задайте лучше ему вопрос потруднее, например, собирается ли он дышать весь остаток дня.

— Значит, все решено, — сказал я, когда мы выходили в холл.

— Если наша схема прогнозирования погоды срабатывает, — ответил Тэд, — нам потребуется лишь одно...

— Что именно?

— Разрешение.

— Только-то? Так ведь доктор Россмен будет рад предоставить в ваше распоряжение все во имя такого дела.

Тэд покачал головой.

— Это новая идея. И что того хуже — не его.

Росла гора. Протяженностью, как Альпы, выше Гималаев, гигантская, невидимая гора воздуха формировалась над Атлантическим океаном в районе между Бермудами и Американским континентом. Холодный, плотный воздух опускался с высоты под влиянием низкой температуры и скапливался над поверхностью океана. Гора росла и ширилась, настоящая гора, увенчанная вершиной. Но она двигалась. Она вращалась по часовой стрелке, закручиваясь в спираль над океаном, ветры из-под ее основания устремлялись вдоль моря и его берегов. Высокое давление придавливало ее, выталкивало ее западные отроги чуть ли не на сотню миль внутрь Американского континента. Теплый субтропический воздух с Карибского моря и Мексиканского залива поднимался на север вдоль восточного побережья, неся с собой тепло и влагу. Часть теплого воздуха, более подвижного и легкого, чем сжатая высоким давлением гора, поднялась над холодной плотной воздушной массой. Вверху она охладилась, водяные пары сконден-

сировались и облачным душем пролились на землю. Метеорологи заговорили о зоне высокого давления на Бермудах, а люди на улицах Бостона просто сказали: «Весна. Пришла наконец».

Под теплым весенним дождем я вернулся в отель. От скудного завтрака живот подвело, голова раскалывалась при мысли, что я скажу отцу. Еще из машины я позвонил в «Торнтон аэропейс» и заказал билет на ракету в Гонолулу. Поднимаясь в номер, сказал портюе, что не знаю, сколько еще пробуду, заказал обед и вызвал отца.

— ...Вот что сказал Россмен, — подытожил я свой пятнадцатиминутный доклад. — Он готов предоставить в наше распоряжение службу срочного прогноза, но управлять штормами, заставить их менять направление, по его мнению, невозможно.

Отец нахмурился.

— Это нас не спасет, Джереми.

— Знаю.

Видеофон находился на столике рядом с подносом, на котором принесли еду. Я встал с дивана и прошелся по комнате.

— Перестань болтаться, сядь, чтобы я мог тебя видеть! — вскричал отец.

Я сел на подоконник возле тихо жужжащего вентилятора и посмотрел в окно — далеко внизу, на улице, копошился народ.

— Выходит, нам остается сидеть здесь и надеяться, что Климатологический отдел будет вовремя предупреждать нас о штормах, чтобы мы могли уберечь людей от гибели? — На лице отца отражалась привычная для него мысль: как же много я плачу налогов и как мало за это получаю.

— Это не все, отец. В Отделе есть люди, которые считают, что управление погодой возможно, но не сию минуту.

И я рассказал об идеях Тэда.

— Насколько серьезен этот малый? — спросил отец. — Кто он — пустой прожектор и мечтатель или с ним можно иметь дело?

— По-моему, на него можно положиться. И доктор Барневельд — ты ведь знаешь, он лауреат Нобелевской премии, — кажется, поддерживает Тэда. Так что это не похоже на бред сумасшедшего.

— Ученые могут заблуждаться, даже лауреаты Нобелевской премии.

— Все может быть. Не остаться ли мне здесь еще на некоторое время и посмотреть, что из этого выйдет? Тэд способен добиться того, в чем мы так нуждаемся. Даже его долгосрочные прогнозы сами по себе могут оказаться весьма полезными для нас.

Отец кивнул.

— Согласен. Правда, я не уверен, что это твое дело — следить за ним. Уж очень ты далеко от дома, малыш.

— Я могу сам о себе позаботиться, да и родственники тут близко — несколько минут езды на машине.

— Ты еще не встречался с дядюшками и тетей Луизой?

— Нет еще. Но я к ним обязательно заеду.

— Непременно. Было бы скверно, если бы ты, будучи в Бостоне, не нанес им визита, — несколько вымученно согласился отец. — Передай им привет от меня. И смотри, не переборщи с этой проблемой по годам.

— Да, сэр.

— И постарайся сблизиться с этим Марретом — он, может, и чокнутый, но, судя по всему, он — наша единственная надежда.

«Сблизиться» с Тэдом оказалось делом не таким уж легким: с утра он торчал в Технологическом институте, днем — в Климатологическом отделе, а вече-

рами обычно работал то тут, то там. Он вечно пребывал в движении.

Барни подсказала мне, что субботнее утро Тэд обычно проводит на спортивных площадках в Кембридже, недалеко от дома.

Там я его и изловил, в небольшом зале рядом с главной баскетбольной площадкой, когда он давал урок фехтования Тули. В белом костюме и фехтовальной маске он был похож на громоздкого, малоподвижного гладиатора. Мне подумалось, что Тули ничего не стоит обойти его. Но оказалось, что в бою Тэд движется с мягкой грацией леопарда.

— В колледже увлекался бейсболом, был полузащитником, — объяснил он, когда они кончили упражняться. По лицу его стекал пот. — Там мне и покалечили нос. А когда служил в ВВС, мой капитан приохотил меня к фехтованию: он любил фехтовать, научил меня, теперь я учу Тули. Пытался втянуть в это Барни, но ее хватило всего на несколько недель. А здорово! Вы должны попробовать.

Когда мы выходили из зала, Тули сказал:

— Через субботу мы с ним занимаемся каратэ. Тут уж я учитель, а он — ученик.

— В каратэ мало движения, — пожаловался Тэд, вешая на плечо спортивную сумку, — почти все время уходит на упражнения и восточные церемонии...

Пока мы шли к раздевалке, Тэд неожиданно предложил:

— Как насчет того, чтобы поплавать наперегонки? У нас еще двадцать минут в запасе. Пошли, Джерри, костюм мы вам раздобудем.

Я с радостью согласился. Мы проплыли две дистанции, и я его легко обошел.

— Рыба окаянная! — завопил он, брызгаясь водой. — Совсем забыл, что вы островитянин. Ладно, давайте еще разок.

Для него это был вызов, он не мог успокоиться. На шестой дистанции он уже поравнялся со мной. У него была неправильная координация движений, но он брал силой, и шел уже наравне со мной, след в след.

— Похоже, вы можете все, — сказал я, когда мы вылезли из бассейна.

— Нет смысла пытаться делать что-либо, пока не научишься делать это правильно, — ответил он.

Пока мы одевались, Тули спокойно рассказывал мне:

— Он из тех, кто если делает что-нибудь, то делает это лучше всех или не делает вовсе. Он уже почти так же хорошо владеет приемами каратэ, как я, хотя я овладевал этим искусством годами, а он — всего несколько месяцев.

— Удивительный человек, — сказал я.

— Когда в прошлом году я впервые пришел в Технологический — продолжал Тули, — один лишь Тэд хорошо меня принял. Я ужасно говорил по-английски. Он снял квартиру вместе со мной и потратил два месяца, чтобы поставить мое произношение. Таких, как он, мало.

Когда мы оделись, Тэд предложил перекусить.

— Прямо здесь, в Кембридже? — спросил я.

Он кивнул.

— Мне нужно кое с кем встретиться в Бостоне, — солгал я.

Пожав плечами, он сказал:

— В таком случае пока, — и направился к выходу.

— Я хотел спросить, — едва поспевая за ним, спросил я, — как продвигаются дела с длительным прогнозом?

Он улыбнулся.

— Пока что здорово. Подсчеты, которые я делал

собственноручно в середине недели, как будто оказались правильными. Сегодняшний утренний прогноз местного Бюро погоды совпадает с моим — только мой, конечно, более детально разработан.

— И к тому же был готов три дня назад.

— Четыре. В нашем распоряжении сейчас компьютер Технологического института, с его помощью мы разработаем детальный прогноз погоды на следующую неделю. Сегодня ночью должны закончить расчеты. Потом предстоит собачья работа — все выверить... для всей страны на восемь дней, от воскресенья до воскресенья.

— Не забудь, в твоём распоряжении половина Метеорологического отдела института и три четверти компьютеров нашего Климатологического отдела, — сказал Тули, распахивая двери раздевалки.

— Так много? Это хорошо, они все нам понадобятся. Даже может не хватить.

— А Россмен знает об этом? — спросил я.

Тэд подмигнул:

— Надеюсь, нет. По крайней мере пока. Если он узнает, сколько человеко-часов мы уворовываем для нашего контрабандного дела...

— Некоторые методы, к которым мы иногда прибегаем, могут показаться ему нежелательными, — сохраняя бесстрастное выражение лица, добавил Тули.

— К пятнице у нас будут готовы прогнозы погоды для всей страны на целую неделю вперед. Тогда я и скажу об этом Россмену... Если получится.

— Почему бы нам не отпраздновать такое событие? — предложил я. — На уик-энд мы могли бы поехать в Торнтон.

— Торнтон?

— Мое фамильное гнездо в Марблхэде.

Тэд взглянул на Тули.

— Прекрасно. А почему бы не поехать? Вполне вероятно, что в следующий уик-энд праздник состоится.

Мы скрепили договор рукопожатием, и я сказал, что попрошу и Барни принять участие в празднестве.

— Я сам поговорю с Барни, — сказал Тэд, и в его голосе прозвучала не то, чтобы враждебность, нет, но было в нем слишком много жесткой решительности.

4. Барни

Только днем в воскресенье они снова подали о себе весточку. Я смотрел телевизор у себя в номере, когда зажужжал видеофон. К моему удивлению, звонила Барни.

— Тэд сказал мне, что вы приглашаете нас на следующий уик-энд в Марблхэд.

— Да, — ответил я. — Надеюсь, вы сможете поехать?

— Не вижу, почему бы нет. Очень мило с вашей стороны пригласить нас. Однако должна предупредить: я заглянула в прогноз Тэда на этот район — судя по всему, там весь уик-энд будет лить дождь.

«Именно это мне и нужно», — подумал я, а вслух сказал:

— Какая досада! А я мечтал прокатиться с вами на яхте. Но, быть может, прогноз Тэда не оправдается.

— Не говорите так... он будет страшно огорчен.

— Пожалуй, вы правы.

Она разочарованно покачала головой:

— А мне так хотелось прокатиться под парусом!

Вот ведь невезение — всю неделю будет прекрасная погода. До самого вечера в пятницу...

Я выглянул в окно. Чарлз-ривер вся была утыкана парусами.

— Не могли бы мы выбраться как-нибудь среди недели... на небольшую прогулку?

— После работы? Успеем ли?

— Конечно, — уверил я.

— Отлично, — радостно согласилась Барни. — Вас устроит вторник?

— Я за вами заеду.

— Чудесно.

И вот во вторник я быстро съездил за нею за город, и, вернувшись в Бостон, мы уже плыли по реке на взятой напрокат яхте. Мы скользили по реке среди множества таких же парусников, иногда зигзагами случайный теплоход пробивал себе дорогу сквозь нашу флотилию. Солнце уже садилось за небоскребы в районе Бэк-Бэя, его отражения вспыхивали в окнах Технологического института на той стороне реки, в Кембридже.

— Я очень рад, что у вас сегодня выдался свободный вечер, — сказал я.

— Мне тоже очень приятно, — Барни пришлось повысить голос, чтобы заглушить хлопанье парусов на ветру. Она была в брюках и в слишком просторном для нее свитере — мы обнаружили эту одежду на яхте. — Тэд нам дохнуть не давал с этими прогнозами. Но, думаю, с оставшейся работой компьютер справится и без меня.

Я лег на спину, придерживая одной рукой румпель и отдавшись во власть бризу. Барни явно наслаждалась прогулкой.

— Скажите, Тэд всегда такой?

— Какой? — спросила она.

— Мне он напоминает действующий вулкан.

Барни рассмеялась.

— Он очень озабочен техникой прогнозирования. А эта неделя — очень важная для него.

При подходе к Гарвардскому мосту мне пришлось вывернуть на середину реки.

— Вы много времени проводите вместе?

— Да, пожалуй, — в промежутках между работой и его занятиями. А иногда мы назначаем друг другу свидания, и тогда он почти не вспоминает о метеорологии.

— Это на него не похоже.

— Знаю, — и она снова рассмеялась. — Но это правда. Сначала я думала, что нужна ему лишь как помощница, чтобы заниматься вычислениями после работы. Он ведь не очень хороший математик. Возможно, так оно и было... вначале.

— А теперь?

— Теперь? — Она вытерла капли на щеке. — Вы же слышали, что он говорил на той неделе... Грозился жениться на мне.

— А вы согласны?

— Он еще не делал мне предложения. Мне думается, Тэд просто считает меня своей девушкой и женится на мне когда-нибудь после того, как осилит управление погодой.

— То есть, по-вашему, он считает это само собой разумеющимся?

Кивнув, она сказала:

— Вы должны понять его, Джерри. Он настолько погружен в свою работу, что люди... нет, только не поймите это так, что они для него на втором плане, но Тэд просто не замечает людей, пока они сами не заставят его обратить на них внимание. И в то же время он не в состоянии проделать всю необходимую работу собственными силами. Ему нужны люди, их

помощь. Вот я и помогаю и стараюсь не создавать ему лишних проблем.

— Это очень удобно для него.

— Надеюсь. Никогда не встречала таких людей, как Тэд. Он видит дальше всех, вынашивает самые смелые мечты. Пожалуй, и меня он включил в свои планы на будущее. — Она чуть запнулась: — Порою мне кажется, что я играю в его жизни почти такую же важную роль, как управление погодой.

— Но вы заслуживаете лучшей участи!

— И я ему об этом без конца твержу!

Я повернул яхту к пристани, а потом мы поехали в один из лучших студенческих ресторанов на Гарвард-сквер и поужинали. Барни расспрашивала меня о Гавайях и о моей семье. И сама рассказала мне об освободительной войне в Южной Африке и о том, как ее отцу удалось однажды спасти 150-дюймовый телескоп.

Мы зашли в новый театр-голограмму на представление, затем по набережной Чарлз-ривер доехали до «Фэкьюлти Роу», где Барни жила со своим дядей. Барневельд преподавал в Технологическом институте и одновременно работал в Климатологическом отделе.

— Было очень мило, Джерри, — сказала Барни, когда я помогал ей выйти из машины. — Я чудесно провела вечер.

— Очень рад. Можно вскоре повторить его.

— Не возражаю.

Я хотел поцеловать ее, но прежде чем я надумал сделать это, она повернулась и направилась к дому. Я оторопело смотрел, как она машет мне рукой и желает спокойной ночи.

Даже в эти солнечные дни уходящего апреля воздух в Арктике был пронизан холодом. Он висел над макушкой вращающейся Земли, запертый в стенах западных ветров, образующих Арктическое кольцо. Но стоило

континентам Азии и Северной Америки прогреться под лучами весеннего солнца, как в подвижной, динамической атмосфере началась сложная перестройка. В западном потоке образовался прорыв — не надолго, но достаточно для того, чтобы огромная масса полярного воздуха сумела выскользнуть из своей арктической тюрьмы и понеслась к югу. За этим последовала целая цепь событий, захвативших полмира. Холодная воздушная масса столкнула недостаточно устойчивую область высокого давления вниз, вдоль берегов Северной Канады. На всем континенте погода то и дело менялась, пока огромные слои воздуха сталкивались, перемешивались в поисках нового равновесия. Зона высокого давления на Бермудах рушилась под напором новых плотных воздушных масс. Крохотные островки низкого давления — всего несколько скоплений облаков над побережьем Веракрус — втягивались в узкую щель, зажатую, как в сэндвиче, между двумя западными потоками воздуха с высоким давлением. В северо-восточном направлении двигался небольшой шторм, по мере своего продвижения набирая силу и влагу из моря.

Следующее утро я провел в Бостонской публичной библиотеке, отбирая микрофильмы по метеорологии (в большинстве из них, как потом оказалось, я так и не смог разобраться) и убеждая заведующую библиотекой разрешить мне взять их с собой, хоть я и не являюсь жителем города.

Когда, нагруженный кассетами, я вернулся в свой номер, меня встретило гудение видеофона. Я поторопился открыть дверь и крикнул «Алло!», чтобы включился приемник, думая, что звонит Барни, но, войдя в комнату, увидел на экране лицо отца.

— Ну, наконец-то ты появился, — сказал он, когда я остановился перед экраном.

Я бросил на диван микрофильмы.

— Джереми, мы получили первые срочные прогнозы из Бюро погоды вместе с анализом тенденций развития погоды на ближайший месяц.

— Как они тебе показались?

Отец покачал головой.

— Увы, ничего хорошего! Я намерен прекратить все работы на драгах до конца месяца. Предупреждение о шторме, который то ли еще захватит нашу зону, то ли пройдет стороной, за три дня вперед нас совершенно не устраивает. Я лучше приостановлю работы и потеряю на этом деньги, чем пожертвую оборудованием или людьми.

— Мне очень жаль.

— Это не твоя вина. Ты сделал все возможное. Беда в том, что, если мы нарушим условия контракта с «Модерн металз», пойдут слухи о том, что глубоководные разработки руды — вещь нерентабельная. Вот тогда нам действительно крышка!

Я присел на край дивана.

— Отец, как ты смотришь на приобретение точных, привязанных к определенному месту долгосрочных прогнозов — на неделю, а то и больше вперед? Они надежны на сто процентов.

Отец хмыкнул.

— Над этим сейчас работает Тэд. К концу месяца он мог бы составить для нас график прогнозов с предсказанием погоды по всему региону, где находятся наши драги. Прогнозы будут рассчитаны на две-три недели вперед.

Отец задумчиво потер подбородок.

— Если он это сделает, мы не станем закрывать разработки, прекратим временно работы на драгах перед самым штормом, а потом возобновим их. Но мы должны получать предупреждение за неделю до шторма.

— Тэд это сделает, я уверен. По крайней мере за две недели. И тогда вы будете точно знать, когда следует прекращать работы на драгах и на какое время. Вы сможете предвидеть воздействие штормов на всю систему.

— Неужели он и в самом деле может сделать подобное, этот твой Маррет?

— Наверняка я буду об этом знать в конце недели.

Несколько секунд отец размышлял над полученной информацией.

— Хорошо, Джереми. Драги будут работать до конца этой недели. Моли бога, чтобы на нас не обрушился сильный шторм в это время!

— Буду стучать по деревяшке.

Сам того не ведая, я поставил Тэда в трудное положение, а он об этом понятия не имел! Я попробовал дозвониться до него, но безрезультатно. Тогда я соединился с Барни.

— Даже не знаю, как вам повидаться с Тэдом, — ответила она мне. — Сегодня вечером он будет занят проверкой долгосрочных прогнозов. Я собираюсь ему помогать... Почему бы вам не присоединиться к нам?

— Где?

— У Тэда. Мы отправимся туда прямо после работы. Там и поедим. Будем рады вам.

— Замечательно! — Но тут я вспомнил, что Тэд называет «едой». — А может, лучше встретимся после ужина?

Она улыбнулась, как будто прочитав мои мысли.

— Сегодня готовить буду я. Так что, возможно, вы и не пожалеете...

— Да нет, что вы... Я не то хотел сказать...

— Ладно, Джерри. Не извиняйтесь. Я тоже предпочитаю соевым котлетам настоящий бифштекс.

— Я, наверное, просто глупец и сноб. — Тут мне в голову пришла замечательная мысль. — Послушайте, а что, если я привезу обед с собой? Скажу, чтобы мне здесь, в отеле, что-нибудь приготовили, и упакую все в пластмассовую посуду. И вам не придется потом возиться с мытьем!

Она засомневалась.

— Не знаю, как к этому отнесется Тэд...

— Это уж мое дело. Зато вам я сэкономлю время и хлопоты. Идет?

— Уговорили.

Следуя указаниям Барни, я подъехал к дому Тэда около пяти. Заднее сиденье такси было завалено свертками. Из подъезда я позвонил Тэду и попросил его помочь мне дотащить пакеты.

Он тут же спустился и удивленно уставился на привезенное мной.

— Его Попечительство соизволило явиться в Кембридж, — провозгласил он.

Мы перенесли свертки наверх и поужинали. Еда была отличная, даже Тэд казался убоготворенным.

— Я начинаю понимать, что стоит иметь богатых друзей, — сказал он, развалившись на единственном в комнате маленьком диване. — Будь осторожнее, Джерри, не то разнежишь меня.

— Я просто подумал, что это облегчит работу Барни.

— Уменьшение энтропии придает ей силы для полезной деятельности. Впрочем, я на нее не могу пожаловаться.

Едва с едой было покончено, как маленькая комнатка Тэда превратилась в метеорологическую лабораторию. На столе, на диване-кровати, на подоконнике, и даже на кухонной полке — всюду были брошены бумаги: карты, графики, расчеты, рулоны перфоленг. Тэд и Тули погрузились в таинственный диалог, в то время как Барни снабжала их материалом.

— Индианаполис, — выкрикивал Тэд.

— Семьдесят три, пятьдесят один, десять — шестнадцать, точка, ноль — четыре, запад двенадцать на восемнадцать, — выпевал в ответ Тули.

— Верно. Мемфис.

Барни придвинулась ко мне и прошептала:

— Они сверяют пятичасовые отчеты о погоде со станций, расположенных по стране, с предсказаниями Тэда, которые он сделал неделю назад. Пока почти все совпадает в пределах одного-двух процентов.

— Здорово!

Было далеко за полночь, когда Тэд перевернул последнюю перфоленду и победно провозгласил:

— Итак, последняя! Мы достигли своего, дети мои!

— Думаешь, Россмен тебе поверит? — крикнула Барни из кухни, где она кипятила воду для кофе.

— Ему не останется ничего другого! — заявил Тэд. — Вот цифры, и все они совпадают. Придется нашему доктору проглотить это!

— А мог бы ты сделать такой же прогноз для определенного района в Тихом океане? — спросил я.

Он повернулся ко мне.

— Для драг «Торнтон»? Конечно, почему бы и нет? Возможно, не с такой точностью, потому что там нет такого количества станций наблюдения... Но мы можем сделать так, что сумеем предупреждать твоего предка, когда понадобится прикрывать прииски из-за грядущих штормов...

— За сколько дней вперед?

Тэд пожал плечами.

— За неделю или дней десять. А то и за две недели.

— Отлично!

— Правда, придется здорово поработать, — сказал он, — а на контрабанде далеко не уедешь.

— Фирма оплатит эти работы.

— Но прежде всего, — вмешался Тули, — нужно сопоставить наши оставшиеся прогнозы с официальными на конец недели.

— И сунуть их под длинный нос Россмена, и посмотреть при этом, как он позеленеет от удивления! — воскликнул Тэд. — Пятница должна стать великим днем: я все покажу Россмену!

— А на уик-энд все еще предполагается дождь? Он кивнул.

— Нам придется отказаться от прогулки на яхте.

— Не теряй надежды — все может измениться.

Я не понял, о чем это он, но спросил:

— Вы все равно поедете?

— Попробуй нас остановить!

Прошел четверг. Я угробил на чтение массу времени, и все без толку. В большинстве книг было слишком много уравнений, которых я не мог осилить. Остальные же писались для простачков. А главное — в них не было и намека на увлеченность, с которой к проблеме погоды подходил Тэд, — в его устах она жила, дышала. В пятницу я оставил это бесполезное занятие и весь день проторчал у телевизора.

Можете не сомневаться — стоило мне сесть в машину, чтобы ехать в Климатологический отдел, как пошел мелкий, унылый дождь. Никогда я не видел нашу троицу такой огорченной, как в те минуты, когда она направлялась под дождем к моей машине.

— Да не печальтесь вы так, — принялся я утешать их, — если даже прогулку на яхте придется отложить, мы все равно получим массу удовольствия.

— Дело не в этом, — сказала Барни. Она села рядом со мной на переднее сиденье.

— Что-нибудь случилось? — Я заметил, что она вот-вот расплачется.

На заднем сиденье, согнувшись в три погибели и всем своим видом выражая отчаяние, сидел Тэд. Даже Тули утратил свою обычную невозмутимость.

— Сегодня Тэд показал свои прогнозы Россмену, — сказала Барни.

— Ну?

— Он считает их очень интересными, спасибо, — прорычал Тэд. — Но шума подымать тут не из чего, скорее всего, это просто счастливое совпадение.

— Совпадение?..

— Именно так он сказал.

— Но что это может значить?

— Ничего — вот что это значит! Мы показываем ему, как делать точные прогнозы погоды за неделю вперед, а он кладет идею в ящик и делает вид, что ничего не было.

5. Изменение погоды

— Это не совсем так, — возразил Тули, пока я выводил машину со стоянки. — Доктор Россмен сказал, что намерен изучить новую технологию, прежде чем выйдет на Бюро погоды с предложением принять ее в качестве нового метода прогнозирования.

— «Изучить», — проворчал Тэд. — Это значит по меньшей мере еще два года ожиданий.

— Россмен — человек осторожный, — сказал Тули.

— Ага, особенно, если это не его идея. Он мог бы проверить систему экспериментально, чтобы убедиться в ее эффективности. Через три месяца у него было бы достаточно данных, чтобы удовлетворить Конгресс, Верховный Суд и Коллегию Кардиналов. Но не его самого. Он собирается высиживать эту идею, играть на ней потихоньку до тех пор, пока всем не станет ясно, что это *его* идея.

— Ты хочешь сказать, что больше не сможешь заниматься долгосрочным прогнозированием? — спросил я.

— Теперь—нет. Теперь идея принадлежит Климатологическому отделу. Россмен рассматривает ее как свою собственность. Он приказал мне заниматься той работой, за которую мне платят, и не лезть в руководители Отдела.

При этих словах вид у меня стал такой же унылый, как небо над нашими головами.

— Что же будет с идеей управления погодой?

— Видел бы ты его лицо, едва я заикнулся о том, что долгосрочные прогнозы позволят разработать методику управления погодой. Он чуть в обморок не упал! Запретил мне даже поминать где бы то ни было о воздействии на погоду.

Подавленные, не перекинувшись больше ни словом, выехали мы на северное побережье. На перешейке, соединяющем мыс Марблхэд с материком, нас встретил проливной дождь.

— Тютелька в тютельку, — угрюмо пробормотал Тэд, глядя в окно. — Вечером дождь, завтра и в воскресенье — целый день. Так *они* считают.

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожилась Барни.

Он только буркнул:

— Увидишь.

Торнтон почти не изменился с тех пор, как я видел его несколько лет назад в свой последний приезд. Большой белый дом в колониальном стиле, но без претензий, с черными жалюзи и красной дверью. Небольшая поляна перед фасадом, цветущий кустарник вокруг входного портика, гараж, помещение для лодок и пристань — вот и все.

Я остановил машину перед главным подъездом под навесом.

Первым из машины вышел Тэд.

— Кто строил — Майлс Стэндиш?

— Нет, — сказал я, открывая дверцу. — Собственно, дом был построен после Революции, а потом, лет сто назад, его отстроили заново, так как старое здание было разрушено ураганом.

Тэд посмотрел на меня с недоверием — будто я его обманываю.

— Прекрасное место! — воскликнула Барни, выходя из машины.

Дверь отворилась, и тетя Луиза с распростертыми руками кинулась ко мне. За нею следовало трое слуг.

— Джереми, как мило с твоей стороны!

Она обхватила меня за шею. Мне ничего другого не оставалось, как стоять и принимать ее горячие объятия. После недолгих, но бурных излияний восторгов я осторожно высвободился и представил тетушке Барни, Тэда и Тули.

— Добро пожаловать в Торнтон, — сказала она. — Слуги возьмут ваши вещи и проводят вас в комнаты. Ужин через час.

Когда мои друзья проследовали за слугами наверх, тетя Луиза буквально потащила меня в библиотеку.

— Теперь признайся мне откровенно, — заявила она, когда массивные двери сами закрылись за нами, — как твой отец?

— Превосходно. Честное слово. В полнейшем здравии, по-прежнему сварлив, энергичен. Он меня с братьями совсем загонял.

Она грустно улыбнулась.

— Знаешь, он же не был здесь со дня похорон дедушки.

— Никто из вас не был на Гавайях с тех пор, как умерла мама. Такое впечатление, что вся семья собирается вместе только по печальным поводам, — сказал я.

Я прошелся вдоль книжных стеллажей, достигавших потолка, и вернулся к резному деревянному столу, за которым обычно проводил дождливые дни дедушка Торн во время моих приездов в Новую Англию. Он любил повторять мне, как уговорил своего отца вложить деньги в коммерческие авиалинии, хотя многие поколения Торнов до того успешно занимались кораблестроением.

Тетя Луиза ходила по комнате рядом со мной.

— Джереми, твой отец всегда был бунтовщиком. Он ведь мог продолжать дело твоего деда и жить здесь, в Торнтоне. Мог бы стать главой семьи: ведь он старший в роде. Но он связался с этим бурением...

— Ты имеешь в виду Мохо...

— Да, и поспорил с твоим дедом. А потом убежал на Гавайи.

— И теперь он живет там, и у него собственное предприятие.

— Но мы никогда не видимся, — жалобно произнесла она. — Это нехорошо.

— Ну, а почему вы никогда не пригласите его сюда? Я думаю, он был бы рад получить ваше приглашение.

— Правда?

Я кивнул.

— Мы сегодня же вечером обсудим это с твоими дядями.

— Они оба здесь?

— Да, приехали на уик-энд. Хотели порыбачить, но дождь, видно, нарушит все их планы.

Сам не знаю почему я сказал:

— Не будь так уверена.

Мои дядюшки были совершенно непохожи на моего отца и друг на друга. Дядя Лоуэлл был тяжелоатлетом, пузат, лыс и любил пошуметь. Любил также сигары и беседы, особенно такие, в которых говорил он

сам. Дядя Тёрнер был очень высокий и худой, довольно тихий, внешне он соответствовал широко распространенному представлению о янки из Новой Англии.

Во время ужина, который проходил в старинной, освещенной свечами столовой, бразды правления за столом захватил дядя Лоуэлл. Он произнес убедительный монолог на тему о том, как процветает «Торнтон аэроспейс», как плохи дела у ракетчиков, которым приходится расплачиваться за риск и вкладывать все новые суммы в дело, а он может пожертвовать частью своего драгоценного времени и инженеров, чтобы помочь Тёрнеру, который в фирме «Торнтон шиппинг лайнз» занялся новым делом — строительством океанских судов на воздушной подушке.

И тут дядя Лоуэлл допустил промашку. Он упомянул о том, что такие суда сталкиваются с трудностями, как избежать встреч со штормами на море, потому что высокие волны затрудняют их движение.

Тут же, размахивая вилкой, в разговор вступил Тэд, и все остальное время ужина беседой управлял только он. Со штормов в море он перекинулся на долгосрочные прогнозы и управление погодой. В перерывах между блюдами и за десертом Тэд говорил с таким увлечением, что все мы, включая даже дядю Лоуэлла (который был этим не очень доволен), с восхищением смотрели на него.

— Чего я никак не могу понять, — сказала тетя Луиза, — так это изменчивость погоды в нашем штате.

— Это не только в Новой Англии, — возразил Тэд, покончив с десертом и откинувшись на спинку стула. — Так же обстоят дела и в сравнительно спокойной зоне Атлантического океана между 30 градусами северной и южной широты и в районе восточного Заполярья. Мы с вами находимся в умеренной зоне, подверженной влиянию западных воздушных пото-

ков, отсюда зимняя пурга, весенние наводнения, летние засухи и осенние ураганы.

За столом оживились.

— Поймите, в этом западном воздушном потоке штормы следуют за ясными днями, как на каруселях лошадки следуют друг за другом. — Тэд проиллюстрировал свои слова, повертев пальцем в воздухе. — Одна и та же погода не держится здесь даже несколько дней, а то и часов. Новая Англия достаточно близка к океану, откуда она получает много влаги, и в то же время далеко простирается на север, откуда приходят массы полярного воздуха. При сложении эти слагаемые дают хорошенькую пургу. И чем дальше от океана, тем хуже: океан — превосходный аккумулятор тепла, летом он запасает тепло, спасая вас от жары, а зимой отдает тепло и тем самым согревает вас.

— А что вы думаете о проблеме засух? — тихо спросил дядя Тёрнер. — Мне кажется, весенних дождей в этом году было меньше нормы.

Тэд согласился:

— И паводок был никудышный, и снега мало выпало в эту зиму. Надо ждать сухой погоды. Этой проблемой мы занимаемся сейчас очень серьезно. Хотелось бы не допустить недостатка влаги.

— А управление погодой, о котором вы говорили, могло бы предупредить засуху?

— Конечно, — сказал Тэд, нахмурившись. — Была бы возможность работать!

— От самой этой идеи воздействия на погоду у меня по спине мурашки начинают бегать, — признался дядя Лоуэлл. — Не в обиду присутствующим будь сказано, я и мысли не допускаю, чтобы какой-то там храбрец стал бы на скорую руку «исправлять» мою погоду. Слишком много риску.

— Подобные умонастроения надолго задержали в

порту Колумба, — вспыхнул Тэд. — Из-за них же Соединенные Штаты чуть было не отказались от высадки на Луну.

— Позвольте, я никогда не был противником полетов на Луну, всегда знал, что они себя окупят. Но возня с погодой...

— Человек уже меняет погоду каждый божий день. Столбы дыма, если их собрать воедино, делают погоду. Вы когда-нибудь на рассвете пролетали над городом? Видели, как начинают работать заводы? Вот она, погода, созданная человеком, да-да! Каждый раз, когда мы выдираем акр травы под очередное строительство и мостим этот акр, мы изменяем погоду.

— Но я...

— Кое-где на Ближнем Востоке изменили даже климат, насадив деревья и подведя к ним воду. Превратили пустыню в лес, и все это в течение жизни одного поколения. А русские использовали деревья как буны в океане ветров, чтобы поднять влажные ветры с озера Байкал на высоту, достаточную для того, чтобы они сконденсировались в облака и выпали дождем.

Тули кивнул, подтверждая слова Тэда.

— Но все равно это не то, что управление погодой везде и всюду, — упорствовал дядя Лоуэлл. — Нельзя же допустить, чтобы ученые скакали по всей стране и делали с погодой все, что им в голову взбредет... Это опасно!

— Гораздо опаснее, — парировал Тэд, — если не будет людей, пытающихся воплотить в жизнь свои идеи. Нельзя запретить думать — мир застопорится. Вот стонут по поводу того, что техника слишком быстро развивается и разрушает исконную красоту Земли. А сами ракетами отправляются на уик-энды в Испанию и ратуют за открытие противораковой вакцины! Пусть себе стонут! А я буду работать на бу-

дущее. Они пусть грезят о вчерашнем, если им так хочется. Прошлого уже нет, и мы не можем изменить его к лучшему. Но в наших силах создавать будущее, завтрашний день. Почему мы не должны влиять на погоду? Почему мы должны сейчас сидеть в комнатах и ждать, пока пройдет дождь? Что ж, по-вашему, нам так и надо было оставаться в пещерах у костра?

Впервые дядя Лоуэлл не нашелся, что сказать.

Стремясь заполнить наступившую неловкую паузу, тетя Луиза довольно громко обратилась к Барни:

— Не хотите ли осмотреть дом, пока мужчины закончат свой спор?

Когда женщины вышли, дядя Лоуэлл достал из кармана жилета сигару и закурил.

— Не знаю, согласен ли я с вами, — сказал он, обращаясь к Тэду и выдыхая голубые кольца дыма. — Но уважаю вашу убежденность, молодой человек. Вы убеждены в своей правоте, а это уже половина победы. Больше, чем половина.

В эту ночь странные изменения произошли в атмосфере над Новой Англией. Граница области высокого давления, расположившейся над северной частью штата Мэн, вдруг начала размываться. На небольшом участке давление стало падать в сторону моря. Шторм, нависавший над районом Бостона, ощутил «толчок вниз», к северу и востоку, и устремился прочь в направлении Новой Шотландии.

Меня разбудили яркие лучи солнца, лившиеся через окна в спальню. Оторопев от удивления, я сел и выглянул паружу. Туч как не бывало! Океан сверкал под солнцем.

Я скомандовал в видеофон:

— Сводку погоды!

Видеофон включился, и диктор считал с ленты Бюро погоды: «..северо-восточные ветры от пятнадцати до двадцати миль в час. Сегодня днем — дождь, временами сильный. Вечером — продолжительный

дождь. В воскресенье прекращение дождя ожидается во второй половине дня, ветер переменится на западный. В воскресенье вечером облачность рассеется, ветер западный...»

Но облака уже сегодня рассеялись, а ветер дул с запада! Я натянул на себя одежду, сунул ноги в шлепанцы и кинулся вниз. Тогда я нашел на кухне. Перед ним на столе были яичница с беконом, оладьи, молоко, сироп, тосты и джем. Он взглянул на меня, поднося тяжело нагруженную вилку ко рту.

— Доброе утро.

— И в самом деле «доброе», — ответил я. — Намного лучше, чем предсказывает Бюро погоды.

Тэд ухмыльнулся, но промолчал.

— Признавайся, ты приложил к этому руку? Неужели ты...

Он жестом остановил меня.

— Ты же хотел устроить сегодня прогулку на яхте? Вот там и поговорим.

Через открытую в столовую дверь слышался голос дяди Лоуэлла. Он любил читать утренние новости вслух кому угодно — лишь бы его слушали.

Какое-то время ушло на сборы, но наконец вся наша четверка собралась на маленькой яхте «Арлингтон», и вскоре мы уже пробирались сквозь лес мачт в тесной старой бухточке Марблхэд, направляясь в открытое море.

Тэд и Тули были впереди — управлялись с парусами, я сидел у руля, отдавал команды, Барни сидела рядом со мной.

— У тебя вид заправского моряка, — сказал я. На ней были белые брюки и полосатая — красная с синим — блузка.

— Благодарю за комплимент. Я забыла свой спортивный костюм дома, и твоя тетюшка экипировала меня таким образом. Это однодневка, сделана из бу-

мажной рогожки. Что-то вроде этого посят на Лунной Базе.

— И не стыдно такую красотищу выбрасывать?

— Но ее же нельзя стирать.

— Погляди-ка, вон сколько таких же, — сказал я, — но ни на ком они так красиво не выглядят.

— Льстец!

— Нет, правда.

Мы выбрались на просторы открытого океана под сверкающими голубыми небесами, только кое-где помеченными остатками серых взлохмаченных туч. Сильный западный ветер наполнил паруса яхты, и мы спустились в каюту немного отдохнуть. Было прохладно, мы надели теплые свитера и приготовили кофе.

— Итак, погода по заказу, — обратился я к Тэду.

— Вроде того, — ответил он. — Шторм должен был прекратиться завтра к вечеру. Мы просто кое-что изменили, чтобы ускорить это событие.

— Но как?

— Не так уж сложно. Убедил кое-кого из своих приятелей в ВВС — они работают на спутниках — направить лазеры в нужное место, иными словами, немного «подогрел» небольшой район области высокого давления, который удерживал шторм над Бостоном. А из Климатологического один самолетик так или иначе проводил испытания порошочка Барнелльда. Я только подсказал, где и когда нужно сбросить его. Это создавало зону низкого давления, куда и соскользнул шторм. И ушел. Сейчас должен скидаться где-то в районе залива Фанди.

Барни встревожилась.

— Ты не боишься, что подведешь людей, которые тебе помогают? Ты же не имеешь права...

— Да ничего такого они не сделали, помимо своей обычной работы, — слегка раздраженным тоном

ответил Тэд. — Парни из ВВС все равно обязаны включать свои лазеры несколько раз в день. Это же их повседневная работа. Сам проделывал это не раз, пока носил синюю форму. И самолет Климатологического отдела все равно должен был вылететь в ночной полет для твоего дядюшки. Ну, слетал не совсем туда, куда намечалось, — кому какое дело до этого?

Тули сказал:

— Надеюсь, доктор Россмен так же относится к этому, как и ты. Обычно ему не нравится, когда его подчиненные делают что-либо без его ведома и письменного разрешения.

— Послушай, — взорвался Тэд, — ведь он утверждает, что влиять на погоду невозможно. Теперь я могу доказать ему, что это не только возможно, но и не очень сложно.

Но так получилось, что в тот год этот факт замолчали.

6. *Лобовая атака*

Мы приятно и без особых событий провели остаток уик-энда. По заведенному обычаю, тетя Луиза устроила субботний прием и пригласила добрую половину населения полуострова, в том числе и две японские семьи — скорее всего, ради Тули. Я встретил много знакомых лиц, которых не видел со дня своего последнего посещения Торнтона. Тетя Луиза все время старалась обратить мое внимание на девушек, которым уже исполнилось шестнадцать, но которые еще не вышли замуж, а Тэд не отходил от Барни. Как водится, кто-то принес гитару, и зазвучали народные песни. Неожиданно «гвоздем программы»

стал Тули: он пел старинные монгольские сказания и тут же переводил их нам; многие из них оказались довольно свирепыми, но были и очень поэтические и трогательные.

Прощаясь с нами утром в понедельник, тетя Луиза обещала пригласить отца в Торнтон на празднование моего дня рождения. По-настоящему мой день рождения должен был наступить лишь через несколько месяцев, но она решила устроить вечер в мою честь в ближайшее время, потому что не ясно, сколько еще я пробуду в Бостоне.

Я подвез всех троих к зданию Климатологического отдела. Тэд и Тули, выскочив из машины, бросились к своему издавшему виды «лотосу», весь уик-энд прождавшему их на стоянке, и уехали на утренние занятия в Технологический институт.

Барни, продолжая сидеть рядом со мной, махнула рукой вслед проскочившему мимо Тэду.

— Как, по-твоему, отреагирует Россмен на трюк Тэда с погодой? — спросил я.

На ее лице отразилось беспокойство.

— Он, наверное, все узнает еще утром, пока Тэд будет на занятиях.

— Ты думаешь, это грозит серьезными неприятностями?

— Доктор Россмен бывает очень суров с людьми, которые что-то делают без его разрешения, — сказала Барни, — а Тэд к тому же вспыльчив.

Мы немного помолчали. Было еще рано, и лишь редкие машины появлялись на стоянке — служащие только начинали съезжаться. Я заметил далеко на западе, на горизонте, скопления темных туч.

— Пожалуй, я пока здесь немного поболтаюсь, а после обеда поговорю с Тэдом, — предложил я.

Она подумала и ответила:

— Хорошо бы тебе вместе с Тэдом пойти к Рос-

смену поговорить. Может быть, в твоём присутствии они оба будут сговорчивее и спокойнее.

— Я в роли рефери?

Она кивнула.

Про себя я подумал, что невинному свидетелю чаще достаются пинки от обеих сторон. Но, взглянув на Барни, я увидел, как серьезно, с какой тревогой она к этому относится.

— Ладно, попытаюсь посудить этот раунд.

— Но Тэду не говори, что собираешься быть судьей в его споре с Россменом, хорошо?

— Да? А под каким же предлогом мне тогда присутствовать при их баталии?

— Положись на меня.

Я нехотя согласился.

Когда мы входили в здание, грозовые тучи потемнели и приблизились.

К теплым воздушным массам над Новой Англией приблизился сильный холодный воздушный поток из Канады. За вторжением началась битва. Линия фронта растянулась на сотни миль, в нем смешались чернота туч, блеск молний и грохот грома, на землю обрушились дождь и град. Подобно большинству битв, эта кипела насилием. Пики-наковальни грозовых туч ревели на высоте восьми миль, черные и страшные, каждая — сложное сооружение из турбулентных возмущенных потоков. Черные грозовые тучи были обиталищем диких ветров, яростно носившихся вверх-вниз, — оказались там случайный самолет, его сломало бы как соломинку. Тучи с грохотом наступали, забрасывая землю градинами и ослепляя дождем, раскалывая воздух молниями, взмывая даже в стратосферу, где вершины туч сглаживались постоянными сильными ветрами в плоскогорья. Холодный северный поток наступал, вынуждая теплые массы воздуха расставаться со своей влагой, отдавать свою энергию передовому рубежу воздушной массы — линии шквалов. Но, отступив перед безжалостным захватчиком, теплый воздух смягчил холодные потоки, согрел их, и порывы ветра наконец не вы-

держали, сдались и исчезли, оставив после себя разрозненные грозовые тучи изредка гроыхать в небе, пока и они не растаяли под мощными лучами солнца.

Я наблюдал за зарождением шторма из окна кабинета Тэда, где меня устроила Барни. Я видел, как поднялся ветер, как опустились тучи, как зажгли фонари снаружи, видел, как шлепнулись первые капли дождя, а потом его потоки залили стоянку машин внизу, как градины плясали на крышах автомобилей. Хотя шторм и был свиреп, он быстро прошел. Выглянуло солнце и высушило мостовые. Я взглянул на часы — прошло меньше часа.

Кабинет был рассчитан на двоих — Тэда и Тули. Это была такая же маленькая комнатенка, как и у доктора Барневельда. В нее были втиснуты два стола, два шкафа для папок, две книжные полки — одна над другой. На подоконнике стояли три электрические кофеварки. «Тэд упивается кофе, как медведи медом, и терпеть не может ждать, когда вскипит новая порция», — объяснила Барни. Вот почему все три кофеварки были включены почти постоянно.

У каждого на столе лежала утренняя сводка погоды. Я заглянул в нее и обнаружил, что над Тихим океаном формируется новый шторм.

И тут я вспомнил: отец!

Я долго, через свой отель, вызывал Гавайи. Наконец на экране появилось лицо отца, угрюмое и небритое.

— Четыре утра, Джереми! — прорычал он. — Я с пятницы шесть раз пытался тебя поймать — и все напрасно. Драги пока продолжают работать, но я ничего от тебя не слышу об этой системе долгосрочных прогнозов. Хорошо, если бы твои сказки оправдались.

— Извини, что поднял тебя с постели, отец... Совсем забыл о разнице во времени. И, боюсь, мои новости не очень-то тебя порадуют.

Я рассказал об отказе Россмена использовать метод Тэда в операциях по предсказанию погоды и о недавней проделке Тэда. К моему удивлению, отец воспринял рассказ с интересом.

— У этого молодого человека голова работает, — улыбнулся он.

Отец всегда уважал людей, которые умели отстаивать свои идеи перед вышестоящими лицами — правда, если этим вышестоящим лицом не оказывался он сам.

— В этом ему не откажешь, — согласился я. — Но что ты собираешься делать с драгами? Новый шторм зарождается в районе...

— Я об этом еще не слышал, не смотрел утренних сообщений о погоде. Не так уж часто я поднимаюсь в такую рань. Полагаю, Джерри, нам ничего другого не остается, как прикрыть разработки на весь весенний сезон. Или хотя бы до тех времен, когда твой друг Маррет несколько продвинется со своими долгосрочными прогнозами. Я попробую продлить контракт с «Модерн металз», но боюсь, не сглазили ли наше дельце, мой мальчик.

За завтраком Тэд клокотал от сдерживаемого возбуждения, как боец перед решительной схваткой с чемпионом.

— Джерри изъявил желание встретиться с Россменом, — сказала Барни, когда мы сели за стол в кафетерии. — Он расскажет, какое впечатление произвело на него вызванное тобой изменение погоды.

Тэд охотно согласился:

— Прекрасная идея — непредвзятое мнение постороннего свидетеля.

Барни наклонилась над столом, чтобы ее было слышно:

— Не знаю, как лучше: ему встретиться с Рос-

сменом до того, как ты побываешь там, или вам пойти вместе?

— Да пойдемте все вчетвером, — решил Тэд. — Пойдем все вместе и прижмем старого разбойника.

Я взглянул на Барни. Она улыбалась.

К нашему столику подошел Барневельд. Положив руку Тэду на плечо, он спросил:

— Насколько я понимаю, в пятницу вечером вы провели эксперимент?

Тэд усмехнулся:

— Небольшой. Эти ваши порошочки оказались очень кстати.

— Вы получили сведения от патрульных самолетов? С удовольствием взглянул бы на них.

— Никакие патрули не поднимались в воздух, только самолет с веществами, засеивающими облака.

У Барневельда вытянулось лицо.

— Ничего не понимаю.

Не вставая со своего места, Тэд подтянул к нашему столику стул от соседнего стола для старого ученого. Когда Барневельд сел, Тэд сказал:

— Я уговорил поднять самолет пораньше и пролететь мимо того места, где он обычно сбрасывает свой груз, с тем чтобы сбросить его над районом, где мне требовалось изменить давление. Но я и не намеревался поднимать в воздух всю флотилию патрульных самолетов: слишком большой риск, что кто-нибудь пожалуется и сорвет всю операцию. Так что, когда самолет-сеятель подошел к нужному району, пилот сообщил патрулям, что он сбился с курса, собирается освободиться от груза и вернуться на базу. Самолеты-патрули и не поднимались с земли.

— И никаких наблюдений за экспериментом не велось?

— Угу.

— Совсем никаких?

— Мы видели результат воздействия ваших порошков на погоду — вот, что важно, — упрямо сказал Тэд.

Барневельд покачал головой.

— Тэд, наука так не делается. У вас нет реальных данных. Эксперименты не проводятся на глазок, как бог на душу положит. А если бы никаких изменений погоды не произошло? Откуда вы знали бы, какие допустили ошибки?

— Чисто академический вопрос, — отмахнулся Тэд. — Когда занимаешься контрабандой, приходится срезать углы. Не подставляя под удар собственную шею, прогресса не достигнешь.

— Типе едешь, дальше будешь, — усмехнулся Тули.

— Ты игрок, — сказал доктор Барневельд, — и к тому же везучий.

— Скоро узнаем, везучий ли. Россмен ждет меня к половине второго.

Ровно в 13.30 секретарша Россмена проводила нас в его кабинет.

Россмен оторвал взгляд от бумаг на столе.

— Я и не знал, что тут назначена конференция.

За окном опять потемнело: приближался очередной шквал.

— Мы все так или иначе имеем к этому отношение, — сказал Тэд.

Россмен угрюмо рассматривал нас, пока мы рассаживались вокруг стола.

— Я требую объяснить, что произошло в пятницу ночью, — сухо сказал он.

— Очень просто, — сказал Тэд. — Мы доказали, что влиять на погоду возможно. И что дело это непростое.

— Нечего говорить «мы», Маррет! — перебил его

Россмен. — Речь идет персонально о вас, ваши друзья здесь ни при чем.

— Я ни в ком не ищу поддержки, — огрызнулся Тэд. — Просто отдаю им должное за оказанную мне помощь.

— Но отвечать за события той ночи будете вы, и только вы!

— Согласен.

Россмен нетерпеливо порылся в бумагах у себя на столе.

— Знаете, что это такое? — швырнул он наконец какой-то документ. — Это калькуляция стоимости полета самолета над океаном, предъявленная Отделу.

— Самолет так или иначе должен был лететь в тот район.

— А это, — Россмен потряс телеграммой, — официальный рапорт ВВС о том, что неуполномоченные лица вмешиваются в их строго секретные работы с лазерами. Неуполномоченные! Это о вас, Маррет. Вас следует привлечь к суду за нарушение государственной безопасности!

— Но, доктор Россмен... — попытался я вмешаться в разговор.

— Подожди, Джерри, — остановил меня Тэд и вновь обратился к Россмену: — Послушайте, я два года служил в Военно-воздушных силах, главным образом в патрулях на спутниках. Об этих лазерах мне известно все, что о них можно знать. Иначе как, по-вашему, мне могла прийти в голову мысль использовать лазеры для исправления погоды? Я не шпионил, не нарушал инструкций по сохранению государственной безопасности! Я всего лишь попросил одного своего приятеля, который там служит, обратить особое внимание на определенную географическую точку. Я даже слово «лазер» при этом не произнес. Так что никакого «нарушения». И нечего меня пугать!

— Вы понимаете, что я могу вычесть из вашего жалованья стоимость радиовызова орбитальной станции?

— Послать радиовывзов на военный спутник невозможно. Поэтому я — заметьте, в нерабочее время — смотался на Отис, базу ВВС, и попросил их включить в свою депешу мое послание.

Россмен готов был испепелить Тэда взглядом, его длинное, унылое лицо пошло пятнами от злости.

— А вы понимаете, что испортили эксперимент доктора Барневельда? Ни один патрульный самолет не поднялся в воздух, когда сбрасывались реактивы!

— Да когда вы наконец поймете, — вскричал Тэд, вскакивая на ноги, — что мы доказали возможность влиять на погоду! Эффективно, быстро и точно вносить изменения по задуманному плану! Вы стонете о каких-то копейках, когда речь идет о перевороте в метеорологии. Мы в состоянии делать долгосрочные точные прогнозы; *мы можем по желанию изменять погоду*. Намерены вы когда-нибудь смотреть правде в глаза или по-прежнему будете ставить нам палки в колеса?

Россмен побагровал. Тэд возвышался над ним как скала. Россмен, не в силах владеть собой, вскочил со стула.

— А вы можете доказать, что изменили погоду? — едва выдавил он из себя.

— Я могу поручиться за это, — сказал я. — Прогноз на субботу не соответствовал той погоде, которая была на самом деле.

Игнорируя мою реплику, Россмен снова обратился к Тэду:

— Есть у вас доказательства того, что ваши незаконные действия привели к изменению погоды? Что, если эти изменения произошли бы и так?

— Мы действовали. Погода изменилась. Ваши

собственные предсказания не отметили возможности изменений.

— Но доказательств, что они произошли, будучи вызваны искусственно, у вас нет. Наблюдений вы не вели. Отчета не составили. А значит, погода могла измениться, хотя вы для этого и пальцем бы не пошевелили.

— Нет, мои долгосрочные прогнозы показывают...

Но Россмен уже снова что-то выискивал в своих бумажках.

— А вот еще один документик от статистиков. Разрушенный вами шторм должен был помочь преодолеть намечающуюся засуху. Предположим, фермеры узнают, что Климатологический отдел сознательно лишил их последней возможности напоить землю дождем. Как вы думаете, после этого нас долго будут здесь держать?

Тэд беспомощно развел руками.

— Ну, тут уж приходится выбирать. Или воздействие на погоду, или беднякам фермерам — их маленький дождичек. Так что же?

— Не знаю, — отрезал Россмен, — и не желаю знать. Маррет, мне не нужны работники, мошенничающие за моей спиной. И я не потерплю нарушения субординации! К концу дня извольте положить заявление об уходе мне на стол. Если его не будет, у меня достаточно материалов против вас, чтобы Правление выставило вас отсюда под зад коленом! Вы конченный человек, Маррет, слышите — конченный!

7. На перепутье

Наверное, у меня было шоковое состояние, когда мы вывалились из кабинета Россмена. Я совершенно

не помню, о чем мы говорили, что делали. Помню только взбешенного Россмена, его перекошенное от злости лицо, упрямое сопротивление Тэда. Как я добрался до отеля, не знаю, опомнился, лишь открыв дверь своего номера.

Я, наверное, довольно долго сидел неподвижно. Зуммер видеофона возвратил меня к действительности.

— Да, — откликнулся я, только теперь сознавая, что в комнате темно. Вдали, на фоне красного заката, возвышались башни Бэк-Бэя.

Экран не сразу высветил лицо Барни.

— Джерри, что делать? Тэд очистил свой стол и ушел.

— Ты где?

— В Отделе. Я... Что будет с Тэдом?

Она заплакала.

— Ну, не падай духом. Еще не конец света.

Покачивая головой, она сказала:

— Ты просто не понимаешь. Для Тэда это катастрофа. С его карьерой покончено.

— Оттого, что он потерял место? Но ведь...

— Да не место он потерял! Он потерял возможность делать то, что хочет, — это было возможно только в Климатологическом! А теперь Россмен вообще закроет перед ним двери всех государственных институтов.

Об этом я не подумал.

— Ну, а частные предприятия? Во многих фирмах есть метеорологические службы. На аэролиниях моего дядюшки Лоуэлла, например. И платят там гораздо больше, чем в государственных учреждениях.

— Но они не занимаются управлением погодой... или хотя бы долгосрочными прогнозами.

— Может быть, они и могли бы... кто знает.

— И как ему теперь быть с институтом? До сих

пор Отдел оплачивал его занятия там. Теперь, когда его уволили, он не сможет платить за учебу и вообще... Россмен не даст ему рекомендации и... Нет, Джерри, никакой надежды нет, никакой!

— Подожди, — сказал я, — не надо отчаиваться. Выход всегда найдется, как бы плохо нам сейчас ни было. Помню, отец как-то сказал: «Упорство и труд все перетрут».

Она замолчала. Я наблюдал за выражением ее лица: оно было похоже на лицо девочки, которой очень хочется казаться храброй и она изо всех сил старается не расплакаться.

— И не то, чтобы я всегда была такая уж размазня, — немного помолчав, сказала Барни, — просто сейчас ума не приложу, что делать.

«Ну вот, — подумал я, — легко было говорить, теперь пришла пора действовать». Впервые в жизни я почувствовал на своих плечах груз ответственности.

— Где сейчас Тэд?

— Не знаю. Возможно, едет к себе домой.

— Так вот, постарайся уговорить его приехать сюда, ко мне. И сама приезжай. И захвати Тули. Хорошо бы нам всем собраться вместе.

— Но что мы будем делать?

— Еще не знаю, что мы будем делать, — ответил я, — но точно знаю, чего мы делать не будем. Мы не будем предаваться унынию и воображать, что наступил конец света.

Было уже совсем темно, когда они приехали ко мне. Тэд был мрачен. Я впервые видел его таким.

— Взгляните-ка на них, — сказал он, подойдя к окну и наблюдая за потоком прохожих на ярко освещенной улице. — Ходят взад-вперед в своих пластиковых одеждах, с приемниками в ушах, слушают передачи с Луны. Но они ведь столько же смыслят в управлении погодой, сколько смыслил пещерный че-

ловец! — Он повернулся к нам лицом. — Знаете, когда я ходил в садик, отец как-то взял меня в кино. На какую-то мультяшку в сопровождении классической музыки — она называлась «Ученик чародея». Герой этого фильма стоял на вершине скалы и творил чудеса: вызывал молнию в тучах, волну, бившую о подножие скалы... Вот тогда-то, наверное, и зародилось во мне желание властвовать над погодой.

Он улыбнулся несвойственной ему застенчивой улыбкой.

— Ребячьи грезы. Смешно, а?

Барни вернула нас к действительности.

— Тэд, ты в Технологическом с кем-нибудь разговаривал?

Он ответил:

— С профессором Мартингейлом. Обещал все устроить, так что степень свою я получу, если затяну ремень потуже и до июня буду перебиваться с хлеба на воду.

— А потом? — спросил я.

— Возможно, останусь преподавать в институте. Или вернусь в ВВС. Не умирать же с голоду.

— Это не выход из положения, — сказала Барни. — Тебя никогда не удовлетворит преподавание по чужим учебникам.

— Да, я бы сказал, утешительного мало.

Тэд отошел от окна и сел на диван рядом с Барни.

— Я не могу предложить многого, — сказал я. — Но по крайней мере пусть тебя не беспокоит, на что ты будешь жить до июня, Тэд. Об этом я позабочусь...

— Ну нет, — решительно возразил он. — Спасибо, Джерри, но, пожалуйста, не надо. Благотворительность не для меня... хотя бы пока.

— Но...

— Никаких «но». Сладкой жизни вплоть до июня ждать не приходится. Что ж, в самом деле подтяну

ремень потуже, но степень получу. Самое сложное начнется потом.

— Поступишь в «Торнтон».

— Думал об этом. Но в вашей фирме нет отдела для моей темы.

— Тогда мы начнем новое дело.

— Что?!

Я и сам был удивлен не меньше их. Эта мысль пришла мне в голову, видимо, уже несколько часов назад, но осознал я ее только сейчас.

— Конечно, а что? Создадим новую фирму. Долгосрочные прогнозы — очень даже прибыльная вещь. Мы на них такие деньги заработаем! Начнем собственное дело при поддержке «Торнтона».

Впервые за весь вечер лицо Барни озарилось радостью надежды.

Почти всю ночь напролет мы обсуждали новую идею. К рассвету заинтересованные стороны пришли к согласию по всем пунктам. Основной продукцией новоиспеченной фирмы должны были стать долгосрочные прогнозы. Мы не собираемся конкурировать с Бюро погоды по регулярным прогнозам, мы будем продавать собственные предсказания погоды — на две недели вперед, по меньшей мере — частным предприятиям, промышленным концернам и тому подобным клиентам.

Самым важным для Тэда было то, что ему предоставлялась полная свобода в проведении широкой программы исследований в области управления погодой. Это было нашей главной задачей, целью, к которой мы все стремились. «Торнтон» поставит нам административных работников, руководителей отделов, бухгалтеров — словом, штат, который призван обеспечить прибыльность предприятия. Тэд подберет научно-технических работников, наладит службу долго-

срочных прогнозов и затем сосредоточит все свое внимание на управлении погодой.

— Первым я зачисляю в штат восточного кинетика, голос моей совести, — сказал Тэд.

Тули, который, скрестив ноги, сидел на полу возле дивана, в знак благодарности склонил голову.

— Я смиренно принимаю эту честь... Разумеется, если жалование и наградные меня устроят.

Я прервал его:

— Об оплате не беспокойся. «Торнтон» платит куда лучше, чем государство.

Тэд с интересом взглянул на меня.

— Ха, а я и не подумал о деньгах. Я могу разбогатеть!

Барни рассмеялась.

— А как обстоят дела с оплатой труда программистов?

— Нет, тебя мы не возьмем, — решительно заявил Тэд. — Ты остаешься в Климатологическом.

Она широко раскрыла глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Кто-то должен оставаться в Отделе... следить за Россменом. Голову даю на отсечение, ему наша фирма не понравится.

— Но каким образом он может ей напакостить?

— Не знаю. Вот почему я и хочу, чтобы ты последила за ним.

Барни не стала пререкаться, но опустила голову и нахмурилась.

А Тэд продолжал:

— Послушай, но это же не менее важно, чем создание новой компании. И мы будем видеть друг друга чуть не каждый день. А кроме того, если дело лопнет, у тебя хотя бы сохранится приличное положение в Отделе.

Барни упорствовала в своей обиде.

— Ну и, наконец, ты должна подумать о дяде.

— Я и так буду заботиться о нем, где бы я ни работала, — сказала она. — Все равно, пока я на работе, мы с дядей Яном почти и не видимся.

Тэд провел рукой по рыжей шевелюре.

— Ты подумай, ведь Россмен может обвести нас вокруг пальца любым способом. Тут нужен глаз да глаз. А ты сможешь информировать нас о каждом сколько-нибудь необычном задании, которое поступит к вам в вычислительный центр. Зато позднее, когда наша фирма твердо станет на ноги и мы будем недосыгаемы для россменовских козней, я заберу тебя из Отдела и возьму в наш компьютерный сектор. Ну как, по рукам?

Она немного оттаяла.

— Не компьютеры мне нужны... Мне бы с вами одно дело делать, вместе.

— Этим ты и будешь заниматься... очень важным для нас делом.

— Буду шпионить. Ну ладно, постараюсь. Только временно.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Тэд. — Ну, на сегодня напланировали предостаточно. Джерри, сколько времени потребуется, чтобы раскрутить дельце?

— Завтра же переговорю с отцом. Скорее всего, он будет нашим первым клиентом. И безусловно, нам потребуется его поддержка. Надеюсь и дядюшек увлечь нашим предприятием.

— Чудесно. Чем скорее, тем лучше.

— А у кого какие предложения насчет названия, которое мы дадим нашей фирме? — спросил Тули. — От удачного названия фирмы будет зависеть и успех ее начинаний.

— Как насчет «Маррет и друзья»? — с невинным видом спросил Тэд.

Мы дружно осудили его.

Тули предложил:

— Пусть название будет строгим и скромным, например: «Студия погоды».

— Или «Динамика погоды»? — сказал я.

Тэд поморщился.

— Каждая вторая мизерная компания в штате Массачусетс имеет в своем названии слово «динамика».

— Почему бы нам не обратиться к классике? — заявила Барни. — К грекам, например. Как известно, у них богом ветров был Эол. Мы можем назвать нашу фирму так: «Исследовательская лаборатория „Эол“».

Несколько минут мы обдумывали ее предложение. Решил Тэд:

— То, что надо.

На следующий день и еще несколько раз на протяжении этой недели я звонил отцу. Я добивался того, чтобы он приехал в Торнтон обсудить нашу идею вместе с дядей Лоуэллом и дядей Тёрнером. Он долго отвечал невразумительно. И тогда я обратился за помощью к тете Луизе, чтобы она пригласила его приехать на мой день рождения. Деваться ему было некуда, он согласился.

И вот наконец в пятницу вечером вся семья в полном составе вновь собралась в Торнтоне. Я попросил Тэда, Тули и Барни приехать утром следующего дня. Вечер в пятницу целиком принадлежал клану Торнов. Еще до приезда отца обстановка в Торнтоне была довольно напряженной, да и сам он, чувствовалось, был скован. За ужином шла вежливая беседа на общие темы — ни слова не было сказано ни о дедушке, ни о решении отца остаться на Гавайях и начать там собственное дело.

После ужина в большой гостиной с камином, в который можно было войти не сгибаясь, завязался разговор о транспортных ракетах.

— Вы знаете, — сказал отец, — я ведь, собственно, впервые летел этим видом транспорта. Полет произвел на меня огромное впечатление. Просто изумительно!

— С появлением ракет Гавайи теперь так же недалеко от Новой Англии, как, скажем, Нью-Йорк, — вставил я.

— Это верно. — Отец засмотрелся на языки пламени в камине. — И, по правде говоря, совсем не так уж плохо снова очутиться в родном гнезде. Надо будет почаще наведываться сюда.

Казалось, тетя Луиза вся так и потянулась к нему, хотя на самом деле она не тронулась с места.

— Как же хорошо, что ты снова здесь, Ричард.

И хотя напряженность не исчезла совсем, чувствовалось, что стало легче дышать, что все пойдет хорошо.

В ту ночь метеорологическая карта показывала, что над Новой Англией проходит область высокого давления, самый ее край, а потому небо здесь было чистое, погода ясная. Потом в этот район устремились теплые юго-западные ветры. «Завтра ребятки будут запускать воздушных змеев», — подумал он.

А для молодого музыканта, спешившего в ночи по темному городу, ветер представлялся дикой, живой силой, теплой и таинственной, рвущей молодую листву с деревьев и тяжело вздыхающей между ним и звездами. Возникало чувство, мелодия, которую он старался не упустить, запечатлеть на бумаге ради того, чтобы ее помнили, многие годы помнили.

Пилоту, который вел переполненный самолет на посадку, внезапные порывы ветра были ненавистны. Он знал, как клянут его пассажиры за каждую воздушную яму, за каждый приступ тошноты.

Улыбалась ночному ветру фермерша, сидя на заднем крыльце своего дома возле дремлющего супруга. Ветер

сулил дождь. А дождя ох как не хватало! Без него высохли поля, недаром лицо ее спящего мужа бороздили морщинки озабоченности.

Наутро приехали Тэд и Барни. Тули остался в Кембридже — ему нужно было доделать какую-то работу для института. Я провел их в библиотеку, где отец и оба его брата уже ждали нас за старинным во всю длину комнаты дедушкиным столом.

Тэд, шагая по кабинету от стола к огромному окну, рассказал, как ему мыслится будущая лаборатория. Когда он кончил, наступило молчание. Затем дядя Тёрнер негромко сказал:

— Судя по тому, что вы нам рассказываете, дело вы задумали большое.

— И рискованное, — добавил дядя Лоуэлл. — Но где вы видели, чтобы новое дело не было сопряжено с риском? Мы можем взять часть расходов на себя.

— Пока мы не начнем получать прибыли, — сказал я.

Дядя Лоуэлл рассмеялся:

— У него неплохая хватка!

— Не знаю, как вам, — сказал отец, — а мне долгосрочные прогнозы погоды необходимы. Если вы, мои молодые друзья, способны их делать, даю треть суммы, необходимой для начала.

— Да не о деньгах сейчас речь, — сказал дядя Тёрнер. — Им будет нужно помещение, персонал, компьютеры, оборудование для экспериментов и еще очень многое...

— Вот список оборудования и штата технических работников, которые мне необходимы, — заявил Тэд, вытаскивая из кармана пачку бумаг. — Корпел над этим всю неделю.

Он положил бумаги на стол, и мы все склонились над ними.

— Но здесь нет списка административного персо-

нала. Вам понадобятся люди считающие, торгующие, эксплуатационники...

Тэд пожал плечами.

— Я буду заниматься только техническими проблемами. Администрирование — это не моя область.

— Нам понадобится первоклассный специалист, который вел бы в лаборатории всю деловую часть,— сказал я.— Это очень важно, Тэд.

— Да, но он должен будет согласовывать свою деятельность с техниками. Не нужен мне бумагомаратель, который станет нам указывать, как делать науку.

— Это само собой разумеется,— сказал дядя Лоуэлл.

— Хорошего администратора-руководителя найти очень трудно,— сказал отец.

— Кто бы это ни был, он должен ясно представлять себе, ради чего создана лаборатория, каковы ее задачи,— сказал дядя Тёрнер.

— И, что не менее важно, он должен хорошо знать людей, руководящих технической стороной дела,— добавил отец.

И вдруг все они уставились на меня.

— Я? Руководить лабораторией? Но я не умею... Я же не знаю, как... Да не могу я!..

— Нет, умеешь,— сказал отец.— И станешь.

8. Научно-исследовательская лаборатория „Эол“

Я не стал спорить с отцом. Да это было бы и бесполезно. И по правде говоря, я вдруг понял, что мне самому интересно, сумею ли я справиться с нашим маленьким предприятием.

В конце совещания отец и оба его брата выразили согласие финансировать деятельность «Эола» в течение года. Когда все стали расходиться, отец задержал меня на пороге.

— Нам надо поговорить, Джереми.

Он медленно подошел к старинному письменному столу. Стоя на фоне окна, как в раме огромной картины, отец вдруг удивительно напомнил мне деда. Раньше это сходство никогда не бросалось в глаза.

— Джереми, на протяжении года тебе предстоит вести собственное дело. Я желаю тебе всяческих успехов, но, откровенно говоря, думаю, что ваша затея не продержится столько времени.

— Что ты хочешь этим сказать? Мы...

— Выслушай меня,— сказал он, поднимая руки и призывая меня к молчанию.— Как мы договорились, я и твои дяди будем финансировать вашу фирму на протяжении года и будем пользоваться вашими долгосрочными прогнозами. Но, как ты полагаешь, что вы успеете сделать за такой срок?

Подумав, я ответил:

— Мы должны сделать наше предприятие прибыльным за счет долгосрочных прогнозов.

Он кинул на меня иронический взгляд — так умудренные опытом отцы смотрят на своих наивных отпрысков.

— Вот что, дорогой мой. Твой друг Маррет собирается сосать из нас денежки, как слон воду из бассейна. Ты же знаешь, что долгосрочные прогнозы для него уже пройденный этап. Его совершенно не интересует, как извлекать прибыль из прогнозов погоды. Для него это только средство для достижения цели. А заниматься он хочет исследованиями, дорогостоящими исследованиями по управлению погодой. Вместо одного доллара, который ты получишь от «Торнтонна», он потратит шесть. И как только мы перестанем

оплачивать счета, ваша лаборатория вылетит в трубу.

— Я знаю, чего хочет Тэд,— возразил я.— И воздействие на погоду, как только мы научимся его осуществлять, обернется куда более выгодным делом, чем долгосрочные прогнозы погоды.

— Если вы не обанкротитесь раньше.

— Тэд постарается укладываться в бюджет,— не очень уверенно сказал я.

— Возможно,— ответил отец,— но искушение получать бешеные деньги от «Торнтон» может испортить все дело — и ему и вашей лаборатории. Если хочешь моего совета, потратьте этот год на поиски клиентуры, которая согласится покупать у вас долгосрочные прогнозы. В этом ваше единственное спасение после того, как «Торнтон» перестанет нести вам золотые яйца.

Я опустил голову.

— И вот еще что,— продолжал отец,— рано или поздно Маррет захочет проводить эксперименты в обход закона. Меня не удивит, если на этой почве у вас начнутся неприятности с правительством.

— Мы и не сомневаемся, что Россмен при первом же удобном случае начнет ставить нам палки в колеса. Но думаю...

— Да не смотри ты на это как на дуэль между Россменом и Марретом! Я же сказал «в обход закона». Ты когда-нибудь слышал о Федеральном Комитете по охране окружающей среды?

Пришлось признаться, что о таком учреждении я не слышал.

— Так услышишь. В его руках воздушное пространство страны.

— Ты хочешь сказать, что они распоряжаются атмосферой?

— В некотором роде,— сказал отец, с улыбкой глядя на мою сконфуженную физиономию.— Я навел

кое-какие справки перед отъездом из Гонолулу. ФКООС — это комитет, который осуществляет все правительственные программы по проблемам загрязнения атмосферы, по океанографии и картографии, а также все виды геофизических исследований. И Бюро погоды — это составная его часть, так-то вот.

— Об этом я не знал.

— Вот уже около пятнадцати лет ФКООС уполномочен разрешать или запрещать проведение экспериментов по управлению погодой. За это время они уже свернули шею немалому числу фанатиков. Скажем, какая разница между вашим засеиванием облаков и загрязнением атмосферы? Ответ зависит от того, к кому вы обратитесь с этим вопросом.

— Не станут же они, не разобравшись, с ходу отвергать официальный запрос... — Тут до меня дошло, на что намекал отец. — Значит, если Россмен захочет с нами разделаться, он будет действовать через ФКООС.

— Возможно, именно так он и поступит. Бьюсь об заклад, в Комитете его знают лучше, чем твоего друга Маррета.

Я промолчал.

— Тебе предстоит нелегкий год, Джереми, — сказал отец, поглаживая край стола. — И очень полезный, как мне представляется. Жду тебя домой к концу года — ты тогда будешь не столь оптимистичным, но вместе с тем и более мудрым, и сможешь всей душой отдаться работе в такой серьезной фирме, какой является «Торнтон пасифик энтерпрайзис».

— Разгрести дно морское?

— Через год все это представится тебе в ином свете.

До открытия «Эола» я не тратил времени зря. Но в моей памяти не переставали звучать спокойные предостережения отца.

В течение шести недель, пока Тэд добивался своего докторского диплома в Технологическом, я носился по всем отделениям «Торнтон», подбирая работников в Бостоне, Хартфорде, Нью-Йорке и Вашингтоне. Во время уик-эндов в Торнтоне дядя Лоуэлл и дядя Тёрнер подтрунивали надо мной: только и разговоров было, что о моем «пиратстве», после того как я переманил в «Эол» несколько молодых административных работников. Но они редко отказывали мне, когда я говорил о своем намерении «украсть» кого-нибудь из их штата.

Я даже слетал в Гонолулу, и, когда я увел четырех самых толковых сотрудников из «Торнтон пасифик», отец перестал снисходительно улыбаться. Я хорошо знал отцовских служащих, и они знали меня. Возможность сразу занять высокий пост в новехонькой компании, вместо того чтобы годами ждать повышения, была слишком заманчива, они не могли от нее отказаться.

К середине июня «Эол» уже имел собственное правление: административное, финансовое, коммерческое, эксплуатационное. Во главе правления стоял я. Имелся у нас и научный персонал в лице Тэда Маррета и Тули Нойона.

Мы подыскивали весьма удобное помещение в Бостоне, возле аэропорта «Логан»: сняли весь верхний этаж четырехэтажного здания. Главная станция Бюро погоды находилась в том же здании — она располагалась на крыше, — и очень скоро мы близко познакомились с ее работниками.

В тот день, когда Тули и Тэд получили свои дипломы, мы с Барни втайне от них подготовили праздничный вечер — сняли банкетный зал в ресторане

того отеля, где я жил. Барни позвала всех приятелей Тэда — пришло больше половины Климатологического отдела и почти весь Технологический институт.

Все сошло как нельзя лучше, если не считать пустяка, который впервые за время нашего знакомства вывел из себя обычно спокойного Тули. Впрочем, я вполне разделял его чувства, когда узнал, что Тэд почти всем присутствующим обещал работу в «Эоле».

Мне понадобился весь уик-энд, чтобы немного прийти в себя. Утром в понедельник мы вместе с Полем Куком, который ведал кадрами нашей фирмы, встретились в моем кабинете с Тэдом. Помещение было небольшое, с одним окном, которое было обращено в сторону аэропорта и гавани. Вся обстановка состояла из скромного деревянного стола, кушетки и нескольких стульев. На стенах висело несколько картин.

— Верно, нелегко обитать так близко к природе, — воскликнул Тэд, плюхаясь на тахту. — Датская мебель. Наша или привозная?

— Из Швеции, — сказал я. — И картины — не копии, оригиналы. Мне они нравятся. Но если тебя они раздражают, можно их снять и покрасить стены, как в Климатологическом, в твой любимый серый цвет.

Он изобразил на своем лице испуг.

— Даже абстрактные полотна лучше, чем стены Климатологического!

— Ну, а теперь, когда вопрос с обстановкой в офисе улажен, — сказал Поль, выравнивая толщенную пачку бумаг на моем столе, — не поговорить ли нам немного о работе?

Среди служащих «Эола» Поль Кук считался стариком, ему перевалило за тридцать. Это был коренастый решительный мужчина с намечающейся лысиной и квадратной челюстью.

— Вот заявления о приеме на работу,— сказал он, постукивая пачкой бумаг по столу.— Все они поступили от людей, называющих себя вашими друзьями, Тэдди. Вы и в самом деле всем им обещали место здесь?

Тэд вскинул брови.

— Может, я и погорячился немного. Но среди них есть чертовски хорошие ребята.

— Очень мило с твоей стороны,— сказал я.— Но нам-то нужны не просто хорошие ребята, а отличные работники. И далеко не так много, по крайней мере на сегодняшний день.

— Знаю точно, кто мне нужен,— теперь уже совершенно серьезно заявил Тэд.— Побереги нервы. Через неделю я наберу исполнителей.

Поль облегченно вздохнул, а я сказал:

— Ловлю тебя на слове. Но помни, через две недели долгосрочные прогнозы должны начать поступать к нашим клиентам.

— Будет сделано.

— Что касается заказчиков, нужно приобрести их как можно больше: мы не можем рассчитывать только на «Торнтон».

— А вот это уже не моя забота,— возразил Тэд.— Мое дело — выдавать долгосрочные прогнозы и вести научные исследования. Заполучать заказчиков — твое дело.

Что ж, он был прав.

— Ладно. Шею на этом сломаю, но доходов от нового дела добьюсь.

— Надеюсь, вам нравится летать,— сказал Поль.— Вам теперь придется провести немало времени в самолетах.

Наблюдать облака с земли — ничто по сравнению с тем, что ты видишь, когда находишься в их собственном царстве, наверху, и летишь вместе с ними, рядом с

ними Отправляешься в путь на закате, когда тяжелые серые слоистые облака окутывают землю, вклиниваясь в них и видишь, как исчезает земля, и вдруг — точно взрыв! — небо, пурпурное, словно королевский ковер, оно раскинулось перед тобой вплоть до горизонта, где заходит Солнце. Что на земле может сравниться с этим! На большой высоте небо всегда чистое, какая бы погода ни была внизу, — разве что блеснет кристалликами замерзшее перистое облачко. Там, высоко, каждый день сияет солнце, и небо всегда чисто голубое. Под тобой проносятся, будто вабитые невидимой рукой, кучевые облака — пухлые, валохмаченные, отбрасывающие вниз бегущие тени. Тропами и дорогами шествуют облака вдоль поверхности земли, порождая порой гигантские штормы, которые опустошают все внизу, а вверх возникает картина сияющей белыми пиками и метельными равнинами Антарктиды. Пролетая сквозь тучи, самолет сотрясается в яростных порывах воздушных течений, видимость ухудшается, завеса тумана то плотную смыкается вокруг самолета, то расходится, пока окончательно не скроет все так, что не видно даже крыла самолета. Грохочут громоздвигшиеся грозовые тучи, освещая все вокруг вспышками молний. Но вот самолет приземляется, он снова в дождливом, сером мире, снова под изменчивыми небесами, снова в мире погоды.

Лето выдалось на редкость долгое и ясное. Один солнечный день сменял другой. И хотя было не так жарко, как обычно, пляжи и горные курорты собирали рекордное число отдыхающих. Не было ни одного дождливого уик-энда. Да и вообще во всей Новой Англии, пожалуй, не выпало ни одного дождя — если не считать нескольких шквальных штормов. На погоду никто не жаловался, кроме фермеров. Им приходилось туго: зерновые сохли на корню. Но каждый горожанин знал, что осенью пойдут дожди, и проблема будет решена. Владельцы пригородных участков знай себе поливали газоны, чтобы сохранить их свежесть, и толковали о том, как хорошо, что построены опреснительные установки и больше нет затруднений с водой.

Но установки не спасали: весь северо-восток страны был охвачен засухой, посевы горели.

Как и то дело, которое я взвалил на свои плечи.

Несмотря на все мои старания и разъезды по стране, за это лето мне не удалось заманить долгосрочными прогнозами ни одного заказчика для «Эола».

— На бумаге-то оно выглядит прекрасно,— сказал мне директор одной фирмы, занимающейся выпуском консервов,— и мы, разумеется, заинтересованы в предсказаниях погоды — они помогли бы нам знать, когда и сколько выпадет осадков, решать, когда и какую культуру сажать. Но если предсказания обманут, мы рискуем лишиться урожая. А потом, если вы все так хорошо придумали, почему Бюро погоды не воспользуется вашими прогнозами?

Другой делец оказался более бесцеремонным.

— Я не привык иметь дела с незнакомыми людьми. Я знаю государственную службу погоды. А вас я не знаю. И ваших идей тоже.

В Канзас-Сити президент международного объединения отелей доверительно сказал мне:

— Это здорово! Похоже на сказку! Но эти упрямые ослы из Совета директоров — они же никогда не поверят! Да и не возьмутся первыми испытывать что-либо новое.

А главный научный консультант одной нефтяной компании фыркнул:

— Чепуха! Система никогда не будет работать. Можете мне поверить — я опытный геолог.

— Но какое отношение имеет геология к нашей идее? — взорвался Тэд, когда я по возвращении рассказал ему об этом разговоре.

Я сидел в кресле и бессмысленно смотрел в окно на серое сентябрьское небо. Тэд безостановочно мерил шагами комнату.

— А ты им показывал наши прогнозы, подготовленные для «Торнтон»?

Я кивнул.

— Это их не убедило. Двенадцатинедельные прогнозы нашей лаборатории они считают либо счастливой случайностью, либо обманом — дескать, мы переписали прогнозы Бюро погоды и все.

— Что?! — Тэд застыл на месте. Глаза его загорелись гневом. — Кто это сказал?

— Да один или двое. Не так длинно, но по смыслу достаточно ясно.

Тэд промышал что-то нечленораздельное.

— Не злись на них. Это я виноват — не сумел убедить.

Тэд еще какое-то время шагал по кабинету и бормотал себе под нос. У меня не было сил встать — помотался по всей стране и за последние двое суток не спал и шести часов.

— Послушай, Джерри, — Тэд наконец сел к столу. — Может, ты говорил не с теми людьми. Вместо того чтобы делать ставку на президентов и директоров компаний, следовало поговорить с инженерами, руководителями лабораторий... с теми, кто будет работать с нашими прогнозами. Если, конечно, боссы будут им платить. Эти напыщенные пижоны, шишки на голом месте, твердят только, что это невозможно, и в один присест их не переубедить. Но обратись к управляющим заводами, ведущим ученым или инженерам. Пригласи их в лабораторию, оплати им дорогу, если на то пошло. Пусть они проведут здесь несколько дней, посмотрят на что мы способны. Вот увидишь — они станут на нашу сторону!

— А потом убедят своих хозяев?

— Точно!

— Ты думаешь, это подействует? Я имею в ви-

ду — мы успеем? У нас времени всего лишь до апреля будущего года.

Тэд усмехнулся.

— Да уж лучше бы успеть.

Пришла зима. Она оказалась более суровой, чем обычно, со сравнительно небольшим количеством осадков. Лыжники горько жаловались на отсутствие снега, многие горные станции пришлось закрыть, а их владельцы с грустью взирали на голые склоны и тающие банковские счета. В феврале почти вся гавань Бостона замерзла, и береговой службе пришлось вызывать ледакол, чтобы расчистить хотя бы часть ее, иначе порт был обречен на бездействие. А вдали от океана, на холодных полянах и промерзших склонах гор, фермеры с каменным упорством ждали снега, который так и не выпал. Теперь и весенних потоков с гор ждать не приходилось. Вместо них побегут весной тощие ручейки, поля останутся сухими.

9. Угроза засухи

В эту бесснежную, суровую зиму я действовал согласно стратегии, предложенной Тэдом. Приходилось много ездить и много говорить, останавливаться в самых разных отелях, питаться в случайных ресторанах. По утрам, просыпаясь, я с трудом вспоминал, в каком городе нахожусь и какой сегодня день недели. Но молодые инженеры и ученые стали мало-помалу стекаться в «Эол». Они приезжали по одному, по двое, останавливались у нас на несколько дней, смотрели, слушали Тэда и Тули и возвращались обратно с новым блеском в глазах. К марту у нас уже были официальные запросы из нескольких фирм, которые изъявили желание сотрудничать с нами.

Это был обломок величиной с кулак, не больше. Тысячи веков он обращался вокруг Солнца, не сближаясь ни с каким телом более, чем на двадцать миллионов миль. Но, следуя своим путями, далекое Солнце и планеты оказались расположены так, что обломок сошел со своей извечной орбиты и на несколько миллионов миль приблизился к Земле. Этого было достаточно, чтобы притяжение Земли захватило маленький камень, он приобрел дополнительную скорость и стал «падать» на голубую планету. Со скоростью двенадцать миль в секунду он влетел в атмосферу Земли и породил ударную волну, раскалившую воздух вокруг. Сам обломок стал испаряться, и к тому времени, когда до поверхности земли оставалось двадцать пять миль, успел превратиться в микроскопическую пыль. В течение нескольких дней пыль выпадала на землю. Мельчайшие частицы ее плавали над территорией Среднего Запада США, и их вымыло из атмосферы дождем. Так они достигли земли — в каплях дождя — и были унесены в море. Но над Новой Англией пыль носилась еще много дней. Казалось, все условия благоприятствовали дождю: в воздухе было достаточно влаги, присутствовали частицы пыли, ветер дул с океана. Но дождя так и не было.

— Итак, вы все-таки продержались целый год, — сказал отец.

Он был явно доволен, но вместе с тем и удивлен. Я мог судить об этом по выражению его лица, когда он вызвал меня к видеофону.

— Тебя это, кажется, удивляет?

— Да.

Откинувшись на спинку вращающегося кресла и сложив руки за головой, я кивнул:

— Меня самого это удивляет... немного.

— Долгосрочные прогнозы оказались очень точными, — сказал отец. — Весна опять выдалась очень трудная, как и в прошлом году, но разработки идут без помех. Мы даже сумеем окупить прошлогодние потери.

— Тэд работал над этими прогнозами не разгибаясь. Отец хмыкнул.

— Он еще не разорил тебя?

— Как видишь. Пытался несколько раз, но мы пока держимся. Сейчас Тэд составляет прогнозы на две недели вперед. Я пытался выжать из него четыре недели, но он уперся. Он сосредоточил все силы и средства на управлении погодой.

— А месячные прогнозы были бы очень и очень кстати.

— Знаю. Но Тэд стоит на своем. Мы составляем прогнозы на две недели и делаем общие климатические прогнозы на девяносто дней — предсказываем средние температуры и количество осадков для данного района, прослеживаем направления штормов.

— Да, я видел. Хорошая работа.

— Каждую среду мы выпускаем двухнедельные прогнозы — это частично покрывает наши расходы. Предсказания на девяносто дней выходят раз в месяц. Чтобы расширить круг работы, нам потребуется дополнительное техническое оборудование и люди, а этого мы пока не можем себе позволить. Тэд сколотил небольшую группу людей, которые, как ты сам понимаешь, занимаются только исследованиями в области воздействия на погоду.

— Это ясно.

— Не думай, пожалуйста, что Тэд заперся в башне из слоновой кости, отец. Когда случается какой-нибудь затор с прогнозированием, он бросает свои исследования и помогает наладить работы. И он тратит массу времени на демонстрацию наших возможностей потенциальным клиентам. Он — наша палочка-выручалочка на все случаи жизни.

— Похоже, дела у вас идут хорошо.

Отец прямо-таки сиял от гордости за наши успехи.

— Пока держимся. Мы подписали контракты с

четырьмя фирмами, не считая «Торнтон», и ведем переговоры еще с тремя.

— Итак, подведем итоги. Ты поставил фирму на ноги. Работа твоих друзей приносит прибыли. И этот год не прошел для тебя впустую — ты получил опыт... и развлекся. А теперь я хочу, чтобы ты вернулся домой, сын. Ты мне нужен здесь.

— Домой? — Я резко наклонился и схватился руками за край стола. — Но я...

— Твое дело — «Торнтон пасифик», Джереми. Вовсе не эти погодные бирюльки.

— Но не думаешь же ты, что я сейчас сорвусь и брошусь домой?

— Именно так я и думаю, — твердо сказал он. — Ты нужен дома, которому всем обязан.

— Я не могу сейчас уехать отсюда.

— Не можешь или не хочешь?

— Ты приказываешь мне вернуться домой?

— А ты хочешь, чтобы я это сделал?

К этому времени я уже сидел на краешке кресла, и мы не отрываясь смотрели друг на друга.

— Послушай, отец, Джереми Торн Первый вложил свои деньги в строительство клипперов, хотя все его друзья и советчики были за строительство канала Эри. Дед — Джереми Торн Второй — вовлек семейство в создание самолетов. Сам ты отправился на Гавайи и занялся глубоководными разработками. Вот и я, следуя семейным традициям, остаюсь здесь, и дело моей жизни — управление погодой.

— Но это же немыслимо!

— Такими же в свое время казались самолеты и морские драги.

— Ну хорошо же, глупый упрямец! — вскричал отец. — Но не рассчитывай, что, как только твои грезы улетучатся, ты найдешь прибежище дома! Ты те-

перь предоставлен самому себе, и не жди от меня ни помощи, ни совета.

— Не теми ли же словами дед провожал тебя на Гавайи?

Отец прервал связь. Экран погас. Я был предоставлен самому себе.

И я был счастлив! До «Эола» я никогда не работал по-настоящему, не вгрызался в дело так, что не оставлял его, пока не доводил до конца. Теперь я работал днем и ночью. Я проводил больше времени на работе, чем у себя в номере. Я забыл, когда последний раз смотрел телевизор, ходил на паруснике и даже — когда был в Торнтоне. Но, кажется, никогда еще не было мне так хорошо, как в то время, когда мы ставили на ноги «Эол», — у меня было такое чувство, что я наконец обрел самого себя.

Примерно через неделю после моего разрыва с отцом ко мне в кабинет заглянул Тэд.

— Еще работаешь?

Я оторвал взгляд от контракта, который лежал передо мной.

— Да вот, продираюсь сквозь словесные дебри.

— Привел подругу, тут она. Пригласил ее поужинать, а она захотела зайти, поздороваться. Не видела тебя, считай, две недели.

— Барни? Где она?

— Там, у меня, с Тули.

— И Тули еще здесь? Что вы там делаете так поздно?

Тэд небрежно прислонился к косяку двери — его высокая фигура заполнила почти весь дверной проем.

— Занимались кое-какими расчетами. По засухе. Барни их проверяет.

Я закрыл папку с делами и сунул ее в корзину на столе.

— Что, особые расчеты? — спросил я, поднимаясь

из-за стола. — Наверное, смогла бы справиться и наша группа программистов.

— Они сверяли. Барни перепроверяет... и одновременно смотрит, нет ли в работах Россмена чего-либо подобного.

Через холл мы прошли к Тэду. У него не было собственного кабинета: комната была такая большая, что в ней свободно разместился бы теннисный корт. И чего только в ней не было: письменный стол, к которому с одной стороны примыкал еще один стол, а с другой — электронный пульт управления, несколько полок для бумаг, драное конторское кресло, которое Тэд каким-то образом увел еще из ВВС, стол для совещаний и вокруг него — стулья самой различной формы и цвета, на подоконниках — не менее четырех кофеварок. За окном виднелась небольшая автоматическая метеостанция.

Всю стену напротив двери занимало любимое детище Тэда — экран с картой Соединенных Штатов Америки. Он корпел над ней несколько недель кряду, прежде чем добился нужного результата.

Когда мы вошли, Тули и Барни сидели за столом для совещаний и листали заметки — половина из них была напечатана компьютером, половина исписана неразборчивым почерком Тэда.

Барни взглянула на нас.

— Как поживаешь, Джерри?

— Прекрасно. А ты?

— Она в хорошей форме, сразу видно, — вмешался Тэд. — Ну, как там с расчетами, Барни?

— Не нашла сколько-нибудь явных ошибок, — сказала она, пожав плечами. — Но времени хорошенько все проверить не хватило.

— Можешь воспользоваться нашим компьютером, — предложил Тэд.

Как всегда бесстрастно, в разговор вступил Тули:

— Компьютер работает днем и ночью, без перерыва. Он лишен человеческих слабостей, таких, например, как потребность в сне.

— Что ж, прошу оказать мне любезность,— размахивая руками, сказал Тэд.— Я буду чувствовать себя спокойнее, если расчеты проверит Барни.

— Может, отложим до завтрашнего вечера? — спросила Барни.

— После ужина,— сказал я.

— Прекрасно, поужинаем вместе,— резюмировал Тэд.

— Может быть, кто-нибудь из вас все-таки скажет, чем это вы тут занимаетесь? — спросил я.

Вместо ответа Тэд подошел к пульта управления и нажал несколько кнопок. На засветившемся экране появилась карта погоды: линии и символы показывали состояние воздушных масс и штормовые ячейки над страной и данные о погоде во всех крупных городах.

— Вот как выглядит обстановка сейчас,— пояснил Тэд.— Цифры в правом углу внизу указывают на количество осадков в Новой Англии. В нынешнем году дождей выпало почти вполовину меньше нормы.

— И снега тоже,— негромко добавил Тули.

— Расчеты, которые я тебе показывал,— продолжал Тэд, присев на край письменного стола,— это общий прогноз погоды для Новой Англии до конца года — срок, на который я смог получить хотя бы приближенные данные.

— Семь месяцев,— сказала Барни.— Тут надежность не так уж высока.

— Может, и не так высока, но взгляните-ка сюда.

Тэд поиграл контрольными кнопками, и мы увидели, как на весь континент легла модель развития погоды. Из тропиков поднимались потоки теплого воздуха, то тут, то там вспыхивали символы вечерних

грозы, прохладные массы воздуха спускались с севера и запада, гоня перед собой линии шквалов. Можно было видеть, как осень захватывает страну, как на побережье Флориды и Мексиканского залива устремляются ураганы. А потом в северные районы страны пришла зима с ее холодным арктическим воздухом — на это указывали символы в виде маленьких снежинок.

— Вот и тридцать первое декабря, — сказал Тэд, когда карта перестала меняться. — С Новым годом, с новым счастьем!

— Какое уж там счастье, — сказал Тули, — если наши расчеты по осадкам оправдаются.

Я взглянул на цифры: в Новой Англии выпадет меньше половины нормы дождей.

— Грядет засуха, — сказал Тэд. — И тяжкая. Этому району страны придется туго. А Средний Запад в это время будет залит водой!

— И что же ты намерен предпринять? — спросила Барни.

— Не допустить этого.

— Но как?

— Не знаю... пока. Но именно эта задача станет основным делом лаборатории.

— Для работы над такой масштабной проблемой нам потребуются соответствующие ассигнования, — сказал я.

— Мы будем заниматься проблемой, — твердо заявил Тэд. — Деньги — твоя забота. Конечно, хорошо, если найдутся люди, готовые платить нам за нашу работу. Но что бы там ни было, мы будем над этим работать! — Он обратился к Барни: — Россмен хоть что-нибудь делает в этом направлении?

— Насколько мне известно, нет. Разумеется, официальные прогнозы не распространяются на такое отдаленное будущее.

— А неофициальные?

— По-моему, он пытается освоить твою методику прогнозирования погоды. Создал небольшую группу людей, работающих только на него. Все держится в глубокой тайне. По крайней мере мне никто ничего не рассказывает.

Тэд ничего не ответил, но лицо его стало озабоченным.

В тот вечер я возвращался в отель по слайдвею. Было тепло, безоблачное звездное небо казалось затканым тончайшим лунным серебром. А мне хотелось, чтобы шел дождь.

Пока Тэд изыскивал средства борьбы с засухой, я решил провентилировать политический климат в Новой Англии. Не составило труда понять, что большинство государственных служащих всех шести штатов рассматривают засуху как явление тревожное, но серьезного значения ей не придают. Не нашлось среди них никого, кто был бы сильно этим озабочен: опреснительные установки гарантировали приморские города от недостатка воды и водохранилища во внутренних районах страны пока еще пребывали в приличном состоянии. Но намечалась конференция Директоров Управлений по ресурсам Новой Англии, одна из серии региональных встреч представителей различных департаментов, проводимых правительствами штатов. Эта конференция предназначалась для тех, кого беспокоило состояние природных ресурсов, в частности воды.

Я нашел Тэда в лаборатории Тули.

— Конференция состоится в первый уик-энд после Дня независимости.

— Убить субботу и воскресенье на разговоры с кучкой бюрократов? — раздраженно воскликнул Тэд.

— На разговоры с людьми, которые могут заинтересоваться твоей идеей предотвращения засухи,—

сказал я. — Если, конечно, тебе удастся уговорить их.

— Если мне удастся? Еще и оскорбляешь, босс! Ладно, если тебе так хочется фейерверка на славный День независимости, будет тебе фейерверк!

Пришлось немало потрудиться, чтобы наше выступление включили в программу конференции. В конце концов я был выпущен прибегнуть к помощи конгрессмена из Линна: он был членом Комитета по науке и природным ресурсам и одним из организаторов конференции.

Но самым сложным оказалось убедить Тэда подготовить доклад, который был бы понятен всем, и не специалистам в том числе. В первом варианте его выступления пятьдесят минут отводилось на то, чтобы с помощью слайдов объяснить аудитории, что такое наука метеорология. Все мы пытались уговорить его выбросить из выступления эту часть.

— Нужно проще, — убеждал я его. — Эти люди понятия не имеют о том, что такое метеорология. А следить за твоей мыслью трудно даже мне.

Он, как упрямый ребенок, уселся на диван у меня в кабинете и обхватил себя руками.

— Вы что, хотите, чтобы я рассказывал им сказки?

— Правильно! Совершенно правильно! — воскликнул я. — Расскажи им сказки... да пострашнее! Покажи им, какой ужас эта засуха. А потом постарайся их убедить, что способен справиться с нею.

— А мы имеем на это право? — спросил Тули.

— Когда приходится иметь дело с людьми, ничего не смыслящими в существовании проблемы, — сказала Барни, — с ними нужно говорить на языке, который до них дойдет.

— Будь по-вашему, — сказал Тэд, — но предупреждаю: это будет не научный доклад, а представление.

Представьте, что вся энергия бури передается бешено вращающейся воронке, так что скорость ветра достигает нескольких сотен миль в час, а воздух внутри воронки становится разреженным, как высоко в горах. Такие ветры напирают на дома с силой в тысячи фунтов на квадратный фут. А по пятам за ветром следует зона пониженного давления, и она заставляет взрываться дома, стены которых выдавливаются наружу под напором воздуха внутри, имеющего обычное давление. Превосходное оружие, особенно в густо населенном городе, представляет собой эта «вихревая нить»! Ее называют торнадо.

В Талсе стоял серый промозглый день, над городом низко нависли тяжелые, плотные тучи. Как показывала карта погоды, с северо-запада двигался сильный холодный фронт, проникая в толщу влажного тропического воздуха. Бюро погоды объявило тревогу — надвигался торнадо. Самолеты сбросили реактивы на некоторые облака, пытаясь развеять их до того, как разгуляется опасная стихия. А тем временем в торговом центре было полно людей: приближался День независимости, все магазины будут закрыты. Из тучи неожиданно вытянулся столб смерча; он извивался из стороны в сторону, подобно огромной змее, изрыгая молнии. Коснувшись озера, он в мгновение ока осушил его до самого дна, перескочил через стоянку автомашин и очутился среди зданий магазинов. Они буквально взорвались. Все это произошло в течение тридцати секунд. В итоге сорок два человека погибли, более ста получили ранения. Смерч исчез так же внезапно, как появился, тучи рассеялись. Солнце осветило пять акров опустошенной земли.

Последствия торнадо мы с Тэдом увидели в новостях по телевидению, во время наших последних приготовлений к конференции, которая должна была состояться утром четвертого июля.

— Вместо того чтобы учесть печальный урок и серьезно заняться проблемой управления погодой, — пробормотал Тэд, тыча пальцем в экран телевизора, — они предпочитают отсиживать и полагаться на волю случая.

Конференция проходила в малоизвестном отеле в горах Беркшира. Мы пролетали над красивыми лесистыми холмами и волнующимися под ветром полями. Но чем дальше на запад, тем чаще на зеленом ковре встречались коричневые заплаты. Вспыхивали на солнце озера и пруды, но нашему взору открывались грязные скалистые берега, которые обычно прятались под водой.

— Высохшее ложе реки,— показал мне Тэд.— И вон еще одно.

— Да, это уже довольно серьезно,— сказал я, вглядываясь в песчаные серпантины, прежде бывшие водными потоками.

— Это еще что! — протянул Тэд.— То ли будет через месяц-другой. А на следующее лето...

— Но настолько далеко ваши прогнозы не доходят.

— Такого рода тенденции в погоде наблюдаются обычно лет пять, не меньше, если только не случится чего-нибудь сверхъестественного... например, возможности воздействовать на погоду.

Отель гудел как пчелиный рой: участники конференции прибыли из всех шести штатов Новой Англии, а также из Нью-Йорка и Вашингтона. Мы появились в ту минуту, когда у отеля проводилась короткая церемония в честь Дня независимости.

Пока мы пробивали себе путь к одному из четырех ресторанов, Тэд ворчал:

— Никогда в жизни не видел под одной крышей столько политиканов.

Мы наскоро перекусили, после чего попросили администратора проводить нас в аудиторию, где нам предстояло выступать. Комната оказалась небольшой, без окон. В одном ее конце был установлен проектор для демонстрации слайдов, в другом — экран.

— Рано пришли,— сказал Тэд, когда администратор закрыл за собой дверь.— Никого нет.

— Я подготовлю слайды.

Я закладывал в кассету последний слайд, когда дверь открылась и вошел человек лет тридцати пяти.

— Джим Деннис,— представился он, протягивая нам руку.

У конгрессмена Денниса было приятное, чуть красноватое круглое лицо, спокойная улыбка и глаза, которые, казалось, могли заглянуть в самую суть вещей. Он был примерно моего роста, среднего сложения.

— С чего это конгрессмен из Линна обеспокоен засухой? — спросил Тэд.— Ведь в Линне имеется опреснительная установка.

Деннис ответил не сразу.

— Я бы не сказал, что я обеспокоен, скорее, меня это касается, поскольку я состою в секретариате Комитета по науке. Мы слышали, как кое-кто сокрушался по поводу засухи, но эксперты нас уверяли, что никаких, подчеркиваю, никаких проблем с засухой нет. Чем дальше, тем громче убеждали они, что нет оснований для тревоги, особенно в прошлый месяц. А вот вы, кажется, считаете, что основания есть.

— Не доверяете экспертам? — резко спросил Тэд.

— Особенно, когда они что-нибудь так дружно утверждают, — улыбнулся Деннис.

Через несколько минут стали собираться наши слушатели. Деннис всех их знал и представлял нам по мере того, как они входили в комнату. Когда началось заседание, за столом сидело одиннадцать человек. Все они представляли сельскохозяйственные департаменты Новой Англии, за исключением одного, мистера Арнольда из Бостонского Бюро погоды.

«Из новеньких,— написал мне записку Тэд.— Никогда прежде не видел его в Климатологическом».

Когда все наконец расселись, Тэд приступил к докладу. Слайды в основном представляли собой фотоснимки нашей карты-экрана. Глядя на них, можно было ясно видеть районы, на которые распространялась засуха. Судя по их масштабам, к концу года положение ухудшится.

— И это еще не самое страшное,— суммировал Тэд.— Дальше будет хуже.

— Минутку,— произнес мистер Арнольд, худой мужчина с резкими чертами лица и намечающейся лысиной, которую он тщательно прикрывал прядями волос.

Тэд выключил проектор. В комнате зажегся свет.

— Насколько можно верить вашим прогнозам?— спросил Арнольд. — Шесть месяцев — слишком большой срок, чтобы делать конкретные выводы.

— Нашими прогнозами пользуются шесть крупных фирм. Разумеется, предсказания на полгода не столь точны, как наши двухнедельные прогнозы, тем не менее они отражают основное направление. Засуха задержится у нас здесь надолго.

— Между двумя неделями и шестью месяцами — большая разница.

Тэд с побагровевшим лицом медленно направился к креслу Арнольда. Но, прежде чем он успел что-либо произнести, я вмешался в разговор.

— По-моему, наш метод прогнозирования погоды дает гораздо более детализированную картину, чем метод Бюро погоды, поэтому, полагаю, предсказания на шесть месяцев вперед окажутся куда точнее, чем об этом можно судить по первому впечатлению.

Тэд, склонившись над Арнольдом и едва сдерживая гнев, раздельно произнес:

— В понедельник утром я пришлю каждому из вас наш обычный прогноз за неделю вперед. В нем будут указаны с абсолютной точностью час за часом,

погодные условия на четырнадцать дней для каждого района Новой Англии. Сравните его с любым другим прогнозом — вы не обнаружите ни одного, который по точности и деталям мог бы тягаться с нашим!

— Но это не входит в повестку дня конференции, — вмешался один из присутствующих. — Я не понимаю, каким образом засуха может нам повредить. У нас есть заводы-опреснители. Недостатка в воде не может быть — мы ведь черпаем ее из океана.

— Это годится для вас, в вашем Род-Айленде, — сказал его сосед. — Одна опреснительная установка покрывает все ваши нужды. А мы в Нью-Гэмпшире уже ощущаем нужду в воде. Скотоводы да и некоторые промышленники жалуются на ее плохое качество и на нехватку.

— Такая же картина и здесь, в западном Массачусетсе, — согласился мужчина, сидевший напротив. Размахивая длинной сигарой, он добавил: — По мнению деятелей из Вашингтона, еще один завод-опреснитель появится у нас не раньше чем через два года. К тому времени мы все разоримся.

— Но это вопрос содержания и контроля водных запасов, разве не так? — возразил представитель Род-Айленда. — Вокруг полно воды. Ваша задача — перестать ее транжирить.

В спор вмешался конгрессмен Деннис:

— Многие годы специалисты работают над проблемой запаса и хранения воды, и в этом направлении достигнуты немалые успехи. И сейчас делается все возможное, но, конечно, сразу всего не решишь. Проблема в другом: если, как утверждает мистер Маррет, засуха у нас надолго, может случиться так, что воды просто не будет хватать.

— До сих пор мы используем только семь процентов влаги, выпадающей в виде дождей, — заявил Арнольд. — Остальная вода уходит в море.

— Возможно, так оно и есть,— спокойно согласился Деннис.— Но в настоящее время большего мы не умеем.

Тэд вернулся на свое место.

— Ну что ж, взглянем фактам в глаза. Все ваши труды по очистке воды и контролю за загрязнением практически не привели ни к чему из-за роста населения и промышленности. Вы старались изо всех сил, а проблема как была нерешенной, так нерешенной и осталась. А теперь надвигается засуха, и она окончательно выбьет почву из-под ваших ног. Если в ближайшее время не произойдет сколько-нибудь существенных изменений, вам придется сесть на строгий водный рацион.

— Но это грозит потерей миллиардов долларов... продуктов питания, промышленных товаров...

— И работы, не забудьте! — прокричал кто-то.

— Так нужно действовать! — воскликнул Тэд. Аудитория превратилась в слух.— Мы можем остановить засуху. Мы ее прикончим, разумно и осторожно воздействуя на погоду.

— Если вы говорите о засеивании облаков, это уже было...

— Бессмысленно заниматься засеиванием облаков, если для этого не созданы необходимые условия,— ответил Тэд.— Я говорю о создании определенных условий, при которых дождь будет выпадать естественным путем. Речь идет об управлении погодой, не допускающем возникновения засухи.

— Но если в воздухе нет влаги, каким образом...

— Поймите, сейчас прямо над нашими головами проносится в шесть раз больше воды, чем ее содержится во всех озерах и реках Новой Англии! От нас требуется только заставить эту воду пролиться именно здесь, где в ней такая нужда.

— И вы можете это сделать?

— Мы можем создавать долгосрочные прогнозы. У нас есть реактивы и источники энергии, позволяющие изменять погоду. Мы можем заранее предугадать характер этих изменений, принесут ли они вред или пользу.

— Вы это уже когда-нибудь делали?

— Не в таких масштабах, которые понадобятся, чтобы остановить засуху.

— Но хоть в каких-то масштабах? Делали?

Тэд взглянул на меня и ухмыльнулся.

— Если бы не делали, мы бы и не сунулись сюда.

— Каким же образом вы собираетесь расправиться с засухой? — не без ехидства в голосе спросил Арнольд.

— Если бы я знал ответ, я бы не сидел здесь, а уже занимался этим делом. Но я знаю, как найти ответ.

— Как?

Тэд покачался на носках.

— Прежде всего следует изучить условия, необходимые для естественного выпадения дождей. Для этого придется поднять старые метеосводки, знать состояние воздушных масс как вблизи земли, так и выше, вплоть до ионосферы. Одновременно с этими исследованиями мы с помощью компьютеров составим схемы погоды в широких масштабах.

— Что это значит?

— В масштабах планеты, главным образом для Северного полушария.

В глазах присутствующих отразилось изумление, но они не проронили ни слова.

А Тэд продолжал.

— После того как мы научимся справляться с условиями, нужными для нормального выпадения осадков, мы сравним их с теми, которые существуют у нас во время засухи. Затем проведем лабораторные

эксперименты и расчеты на компьютерах и посмотрим, можно ли простым воздействием на погоду вызвать такие длительные изменения в ней, какие нам требуются.

Он оглядел аудиторию, чтобы убедиться, что его понимают.

— Атмосфера похожа на детскую игрушку «неваляшка». Она сопротивляется изменениям. Обладает чудовищной силой инерции. Ударишь ее с одной стороны, она покачается туда-сюда и встанет в исходное положение.

— Но она же меняется,— сказал кто-то.

— Конечно! Погода меняется ежеминутно, и климат тоже меняется — к примеру та же засуха. Но климатические изменения происходят медленно и вовлекают колоссальные запасы энергии. Нам нечего даже пытаться ввязываться в борьбу с естественным энергетическим балансом атмосферы — он слишком велик. Это все равно, как если бы человек пошел против мамонта.

— Люди убивали мамонтов,— усмехнулся конгрессмен Деннис.

— Верно,— согласился Тэд.— Но не с помощью мускулов. С помощью разума.

— К чему вы ведете? — раздраженно спросил Арнольд.

— А вот к чему: нам надо нащупать такие точки в общей схеме засухи, незначительное воздействие на которые вызовет благоприятные для нас изменения. Мы не в силах заставить атмосферу полностью изменить свой природный баланс, но мы можем отыскать возможность легким толчком в нужное место и в нужное время произвести необходимые нам изменения погоды.

— Одна или две простейшие модификации не окажут серьезного влияния на погодные условия, осо-

бенно такие, как нынешняя засуха,— сказал Арнольд.

— Очень может быть. Но в лаборатории мы в состоянии проследить все предпринятые нами изменения погоды. И, оперируя долгосрочными прогнозами, мы сможем сказать, какие именно воздействия сломят засуху, и тогда останется только использовать эти воздействия.

— Журавль в небе,— презрительно бросил Арнольд.— Нельзя идти на погоду с каменным топором...

— Не с каменным топором! — воскликнул Тэд.— Мы проведем эксперименты, основанные на теоретических выкладках и на расчетах компьютеров. Так же, как инженеры конструируют самолеты и ракеты.

Он ударил кулаком по столу и сказал:

— Вместо того чтобы смотреть со стороны, как засуха расправляется с нами, я хочу заставить человеческий разум вступить с ней в борьбу. Нам не пристало сидеть и ждать милости от природы — это равносильно тому, как если бы больной человек обходился без помощи медицины. Мы можем справиться с засухой. Так давайте же сделаем это!

10. Конкуренция

Доклад Тэда, по-видимому, произвел впечатление на Комитет — во всяком случае, несколько человек обещали внимательно ознакомиться с нашими предложениями. Но в понедельник, возвратившись в «Эол», я встретил хмурого Тэда.

— Все та же история,— буркнул он.— «Не звоните нам, мы сами вас разыщем».

Однако днем, когда после ленча я вернулся к се-

бе в кабинет, выяснилось, что меня вызывает конгрессмен Деннис.

— Сегодня утром я получил ваш прогноз,— сказал он, для убедительности показывая фотокопию.— Впечатляет, и весьма.

— Спасибо. Всегда рады слышать подобное.

— Я позволил себе связаться кое с кем из друзей в разных городах,— продолжал он и заговорщически улыбнулся.— Вы знаете, что сегодня в Шерман Милз, в штате Мэн, шел дождь? И предсказанный вами туман опустился в штате Коннектикут на город Тёрнпайк и оставался там ровно столько, сколько ему было положено согласно вашему прогнозу!

Я не читал прогноза в деталях, поэтому просто улыбался и кивал.

— Судя по дате на фотокопии, прогноз был сделан в прошлую среду,— сказал Деннис.

— Да, мы рассылаем прогнозы по средам. Этот прогноз был сделан почти неделю назад.

— Сегодня я обедал с губернатором в его резиденции и показал ему ваши прогнозы. Он ими заинтересовался.

— Что вы имеете в виду?

Деннис помедлил с ответом, дав мне время помучиться.

— Я ему еще по телефону рассказал о проектах Маррета, связанных с управлением погодой и с засухой. Он пригласил меня на обед, чтобы обсудить их. Полагаю, пришло время вам самим встретиться с ним.

— Подождите секундочку,— попросил я,— подключу Тэда.

Я вызвал коммутатор, и они подсоединили Тэда к линии. На экране передо мной по-прежнему было только лицо Денниса, но я мог слышать, как Тэд реагировал на рассказ конгрессмена.

— Вот теперь мы действительно сможем рабо-

тать! — радостно воскликнул Тэд. — Передайте губернатору, что он мудрый государственный деятель.

Деннис рассмеялся.

— Он этому не поверит. И кроме того, в его намерения пока входит только беседа с вами, он еще не подписал контракт.

— Подпишет, — уверенно сказал Тэд, — если хочет, чтобы с засухой было покончено.

Тэд отключился, а я поблагодарил конгрессмена за его поддержку. Деннис наклонился к самому экрану и конфиденциально шепнул:

— Не надо благодарности. Политики во всем ищут выгоду и прежде всего для себя. Кто знает — управление погодой может в один прекрасный день сделать меня сенатором.

— Надеюсь от всей души.

— И мои пятеро детей тоже!

У нас состоялось несколько встреч с губернатором, затем губернатор и его сотрудники нанесли инспекционный визит в «Эол», а к середине октября мы заключили контракт с федеральными властями штата Массачусетс на проведение работ по преодолению засухи. К концу октября остальные пять штатов Новой Англии подписали такие же контракты. Нас захватил трудовой вихрь. Тэд взял в штат еще несколько ученых и разделил свою группу на две: одна должна была заниматься прогнозами, вторая — исключительно засухой. Впервые со времени создания лаборатории мне не нужно было искать новых заказчиков: у нас их стало больше, чем мы могли справиться. Даже Федеральный Комитет охраны окружающей среды подписал с нами небольшой контракт. Комитет намеревался координировать нашу работу с исследованиями других государственных организаций, главным образом в области консервации и распределения водных ресурсов.

Осень выдалась сухая, неустойчивая, без обычных штормов на побережье. Рано ударили морозы, а затем поток воздуха с юга распространился над Новой Англией. Наступило бабье лето, но оно не принесло с собой радости. Холодный северный воздух попал в плен к более легкому и теплему воздуху. Метеорологи называют это явление «температурной инверсией». Погода была на удивление тихой — ни легкого бриза, ни шелеста высохшей золотой листвы. Мертвая тишина. Воздух, перемешанный с туманом и дымом от сжигаемых листьев, тяжело нависал над землей; горели леса; выхлопные газы от автомашин, заводской дым, туман с моря — все смешалось в серый отвратительный смог, который распространялся над все новыми районами и оседал, и не было ни малейшего дуновения ветерка, чтобы развеять его. Небо над головой было пронзительно голубым, до боли в сердце безоблачным, но горизонт скрывался в серо-грязном тумане. Резко подскочило число респираторных заболеваний, глаза воспалялись и слезились, многим стало трудно дышать. Бабье лето — лучшая пора года. А тут все ждали холодов, снега и, главное, ветра.

Бабье лето кончилось сразу, в один день, когда с северо-запада подул сильный ветер и по всей Новой Англии резко упала температура. Пришла зима, неожиданная, злая, с жгучими морозами.

Месяцы незаметно сменяли друг друга. Тэд работал над проблемой засухи дено и ночью. Он замучил не только своих ближайших помощников и ученых, но и компьютеры. Тули трудился с ним почти на равных, но брал для отдыха три-четыре дня в месяц. Тэд же не отдыхал никогда. Я был завален по самую макушку всякими делами, особенно подготовкой отчетов по проделанной работе — очень важно, чтобы заказчики постоянно были нами довольны. Результаты исследований, финансы, закупки оборудования, переписка, наем новых сотрудников, консультации, поездки — обо всем мы должны были докладывать нашим партнерам.

Всю зиму Тэд разрабатывал теоретическую часть проблемы. Он пытался вскрыть причины засухи, понять, почему такой необычный климатический сдвиг может господствовать над определенным районом в течение нескольких лет. Но основная задача этих исследований состояла в том, чтобы определить условия, необходимые для борьбы с засухой.

— Рано или поздно она, конечно, кончится сама собой,— сказал он как-то в одну из наших редких теперь встреч.— А пока предстоит разработать три основные модели: засухи, нормальных условий и условий, при которых засуха начнет отступать.

— Но ты же их определил, помнишь?

Он махнул рукой.

— Мы должны в первую очередь черным по белому показать эти условия. А это далеко не так просто, дружище. А потом уже будем думать о мерах борьбы, о том, как добиться нормального положения.

Это было серьезное испытание для наших компьютеров. Миллионы миллионов бит информации были заложены в их память, чтобы схемы погодных условий прошлого и настоящего обрели наконец какой-то смысл. Причем в их число входили погодные условия не только в Новой Англии, но и во всем Северном полушарии.

— Засуха — всего лишь крошечный фрагмент глобальной картины,— подчеркивал Тэд.— Мы не можем выступать в роли слепца, который, пощупав ногу слона, рассказывает о том, как выглядит слон. Нужно видеть животное целиком, видеть широко открытыми глазами.

Компьютерам «Эола» такая задача была не по плечу. Я обратился за помощью в местное Бюро погоды. Они ответили отказом. То же ждало меня в ФКООСе в Вашингтоне — ни одна организация не желала сотрудничать с нами.

— Работа Россмена, — рассвирепел Тэд.

Я обратился в «Торнтон», а Тэд попытался договориться с Технологическим институтом. Пришлось потратить половину наших средств на создание специальной линии связи, чтобы компьютеры вашингтонского, нью-йоркского и бостонского отделений «Торнтона» и компьютеры Технологического института могли «разговаривать» с нашими машинами, находящимися в аэропорту Логан. В результате мы получили компьютер, необъятный по своим размерам и возможностям; расстояния в несколько сотен миль между различными его частями не играли никакой роли: сигналы из одной части в другую передавались со скоростью света.

К тому времени, когда наступил новый День независимости, слово «засуха» было у всех на устах. А ведь еще год назад она занимала умы только небольшого числа специалистов. Теперь о ней писали во всех газетах, говорили во всех телевизионных передачах. Резервуары высохли, горные потоки иссякли, обмелели даже большие реки, открыв глазу песчаные отмели и скалы, испокон веку покоившиеся в глубине. Делегации фермеров требовали немедленных действий, и мы всеми силами старались уберечь Тэда от журналистов из боязни, что он создаст впечатление, будто мы в считанные недели способны одолеть беду. Официальная версия была такова: мы ведем научные изыскания, но окончательные результаты их, возможно, будут получены только через несколько лет.

В то лето города континентальной части Новой Англии сидели на строгом водном рационе. Закрывались предприятия, тысячи людей остались без работы. В приморских городах благодаря опреснительным установкам положение было лучше, но и здесь ощущалась нехватка питьевой воды. Газоны пожелтели,

зной высушил зеленые ограждения. Фонтаны не работали, кондиционерами перестали пользоваться, во избежание лесных пожаров закрылись кемпинги и рыбацкие домики.

А тем временем на Среднем Западе реки выходили из берегов, безжалостные ливни заливали города и фермы.

К середине лета все было готово к экспериментам. Многие из них Тэд с сотрудниками провел в лаборатории, но для некоторых экспериментов пришлось нанять самолеты, с тем чтобы проводить опыты над морем. Мы держали испытания в тайне — не дай бог что-то просочится в печать и публика решит, что проблема засухи решена, достаточно мановения руки Тэда.

Все это лето мы почти не виделись с Барни, если не считать лаконичных приветствий на бегу и торопливых совместных трапез. Впервые мы встретились в спокойной обстановке в августе, когда ежегодно повторяющийся метеорный поток персеид достигал максимума. Самый его пик пришелся на конец недели, и я привез Барни в Торнтон, чтобы с берега залива полюбоваться этим зрелищем.

Мы оставались на берегу всю ночь, наблюдая, как метеоры огненными стрелами прочеркивают на фоне вечных звезд ночное небо. Они возникали как яркие вспышки, некоторые искрами рассыпались в небесах и исчезали прежде, чем сердце успевало очередной раз отстучать свой ритм в груди. Если проследить их полет в обратном направлении, дорожка привела бы в созвездие Персея, названное по имени героя Древней Эллады.

Почему-то они напомнили мне Тэда, эти метеоры, что затмевали сами звезды, когда вспышками чертили небо, — яркие, целеустремленные, мчащиеся путями, с которых их нельзя свернуть. Они летели совершен-

но бесшумно, что странно не соответствовало их ослепительному блеску. Казалось, они знают, куда стремятся, и спешат занять отведенные им места, прежде чем наступит их звездный час.

Во время нашего многочасового пребывания на берегу мы почти не говорили — ограничивались короткими восторженными возгласами. То, что происходило над нашими головами, было столь грандиозно, что ни о чем другом и не думалось. Но вот небо наконец побледнело, и метеоры исчезли. Где-то наверху, возле дома, запела птица. Звезды гасли одна за другой, горизонт порозовел.

Только тут мы почувствовали, что безумно хотим спать, и направились к дому.

— Как Тэд? — спросила Барни.

— Разве вы с ним не видитесь?

Она покачала головой.

— Вот уже целую неделю, если не больше.

— У него все в порядке. Работает как черт. А то и как два черта.

— Дядя Ян говорит, что он буквально одержим мыслью об управлении погодой.

— Но почему? Почему надо целиком отдаваться одной какой-то идее?

Она остановилась и повернулась лицом к сияющему горизонту.

— Не знаю. Быть может, он боится, что кроме этого не сумеет добиться в жизни ничего другого. В любом случае такая одержимость для него пагубна. Если его идея не осуществится или он вдруг окажется отстраненным от работы, его хватит удар.

— Я тоже так думаю, но, по-моему, ничего такого ему не грозит.

— Я за него боюсь, Джерри. В Отделе что-то происходит. Не знаю точно что, меня близко не подпускают к этому. Россмен создал специальную группу,

и они все делают своими силами. Даже в нашем секторе им выделены компьютеры, к которым никто, кроме них, не имеет права подходить.

— Это настораживает.

Она горестно кивнула.

— За последнюю неделю Россмен несколько раз побывал в Вашингтоне. Мне кажется, он ведет переговоры с ФКООСом.

— С ФКООСом? С кем именно, не знаешь?

— Его секретарша как-то проговорила о лицензионной группе, но четко сформулировать, что именно она имела в виду, мне трудно.

11. Разрыв

Утром в понедельник, придя в контору, Тэд узнал об интригах Россмена и пришел в ярость.

— Это на него похоже! — кричал он, стуча кулаком по ладони. — Он не может взять в толк, чем мы тут занимаемся, а потому бросился в Вашингтон ставить нам палки в колеса.

Тэд в бешенстве метался вокруг стола.

— Похоже, что он использует свои связи, — сказал я.

Тэд замер и уставился на меня.

— Использует связи? Мы еще посмотрим, есть ли у него связи лучше наших.

Он выбежал из кабинета. Я вскочил со стула и последовал за ним. Я догнал его, когда он уже вбежал в лабораторию.

Когда мы появились, Тули и три других сотрудников лаборатории были увлечены разговором.

— Тс-с, босс идет, — сказал один из них.

Не знаю, кого он имел в виду — Тэда или меня.

— Кто-нибудь займитесь контрольным наблюдением,— сказал Тэд, подходя к карте-экрану. Тули направился к пульта, а Тэд подхватил фонарик-указку.— Верни картину к нормальной схеме.

Тули дотронулся до кнопок на пульте, и метео-символы на карте на мгновение погасли. Затем на ней возникло множество разноцветных стрелок. Тэд стоял неподвижно, было видно, что он все еще кипит, но старается взять себя в руки.

Наконец он произнес:

— Мы наблюдаем обычную схему ветров над континентальными районами страны в летний период.

Помогая себе лучом указки, он объяснил:

— Теплый воздух надвигается с западного побережья, отклоняется к югу, затем поворачивает на северо-восток. Холодный воздух, который обозначен этими синими стрелками, движется из Канады, формируется в западный поток и сдвигается к Атлантике.

Он взглянул на меня, сомневаясь, понятно ли то, о чем он говорит. Я кивнул.

— Красные стрелки означают теплый воздух, идущий от Мексиканского залива и Карибского моря вдоль западного побережья. Именно этот воздух несет с собой влагу.

Он сделал знак Тули, который нажал другой ряд кнопок.

— Теперь взгляди на область высокого давления над океаном. Она простирается на большую высоту. Границы ее подвижны, но в основном находятся недалеко от побережья. Над верхним пределом этой зоны воздух перемещается к северу вдоль западной границы области высокого давления по часовой стрелке — от южных морей к восточному побережью.

— И несет дожди к Новой Англии,— догадался я.

— Точно. Теперь взглянем на схему засухи.

Тули вновь изменил обстановку на карте. Область высокого давления двинулась вперед, к суше, и остановилась примерно на границе Аппалачей. Поток воздуха переместился южнее, а красные стрелки влажного воздуха, пройдя половину пути к восточному побережью, разделились. Часть их повернула к морю, остальные двинулись в средневосточные штаты.

Постепенно, увлекшись метеорологией, Тэд забывал о Россмене и успокаивался.

— Теперь смотри,— продолжал он.— Область высокого давления передвигается на сушу и несет с собой влажный океанический воздух на Средний Запад. Новая Англия от него отрезана. Более того, прохладный воздух, идущий по восточной кромке области высокого давления, оказывается именно над нашими штатами. Даже если в нем есть влага, ее недостаточно, чтобы пошел дождь.

— Но если влаги достаточно...— вмешался Тули.

— Ее никогда не бывает «достаточно», мой восточный алхимик. Воздух из Канады, идущий вдоль восточного края области высокого давления, высасывает всю имеющуюся у нас влагу. Конечно, водяные пары в воздухе остаются, но относительная влажность очень низка. Капельки ничтожно малы — всего пятьдесят микрон в диаметре. Они слишком легки, чтобы упасть на землю. Для того чтобы начался дождь, капли должны возрасти в пять-десять раз.

Подойдя к карте, Тули возразил.

— Почему бы тогда не засеять облака и не вызвать дождь искусственно? Если есть влажность...

— Засеивание облаков — не решение, если ты не захочешь засеивать их непрерывно, изо дня в день. Как только ты перестанешь это делать, дождь прекратится. А кроме того, такой дождь будет стоить несколько миллионов долларов ежедневно. В результате засуха нам обойдется дешевле.

— Что же тогда делать? — спросил я.

— Заставить природу работать на себя вместо того, чтобы с нею бороться.

— Как же ее заставить?

Тэд указал на карту:

— Надо отодвинуть область высокого давления назад, к побережью.

Наверное, в моих глазах отразилось удивление, потому что Тэд улыбнулся.

— Это не так сложно, как кажется, — сказал он. — Для этого всего-навсего потребуется управлять погодой на половине земного шара.

Он подвел меня к письменному столу и углубился в подробные объяснения. Он говорил долго и сложно, и вряд ли я понял больше половины. Но мне стало ясно, что суть дела сводилась к тому, что слой облаков над Арктикой был значительно тоньше, чем обычно, уже на протяжении нескольких лет. Вот это, по убеждению Тэда, и послужило толчком к той лавине, которая обрушилась на Новую Англию и привела к засухе.

— Значит, у нас засуха, потому что над Арктикой светит солнце? — удивился я вслух.

— Дело не только в этом, но в общих чертах ты прав. И это мы можем изменить. Правда, алхимик? Тули пожал плечами.

— Существует целый ряд галогенных соединений, которые на больших высотах под действием солнечного света могут образовывать облака. Таким образом, мы можем покрыть облаками значительную область...

— ...повернуть лавину вспять, разрушить схему засухи и постепенно вернуться к нормальным условиям, — закончил Тэд.

— Мы этого еще не доказали, — предостерег Тули. — Наши лабораторные эксперименты проводились

в слишком незначительных масштабах, и мы не уверены, последует ли цепная реакция.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Тэд. — Что ни говори, расчеты говорят в нашу пользу. Необходимо будет покрыть облаками нужные районы Арктики и одновременно воздействовать на область высокого давления над Аппалачами... так, чтобы она ослабла, разрушилась и сформировалась вновь уже над океаном. Как только мы добьемся того, что все пойдет по нашему плану, равновесие в атмосфере будет восстановлено и засухе конец.

— У тебя это легко получается, — сказал я.

— Конечно легко. Не труднее первой атомной бомбы.

Тэд говорил еще битый час, рассказывая о том, что следует сделать, включая изменения погоды над Канадой, Гренландией и океаном. Он перечислил, что предстоит сделать на земле, на воде и в воздухе.

Под конец я зашатался под градом цифр и фраз.

— Нам же потребуется помощь флота, ВВС, Комиссии по атомной энергии и госдепартамента! И это только начало. А как на это посмотрят канадцы и датчане? Как отнесется Организация Объединенных Наций?

Он расхохотался.

— Ну, это же не из области научных проблем, старина. Я говорю о том, что нам понадобится. А как все это превратить в жизнь — твоя забота.

— И на том спасибо. Что еще?

Не стоило мне спрашивать. Тэд продолжил свой монолог до обеда.

— Послушай, Тэд, но это ведь обойдется в сотни миллионов!

— Чепуха! Нам надо будет только начать, чтобы сдвинуть атмосферные условия в нужном направлении. А затем мы предоставим природу самой себе.

Нам понадобится на все месяца три, не больше — и стоить это будет гроши по сравнению с убытками, которые приносит засуха.

— И ты в самом деле это сможешь сделать?

За Тэда ответил Тули:

— Это будет немного труднее, чем полагает наш оптимистически настроенный руководитель, но в принципе он прав. Это может быть сделано.

— Благодарю за вотум доверия, — ухмыльнулся Тэд.

И только тут я начал по-настоящему осознавать смысл их слов. Одно дело говорить о воздействии на погоду и уничтожении засухи, другое — почувствовать, что эти абстрактные идеи начинают обрастать плотью, и видеть, как зарождаются планы передвинуть дождь из одной области земного шара в другую...

Я отошел от стола Тэда и приблизился к огромной карте-экрану, зачарованный переплетением стрелок и метеорологических символов.

— Тэд... это... это великолепно!

— Да, признаюсь, это потрясает, — согласился Тэд. — У меня, знаешь, сейчас такое чувство, как у того типа, который вскарабкался на Эверест.

— Ты имеешь в виду Хиллари?

— Или Тенцинга Норка, — сказал Тули.

— Правильно. Тенцинга, шерпа. — Тэд уселся за стол, и его глаза сузились, словно он пытался представить себе эту сцену. — Он там родился, под самой горой. И всю жизнь ее видел. Но никто еще никогда не поднимался на ее вершину. А он поднялся. Это чего-нибудь да стоило!

На круглом лице Тули появилось торжественное выражение.

— В один прекрасный день мы будем чувствовать то же, — сказал он.

— И довольно скоро, — сказал Тэд. — Никто еще

не осмеливался повлиять на погоду. А мы с вами, друзья мои, собираемся этого добиться. И это будет так же естественно, как то, что зимой идет снег. Так что — за работу!

И мы принялись за работу. Мы углубились в нее с энтузиазмом, которого мне прежде и видеть не приходилось. Казалось, мы давным-давно преследуем неуловимого и хитрого зверя, а теперь вдруг увидели его и сближаемся для верного выстрела. Лаборатория кипела от возбуждения. Тэд и Тули начали разрабатывать конкретные детали изменений, которые нам предстояло совершить: искали нужные химикалии, рассчитывали объем работ, количество самолетов, продолжительность полетов и, конечно, взвешивали возможные результаты предпринимаемых усилий. Мы же, административная группа, занимались поисками и добыванием нужных людей и оборудования.

И все же в глубине души я не мог отделаться от тошнотворного предчувствия, что из этой затеи ничего не выйдет. Мне часто снился Россмен. В ночных кошмарах он всегда вставал у нас на пути, мешая нам, не давая возможности достичь цели.

И вскоре мои ночные кошмары стали оборачиваться явью.

На протяжении нескольких месяцев мы проводили над океаном эксперименты по засеву облаков, пользуясь лицензией ФКООСа, которая возобновлялась ежемесячно. Без нее мы не имели права проводить такие эксперименты. Но наша просьба о предоставлении лицензии на сентябрь была отклонена.

Нам отказали.

А ведь это была самая обычная заявка, точно такая, как в предыдущие месяцы начиная с весны. И ФКООС нам отказал.

На следующее утро я помчался в Вашингтон.

В столице стояла чудовищная жара. Даже в так-

си, снабженных кондиционерами, было душно и тяжело дышать. Листва деревьев побурела от засухи, асфальт тротуаров плавился под немилосердным августовским солнцем.

В ФКООСе я не мог никого найти. Казалось, все разбежались из города. Вернее, все, кто мне был нужен. Прыжок на такси через раскаленный город привел меня в Пентагон. Военные по крайней мере оказались достаточно вежливыми, чтобы меня выслушать. Но представители флота наотрез отказались участвовать в работе по заказам нашей фирмы, а офицеры ВВС заявили, что они уполномочены сотрудничать с Бюро погоды, но не с частной компанией — до тех пор, пока мы не получим санкции правительства на нашу операцию по борьбе с засухой.

Я понял, что передо мной каменная стена. Даже найти Джима Денниса оказалось не так просто. Наконец мне удалось разыскать его в здании Капитолия. Он был на заседании комиссии, но вышел, когда получил мою записку.

— Надеюсь, я не оторвал вас от важных дел? — спросил я.

— Нет, — усмехнулся он. — Речь идет об ассигнованиях. Прежде чем перейдем к делу, будем еще долго жевать резину.

Мы расхаживали по богато украшенному холлу у дверей комиссии, и я рассказал Джиму о том, как с нами разделились КООС и Пентагон.

Покачав головой, он остановился у окна и, глядя на измученный жарой город, задумчиво произнес:

— Они намереваются построить купол над этой частью города, как сделали над Мапхэттеном. В такой день следовало бы обеспечить кондиционерами весь город. — Он обернулся ко мне: — А что бы сказал об этом Тэд?

Я пожал плечами.

— Думаю, что он предпочел бы посадить под купол Россмена. Или тех, кто хлопает дверью перед нашим носом.

— Да, за этим стоит Россмен. Я об этом слышал, — сказал Деннис. — У него свои идеи насчет борьбы с засухой. Он сидит тихонько, ни с кем ими не делится, но мне удалось разузнать, что он намерен провести ограниченные эксперименты следующей весной. А пока он будет делать все, чтобы убрать вас со сцены.

— Но... но это же нечестно! Несправедливо!

— Полностью с вами согласен, — сказал конгрессмен, — но что можно поделать? В Бюро погоды Россмена знают и уважают. Он — влиятельная личность.

— Неужели и вы ничего не сможете сделать?

— Будь я председателем Комитета по науке, я мог бы поднять шум. Но я только конгрессмен... И к тому же новый здесь человек.

— Но должен быть выход! — Я лихорадочно старался за что-нибудь зацепиться. — А не устроить ли нам встречу Тэда с Россменом? По крайней мере он будет знать, что его игра нам известна. А мы дадим ему понять, что намерены пожаловаться в Комитет по науке.

Некоторое время Деннис обдумывал мое предложение. Наконец он сказал:

— Вряд ли это поможет. Но все же постараюсь устроить такую встречу. Любопытно поглядеть на них рядышком, в одной комнате.

И он улыбнулся.

Тэд буквально взорвался, когда я вечером рассказал ему о поездке в Вашингтон. Мне, Барни и Тули стоило большого труда его утихомирить. Он намеревался броситься в редакцию и требовать гласности и справедливости. В конце концов мне удалось втолковать ему, что Джим Деннис собирается уговорить Россмена встретиться с нами и все обсудить.

И Тэд согласился. Он ничего не сказал, просто кивнул головой. Я заметил, что он все время сжимает и разжимает кулаки, словно гладиатор, испытывающий свое оружие перед выходом на арену.

Встреча произошла в кабинете конгрессмена Денниса в Линне. Место это довольно приятное, находится в небольшом служебном здании, где разместились страховые и адвокатские конторы. Обе стороны согласились на кабинет Денниса как на нейтральную территорию.

Мы расселись вокруг стола Джима. Россмен по одну сторону, мы с Тэдом — по другую.

— Я предложил вам собраться здесь, — начал Деннис, — потому что Джерри пожаловался мне, что лаборатория «Эол» наталкивается на противодействие Бюро погоды их исследованиям по борьбе с засухой. А так как в настоящее время эти исследования представляются нам самыми важными для Новой Англии, я полагаю, что конфликт между Бюро погоды и проектом «Эол» требует всестороннего внимательного рассмотрения.

Тэд и Россмен поедали друг друга глазами. Поэтому заговорил я:

— «Эол» готов начать работы по исправлению погоды через одну-две недели. Если нам позволят продолжать исследования, мы уже в этом году сможем ликвидировать засуху. Если же работы прекратятся, то придется отложить все до будущего года — вряд ли раньше следующей осени мы сможем достичь нужных результатов.

— Так наверняка и будет, — мрачно сказал Россмен. Он мял в пальцах металлическую скрепку, которую подобрал на столе у Денниса. — Мы у себя в Отделе исследовали несколько возможных подходов к изменению условий образования засухи. Мы рассчитываем посвятить осень и зиму лабораторным экспе-

риментам. Возможно, некоторые практические опыты мы проведем весной при условии, если результаты лабораторных исследований окажутся обнадеживающими.

Этого Тэд выдержать не смог.

— Ничего из этого не выйдет, — отрезал он. — Работы надо начинать уже с осени. Иначе содержание влаги к весне не поднимется настолько, чтобы засуха кончилась. И к полевым работам вы придете с теми же данными, с какими начинали. Если не хуже.

— Это всего лишь ваше предположение.

— Нет, это истинная правда! Нужны осенние дожди, необходим снежный покров — без них весенние осадки не спасут урожая. Лучше уж поливать растения из лейки.

— Этой осенью рано еще начинать широкие работы по исправлению погоды.

— Для вас, возможно, и рано. Вы отстали от нас на полгода. Вы начнете возиться с этим весной, потом бросите все, потому что реальной пользы ваши опыты не принесут, а в конце концов объявите, что управление погодой — пустая трата времени и денег. Мы же готовы начинать уже сейчас. И нам ничего не нужно, кроме разрешения работать.

Скрепка с треском сломалась в пальцах Россмена.

— Вы не имеете никакого права садиться в самолеты и начинать манипуляции с погодой только потому, что вам хочется быть первыми! — почти выкрикнул он. — А что, если ваш эксперимент провалится? Если в ваши расчеты вкралась ошибка? Представьте себе, что все ваши модификации поведут себя по принципу бумеранга и в результате погода изменится к худшему?

— А представьте себе, что случится землетрясение? — передразнил его Тэд. — Или звезды с неба посыпятся?

— Давайте не будем...

— Послушайте, — сказал Тэд. — Мы здесь не в игрушки играем. Вся схема нами проверена и перепроверена. Мы построили теоретические модели. Провели численные расчеты. Проверили пункт за пунктом все возможные варианты на каждом этапе работы. Спросите сотрудников Массачусетского технологического — они-то знают, чего мы уже добились. Мы готовы действовать, иначе и через год не будем ближе к цели. Я могу вам предсказать, какой будет погода над Новой Англией, день за днем, на ближайшие два месяца. И я могу сказать вам, какой она будет при обоих вариантах — удастся нам произвести изменения или нет.

— Вам не убедить меня или любого другого компетентного метеоролога в том, что ваш план выполним.

— Вы же не хотите, чтобы вас убедили.

Тэд чуть не выскочил из кресла. Я нагнулся и положил ему руку на плечо.

— Доктор Россмен, — сказал я. — Может быть, для пользы дела вам стоит приехать в «Эол», и мы тогда покажем вам, как и над чем работаем, чего добились. Может быть, тогда вы сможете...

Россмен покачал головой.

— Я попросту не могу разрешить сомнительные эксперименты, пока не буду убежден в том, что приняты все необходимые меры по предотвращению возможных вредных побочных эффектов...

Тэд устало откинулся в кресле.

— Это означает не более не менее, как еще полгода кудахтанья и перепроверок работы, которая уже выполнена.

— Если будет необходимо, то именно так. — Россмен обернулся к Джиму Деннису. — Наша первейшая обязанность — служить обществу. Мы с вами не

бизнесмены, которые гоняются только за прибылью.

— Служить обществу, — с горечью сказал Тэд. — Служить ему так, чтобы наградить еще одним годом засухи.

Россмен поднялся.

— Не вижу смысла продолжать этот спор, — произнес он. — Когда вы, Маррет, повзрослеете, может быть, тогда догадаетесь, что быть шустрым еще не означает быть правым.

— С возрастом вы не поумнели, — огрызнулся Тэд, — вы просто примерзли к месту.

Россмен, хлопнув дверью, выскочил из кабинета. Джим Деннис беспомощно пожал плечами.

— Мне хотелось бы быть на вашей стороне, — сказал он. — Но в его руках голоса избирателей. Те голоса, которые приходится принимать в расчет.

Мы, наверно, выглядели довольно жалко, когда вернулись в «Эол». Тули, узнав о новостях, заперся у себя в лаборатории. Тэд уселся за стол, положил на него ноги и пустым взглядом уставился на карту с обозначениями засушливых районов. Я же не мог усидеть на месте. Я бесцельно бродил по комнатам, встречая удивленные взгляды сотрудников, которые все еще увлеченно трудились, не подозревая, что их работа уже никому не нужна.

Барни появилась в половине шестого. Она уже обо всем знала. Об этом было нетрудно догадаться, взглянув ей в глаза. Мы остановились в холле.

— Добро пожаловать на похороны, — сказал я.

— Я прибежала, как только смогла, — сказала она. — Весь Отдел буквально гудит.

— Еще бы.

— Тэд, верно, с ума сходит.

— Скорее, он в шоковом состоянии.

— Где он сейчас?

— Пойдем, — сказал я.

Но в кабинете Тэда не было. В лаборатории Тули мы тоже его не нашли. К тому же и Тули исчез.

— Заглянем на крышу, — предложил я.

Я угадал. Там мы их и отыскали в лабиринте приборов наблюдательного пункта Бюро погоды.

— Пришли полюбоваться на закат? — спросил Тэд. — А заодно убедиться, что и нас ждет та же участь?

— Неужели так плохо? — Барни попыталась выдать из себя улыбку.

— Ага.

— Неужели ничего нельзя поделаться?

Тэд покачал головой.

— Оглянись, что ты здесь видишь? Различного рода приборы общей стоимостью в несколько тысяч долларов и на каждом надпись: «Собственность правительства США. Не дотрагиваться». Вот и наша жизнь такая же: стоим в окружении приборов, которые можем использовать куда лучше их... но не можем дотронуться.

— Везде вода, вода, вода... — пробормотал я про себя.

— Ключи у Россмена, а мы остались снаружи, — сказал Тэд. — Но хуже всего то, что он не сумеет сам ничего сделать. К тому времени, пока он соберется, сообразит, что к чему, и сможет решить эту проблему, засуха давным-давно кончится.

— Но на него будут давить, — сказал я. — Фермеры, газетчики, правительства штатов и даже конгресс...

Тэд только отмахнулся от меня.

— Какое еще давление? Ты же сегодня слушал, как вещал этот Официальный Глас Науки. Он попросту расскажет им те же сказки, что и Деннису. Объяснит, что защищает общество от легкомысленных планов и авантур. Докажет, что управление погодой мо-

жет только ухудшить климат. К тому времени, когда он закончит свои убедительные речи, все газетчики рухнут перед ним на колени и возблагодарят этого благодетеля за то, что он спас нацию от молокососов с их бредовыми идеями.

Он отвернулся от нас и уставился на гавань. С высоты нашего наблюдательного пункта были видны прогулочные яхты, разрезающие воду. Реактивный самолет оторвался от взлетной полосы и устремился в небо.

— Ну почему, почему? — Тэд стукнул кулаком по перилам. — Почему он нас не пускает? Он же знает, что мы на верном пути! Чего же тогда путается под ногами?

— Потому что жаждет перехватить наши лавры, — сказала Барни. — Но рисковать ему не хочется. Он очень осторожный человек.

— Как ломовая лошадь, которой хочется победить на скачках, — проворчал Тэд.

— Да, он стремится к славе, — продолжала Барни. — Всю свою сознательную жизнь он посвятил Бюро погоды и сделал немало полезного, но ни разу ему не удалось прикоснуться к славе.

— И он никогда к ней не прикоснется, если не будет обгонять собственные планы!.. К тому времени, когда он будет готов управлять погодой, эта проблема будет решена так давно и основательно, что о ней появится статья в Британской энциклопедии.

— Но он не может двигаться быстрее, пока не отработает свой вариант наших долгосрочных прогнозов, — сказал Тули. — А пока он этого не сделает, двигаться вперед он не сможет.

Тэд взглянул на друга.

— Ты прав, Тули, — сказал он. — Он не сможет обойтись...

Он внезапно замолчал и нахмурился, глубоко за-

думавшись. Прошло больше минуты, прежде чем он сказал:

— А что, если мне отправиться к Россмену и предложить ему объединить силы?

— Что?!

— Погодите, я понимаю, что звучит это нелепо, но выслушайте меня. Ему нужна слава, но он не может ее добиться без долгосрочных прогнозов. Нам же нужно довести свое дело до конца, а для этого мы нуждаемся в его разрешении работать. Значит, есть возможность компромисса.

— Он рассмеется тебе в лицо, — сказал я.

— Рассмеется? И откажется от шанса прославиться? И откажется от того, чтобы иметь рядом кого-то, на кого можно все свалить, если эксперимент провалится?

— Чушь какая-то, — сказал я.

— Если бы на твоём месте был кто-нибудь другой, — сказал Тули, — из твоего плана могло бы что-нибудь выйти. Но с тобой он сотрудничать не станет.

— Ты понимаешь, что говоришь, Тэд? — спросила Барни, изумленно глядя на ученого.

— Я-то понимаю.

— Доктор Россмен никогда не позволит человеку, не связанному с Отделом Климатологии, принимать участие в его проекте. Даже если бы он и захотел с тобой сотрудничать, то лишь под собственным контролем и на его условиях.

Тэд пожал плечами.

— Тогда я попрошусь обратно в Отдел.

— Ты попросишься?! — возопил я. — И бросишь лабораторию? Ты не можешь этого сделать. Лаборатория была создана для тебя, у тебя просто не хватит совести встать и уйти. Это предательство! Это чистой воды предательство!

— Ты извлекаешь из лаборатории выгоду, — отве-

тил Тэд. — Без меня у тебя останутся долгосрочные прогнозы и отличный штат сотрудников.

— Но ты не можешь так просто взять и уйти!

— Я не твой раб, приятель.

— Но неужели у тебя нет никакого чувства ответственности? Или хотя бы благодарности? Или... хоть каких-нибудь чувств?

Тэд выпятил челюсть:

— Послушай, у меня никогда не было нескольких миллионов долларов, чтобы я мог играть с ними в бирюльки, никогда не было родительской виллы или нескольких заводиков. Все, что у меня есть, — это идея управления погодой. Мы основали эту лабораторию именно для этой цели. Если для того, чтобы осуществить свою мечту, мне придется покинуть лабораторию, я это сделаю. Если мне потребуется пройти по этому карнизу, чтобы добиться воздействия на погоду, я сделаю и это. И не болтай здесь о долге и благодарности, дружок. Я сделал из этой лаборатории прибыльное дело. Я спас драги твоего папаша, и мы квиты. Иди, считай свои денежки, а мне оставь мою работу, работу, которую я должен сделать.

Он повернулся и, не глядя на нас, бросился по лестнице вниз. Я буквально дрожал от гнева и бессилия.

В ту неделю я больше Тэда не видел. А увидел только во время краткого видеотелефонного разговора, когда он позвонил мне вечером в мой номер.

— Россмен согласен, — сказал он без всяких предисловий. — Я начинаю работать в Климатологическом с завтрашнего утра. Я заглянул в лабораторию, чтобы собрать кое-какое барахло... Если хочешь со мной поговорить, заезжай сюда через час.

Я нажал на кнопку «выкл.» с такой силой, что ее заклинило.

Для стороннего наблюдателя в «Эоле» почти ничего не изменилось. Правда, вместе с Тэдом ушел и Тули. Он чувствовал себя неловко и извинился передо мной в свойственной ему церемонной манере. Что не помешало ему уйти. Ушло еще несколько специалистов.

Я сидел в кабинете и предавался мрачным мыслям, а работа продолжалась. Долгосрочные прогнозы удавались. В отчетах заказчикам по-прежнему фигурировали планы борьбы с засухой. Мы закрыли только одну тему — подготовку к управлению погодой.

Я оставался в «Эоле» еще месяц. Раз или два заглянула Барни, но ненадолго. Она была очень занята: они всю работу над мерами воздействия на погоду.

Недели через две после ухода Тэда грянула гроза и одарила двумя дюймами дождя пересохшие хранилища воды. А еще через несколько дней начал моросить дождь и не прекращался тридцать шесть часов подряд. Казалось бы, ничего особенного, но все без исключения были благодарны дождю. И наконец, в одно прекрасное утро в конце сентября все небо затянуло тучами и хлынул настоящий ливень, на весь день. Ребятишки бежали из школы по лужам, и вода стекала по их желтым пластиковым плащам. Люди стояли у окон контор и, улыбаясь, глядели на них. Взрослые вытаскивали старые зонтики и резиновые сапоги и шли гулять под дождем, под первым настоящим дождем за весь год.

Этого я не мог выдержать. Я выскочил из конторы, промчался пустыми улицами до отеля и принялся упаковывать вещи. Хватит с меня Тэда, Барни и всей этой кутерьмы с погодой. Я возвращаюсь на Гавайи.

12. Переменчивые ветры

Я с остервенением бросал вещи в чемодан, а дождь струился по оконному стеклу. Одежда, туфли, бритва... Скорее, скорее!

Кто-то позвонил в дверь.

— Открыто! — крикнул я.

Вошла Барни.

— Джерри! — воскликнула она с порога. — Как замечательно! Настоящий дождь...

И осеклась, увидев, чем я занимаюсь. С ее плаща на пол капала вода. Она убрала со лба мокрую прядь волос.

— Уезжаешь?

— Да, — ответил я, продолжая собирать чемодан.

— Из-за Тэда.

— Твоя правда.

Я прошел в ванную, чтобы взять оттуда аптечку. Кажется, теперь все.

— Когда ты уезжаешь?

— Первым же самолетом, который летит на Гавайи.

Барни сбросила плащ на стул у двери.

— Тебя можно понять, — сказала она.

— Премного благодарен.

— Джерри, не старайся быть саркастичным.

— А почему бы и нет? Я полагал, тебе нравятся саркастические молодые люди, такие крепкие парни, которые не скрывают своих бурных чувств.

— Мне не нравятся те, кто бежит от трудностей.

Я захлопнул чемодан.

— А чего ты от меня ждала? Чтобы я сидел за столом и считал деньги, пока вы с Тэдом взбираетесь к новым научным вершинам? Что мне здесь остается? Да ровным счетом ничего. Тэд получил, чего добивал-

ся, ты получила, чего добивалась. Так что мне ничего не остается, как отправиться домой и выкинуть всю эту историю из головы.

— Что ты хочешь сказать? Что ты подразумеваешь под словами «ты получила, чего добивалась»?

— Ты заполучила обратно своего Тэда. Теперь вы с ним каждый день вместе, рука об руку, на благо науки. Вы, только вы вдвоем, с вашим драгоценным приятелем. А маленький богатый мальчик с тропического острова может убраться восвояси.

— Вот как тебе все это кажется...

— Я спас его, когда он уже был готов поднять лапки кверху. А потом оказалось, что я ему больше не нужен. И до тех пор, пока он с тобой, я тебе тоже не нужен. Так для чего мне околачиваться здесь? Любаваться, как льет его дождик?

— Если бы это было правда, Джерри, — негромко сказала Барни, — зачем бы я сюда пришла?

На этот вопрос у меня не было готового ответа.

— Если бы ты мог немного успокоиться, — сказала она, — я попыталась бы объяснить тебе, насколько ты заблуждаешься.

— Я заблуждаюсь?

— Тэд не заслуживает прощения, — сказала она. — Об этом не приходится спорить. Он обошелся с тобой по-свински, просто позорно. Но если ты уделишь мне еще минуту, я объясню, почему он именно такой, какой есть.

— У меня нет ни времени, ни желания выслушивать дилегантский психоанализ юного гения, — отрезал я.

— Конечно, ты предпочитаешь сбежать домой и спрятаться за широкой спиной папочки.

В ее голосе послышался настоящий гнев. Я никогда раньше не видел ее разозленной.

— Да, Тэд обошелся с тобой по-свински и оправ-

дывать его я не намерена. Я знаю, что ты оскорблен и зол на него. Но я никогда бы не подумала, что ты начнешь сам себя жалеть.

— Оставим это, — перебил я. — Зачем ты пришла?

— Потому что Тэд должен перед тобой извиниться, но он никогда не заставит себя это сделать. И я подумала, что лучше мне сделать это за него.

— Ах, значит, ты его полномочный представитель?

— Опять сарказм.

Я подошел к стулу, на котором она сидела.

— Тэд живет в собственном воображаемом мире, — сказала Барни. — Я часами кричала на него за то, как он с тобой обошелся, но на него это не производит ровным счетом никакого впечатления. Он не мог бы попросить прощения, даже если бы захотел. Он для этого слишком упрям. К тому же он убежден, что нашел в той ситуации наилучший выход.

— Наилучший выход?

— Он спит и видит, как прекратить засуху. По его мнению, сделать это он может, только вернувшись к Россмону. Думаешь, это доставило ему радость? Ты в состоянии себе представить, чего ему стоило попросить Россмона взять его обратно? Что означало для него принять на себя всю ответственность за возможный провал эксперимента, но остаться в тени, если эксперимент увенчается успехом? Я бы на это пойти не смогла. Никто из нас не смог бы. Но Тэд это сделал. И ни минуты не колебался.

— Тогда он просто сумасшедший, — сказал я.

— Он побеждает засуху. И плевать ему на то, кто получит за это медаль. А кроме того, он убежден, что только такой путь для него приемлем. Он уверен, что ты злишься на него потому, что ты упрям и не видишь дальше своего носа.

— Самый удобный способ оценить ситуацию!

— Он не размышляет, Джерри. Он в это верит. Для Тэда нет ничего важнее работы. Он стремится к одному — сделать ее, и сделать хорошо. И если что-то... или кто-то встает на его пути... Он не умеет рассуждать и терпеть.

Я отвел взгляд от лица Барни и взглянул на струи дождя, стекавшие по стеклу.

— Я полагаю, свою работу он сделал. И сделал хорошо, — сказал я.

Она облегченно вздохнула.

— Я хотела прийти к тебе раньше, но последние полторы недели мы были буквально замурованы в лаборатории. Удивляюсь, как я вынесла это напряжение. Ему бы работать надсмотрщиком над рабами.

Я невольно улыбнулся.

— У тебя усталый вид.

Она кивнула.

— Может, поужинаем вместе?

— Я бы не отказалась.

— Попрошу прислать ужин в номер.

Я набрал код на пульте заказов, и через несколько минут поднос с ужином выехал из ниши в стене и замер посреди стола. Я подкатил стол к дивану.

— Ты все еще собираешься уезжать? — спросила Барни, когда мы приступили к еде.

— Не знаю.

— Мне было бы жаль, если бы ты уехал.

«А я бы хотел, чтобы ты действительно так думала», — сказал я сам себе.

Когда мы кончили ужинать и я отнес поднос с тарелками к нише, она снова спросила:

— Джерри, все-таки ты уезжаешь или остаешься здесь?

Я смотрел, как поднос исчезает в нише.

— А тебе какая разница?

— Разница есть.

— Почему?

— Ты нам нужен, Джерри. Ты нужен Тэду. Ему нужны все мы, все, кому он может доверять. И сейчас больше, чем когда бы то ни было.

— Значит, ты просишь от имени Тэда?

— И от своего тоже, Джерри. Я не хочу, чтобы ты уезжал. Я тебе уже сказала об этом.

— Да, я слышал.

Она подошла ближе.

— Я говорю очень серьезно, Джерри. Пожалуйста, не уезжай.

Я притянул ее к себе и поцеловал. Какое-то мгновение мы стояли неподвижно, слившись в объятии, затем она мягко высвободилась и отошла.

— Знаешь, Джерри, было время, когда я была не уверена во всех, кроме Тэда. Теперь я не уверена даже в нем.

Я невольно улыбнулся.

— Беда быть простым смертным. Вот если бы я был суперменом, как твой гений, у тебя бы и не возникло подобных сомнений.

— Не будь так уж в этом уверен, — ответила она серьезно. — Я знаю, что Тэд не задумывается о чувствах других людей и идет напролом к своей цели... Но не думай, что его не терзают сомнения, что он всегда уверен в себе, в своей работе. То, что он никому о своих сомнениях не говорит, не означает, что их вовсе нет.

— Наверное, ты права. Но маску он носит непроницаемую.

Барни обернулась к двери.

— Где я оставила свой плащ? Пора идти...

— Я подвезу тебя до дому.

— Нет, спасибо. Дождь кончается. К тому же мне недалеко.

— Увидимся завтра? — спросил я, помогая ей надеть плащ.

— Значит, ты остаешься?

— Во всяком случае, пока остаюсь.

— Почему бы тебе не заглянуть в Климатологический? Надо бы вам с Тэдом помириться.

— И тут же подраться снова?

— Не шути, — засмеялась она.

— А если это не шутка, а сарказм?

— Хватит, больше не надо.

Я проводил ее до лифта, попрощался, а потом бегом вернулся в комнату, раскрыл чемодан и разобрал по полу его содержимое.

На высоте двадцати трех тысяч миль над устьем Амазонки метеорологи на борту Атлантической наблюдательной станции наблюдали за спиралью облаков, формирующейся над центром Атлантического океана. Они передали снимки в Национальный центр по исследованию ураганов в Майами, и через час патрульные самолеты поднялись в воздух и взяли курс по направлению к зарождающемуся тропическому урагану. К тому времени, когда они его достигли, в сердце урагана образовалось «окно», и скорость ветра возросла до двухсот миль в час. Каждый час ураган выбрасывал около дюйма осадков на площади в шесть тысяч квадратных миль. Шторм двигался к западу. Как далеко он продвинется? Где разразится? Этого никто не знал. Предупреждения были переданы по всему восточному побережью, по берегу Мексиканского залива и островам Карибского моря. Предупреждения о надвигающемся урагане. Тысячи мегатонн энергии сорвались с цепи и двигались на хрупкое человеческое царство.

Утро было облачным, и к тому времени, когда я опустился на вертолетную площадку у Климатологического отдела, чтобы воспользоваться приглашением на ленч, снова пошел дождь.

Барни встретила меня в вестибюле.

— Группа Тэда получила новые помещения, — сказала она, — в пристройке.

Она провела меня коридором и крытым переходом, соединявшим главный корпус с пристройкой. Дождь громко стучал по металлической крыше перехода. У самой пристройки был какой-то временный, сборный вид. Даже потолка в ней не было — над головой виднелись балки крыши. Все трубы и коммуникации также были снаружи. Большая часть помещений была занята под шумные, дребезжащие, стучащие и ревущие мастерские. «Кабинеты» представляли собой клетушки с перегородками в пять футов высотой.

— В дождь здесь сыровато, — сказала Барни, стараясь перекрыть грохот станков, — а в жару пекло.

Я следовал за ней по тесным коридорчикам между перегородками. Поверх перегородок я мог заглянуть в кабинетики.

— Вон там кабинет Тэда, — указала Барни.

— Ты и в самом деле здесь работаешь?

— Я-то нет... Я по-прежнему в вычислительном центре. Нам там приходится выдерживать лишь шум кондиционеров и визиты беженцев из пристройки, которые прибегают к нам подышать прохладным воздухом.

— Но это ужасно!

Мы достигли конца коридора и ступили в комнату, образованную двумя перегородками и угловыми стенами пристройки. Тэда в клетушке не было, но следы его пребывания были очевидны: письменный стол был завален кипой карт, одну из стен занимала карта-экран, а на краю стола размещался обычный набор кофейников.

— Добро пожаловать в Шангри-ла!

Мы обернулись и увидели, что по коридору к нам спешит Тэд, держа в руках портативный телевизор.

— Заходите, берите стулья, — сказал он и, обог-

нав нас, первым вбежал в кабинет и установил телевизор на столе. — Хорошо, что ты пришел, Джерри.

— Как я посмотрю, покинув «Эол», ты начал купаться в роскоши, — сказал я, усаживаясь на стул. Барни села рядом.

— Тули называет это хозяйство Шангри-ла, — сказала она.

— Россмен мог бы расщедриться на лучшее помещение, — сказал я.

Тэд пожал плечами.

— Разумеется, это трущоба, — сказал он. — Но это часть цены, которую мы вынуждены платить. Не забудь, что это я к нему пришел, а не он ко мне.

— Я помню.

— Кое в чем эта дрянная обстановка нам помогает, — сказал Тэд бодрым тоном. — Каждому приходится держаться друг за друга. «Мы тут все вместе и должны помогать соседу, если хотим выжить». Так что работа идет полным ходом.

— А это самое важное, — сказала Барни.

— Кстати о Россмене, — сказал Тэд. — Через минуту он будет выступать по телевидению. Специальная программа из Вашингтона. О нашей засухе.

Он включил телевизор. После нескольких коротких реклам началась передача. По обе стороны от Россмена восседали советник президента по науке, доктор Джерольд Вейс, и отставной адмирал Корелли, глава Комитета по охране окружающей среды.

Тули вошел в комнату в ту минуту, когда комментатор представлял участников передачи. Он сдержанно кивнул мне и отошел к стене, чтобы лучше видеть происходящее на экране.

Доктор Вейс говорил что-то об объединении всех научных сил страны, а адмирал добавил к этому, какая замечательная организация КООС. Затем настал черед доктора Россмена. Камера приблизилась к его

длинному серьезному лицу, и он начал вещать об обстановке, сложившейся в результате засухи. Он говорил медленно, тщательно подбирая слова, как человек, который не вполне уверен, что аудитория его понимает. Постепенно до меня дошло, что он рассказывает то же и теми же словами, о чем говорил Тэд столько недель назад, когда впервые поведал нам о проблеме засухи.

Глаз телевизионной камеры обратился к карте. Это была одна из карт, которую принес Тэд на совещание четвертого июля.

— Это же твоя работа! — вырвалось у меня.

Тэд мрачно ухмыльнулся.

— Только первый из слайдов. Будут и другие.

Россмен продолжал говорить и показывать слайды Тэда. Я видел, как изменялась картина засухи — в точном соответствии с прогнозами Тэда. Фронт высокого давления отступил к океану, и южные воздушные потоки, несущие морскую влагу, прорвались вновь вдоль восточного побережья. Слайды на экране сменились кинокадрами, показывающими, как самолеты засеивают облака и как в атомных подводных лодках инженеры в защитных костюмах проверяют реакторы.

— Они похожи на марсиан, — сказал телевизионный комментатор с тщательно отмеренной дозой восторженного удивления в голосе.

— Да, разумеется, — подтвердил доктор Россмен.

Камера вновь спанорамировала, и на экране крупным планом возникли участники передачи.

— Итак, — проникновенным голосом сказал комментатор, — дождь, свидетелями которого все мы стали, явился наглядным доказательством успеха вашей работы.

— Благодарю вас. — Россмен позволил скромной улыбке тронуть уголки его губ. — Я полагаю, что мы

доказали возможность влияния на климат для решения критических ситуаций. Разумеется, если работа проводится под тщательным контролем и со всеми необходимыми предосторожностями.

Я взглянул на Тэда. Он, крутя между пальцами карандаш, изо всех сил пытался сохранить спокойствие.

— Так что теперь мы можем смело утверждать, — продолжал комментатор, — что засухи остались в прошлом?

Россмен согласно кивнул.

— Двухмесячный прогноз моих сотрудников указывает, что количество осадков для всего района к востоку от Аппалачей будет чуть выше нормы. Разумеется, мои прогнозы нельзя считать абсолютно надежными, но они — неплохое свидетельство тому, что с засухами мы покончим.

— Его прогнозы, — прошептала Барни.

— А теперь, — сказал комментатор, — я передаю слово доктору Вейсу, который должен сделать одно сообщение.

Камера переключилась на советника президента по вопросам науки. У него было приятное широкоскулое лицо, настолько загорелое и так густо покрытое сеткой морщин, что он казался скорее похожим на ковбоя, чем на физика.

— Работы доктора Россмена по воздействию на климат, которые являются новым словом в науке, и удивительные результаты в практическом их применении, что выразилось в ликвидации серьезной засухи, поразившей северо-восточные районы нашей страны, послужили основанием для моей рекомендации президенту выдвинуть доктора Россмена на получение Национальной медали за достижения в науке.

Трах! Карандаш сломался в больших пальцах Тэда.

— Как вам известно, эта медаль присуждается ежегодно за наиболее...

Тэд резко выключил телевизор.

— Национальная медаль! — тихо произнесла потрясенная Барни. — Это нечестно! Он же ее не заслужил.

— Я подозреваю, — сказал Тули, — что доктор Россмен так же удивлен этой новостью, как и мы.

— Он не может принять награду, — сказал я. — Вся эта история рано или поздно станет достоянием гласности.

Тэд поглядел на обломки карандаша на своей ладони, затем высыпал их в корзину для бумаг.

— Вся эта история останется в довольно узком кругу, — сказал он. — Что бы вы сказали, если бы слуга Альберта Эйнштейна вдруг вылез с заявлением, что это он вывел законы теории относительности и что хозяин просто присвоил себе его открытие?

— Ну знаешь, это совсем не одно и то же!

— Теперь в принципе одно и то же, дружище. Но главное, что засуха кончилась, и модификаторы погоды нынче будут в моде. А это большой скачок и в нужном направлении. Россмен отлично понимает, какой получился расклад, знает об этом и директор Бюро погоды, как и твой друг конгрессмен. И прекрасно, пускай Россмен получит за это все возможные побрякушки и всю славу. При всем народе. Но талант остался у нас.

Я покачал головой.

— Медаль сопровождается премией в пятьдесят тысяч долларов, а это уже кое-что.

— Пустяки, — отрезал Тэд. — Деньги следуют за талантом, дружище. Я молод и горю желанием работать. Кстати, это напомнило мне, что ты здесь и ты мне нужен. Как насчет того, чтобы послужить обществу?

13 Собирается шторм

Сначала мне показалось, что я ослышался.

— Что ты сказал?

— Я хочу, чтобы ты пошел сюда работать. Ты нам нужен.

— Ты, верно, шутишь?

— Мне не до шуток. Погляди на эти трущобы, — он выразительно обвел руками комнату. — Думаешь, Россмену нравится, что мы здесь расположились? Думаешь, ему приятно таскать на шее Национальную медаль науки, пока мы на него глазеем? Рано или поздно начнутся большие неприятности, и мне нужны все мои друзья.

— С чего ты решил, что я отношусь к их числу?

Тэд внимательно посмотрел на меня.

— Не хочешь ли ты сказать, что все еще дуешься на меня за то, что я ушел из «Эола»? У меня не было выбора, Джерри, и ты об этом знаешь.

— А теперь ты хочешь, чтобы и я ушел из «Эола»?

Он беспомощно пожал плечами.

— Мы завалены писаниной, и Россмен с каждым днем подкидывает ее все больше. Он хочет завалить нас лавиной бюрократии. Ему за нами не угнаться: он был до смерти перепуган всей этой историей с засухой, теперь он смертельно боится, что мы выкинем следующей весной. Ты поможешь нам распутать...

Это было уже чересчур! Я вскочил со стула и бросил взгляд на Барни. Она внимательно наблюдала за мной, но по выражению ее лица я не мог догадаться, чего она от меня ждет.

— Тэд, — сказал я, — если бы ты сбежал от Наполеона под Ватерлоо, ты что, позвал бы потом переметнуться и маршала Нея?

— Переметнуться? У нас одна цель — управление погодой. И мне нужна твоя помощь. Неужели не ясно?

— В таком случае ты можешь купить эту помощь. У лаборатории «Эол».

Он удивленно моргнул.

— Погоди...

— Нет, теперь уж ты погоди, — сказал я, останавливаясь у его стола. — Нас в «Эоле» восемьдесят человек, и мы зарабатываем деньги, выполняя подписанные нами контракты. Ты бросил нас и унес с собой наши надежды на крупные контракты, которые мы могли бы заключить, работая над изменением погоды. Это твое дело. Но мы, восемьдесят специалистов, от работы не отказываемся. Мы можем помочь тебе и в канцелярской работе, и с вычислениями, и в долгосрочных прогнозах, и во многом другом. Наша лаборатория будет тебе куда полезнее, чем я один, под какой бы крышей я ни сидел. И если ты думаешь, что я могу так же бросить их на произвол судьбы, как это сделал ты, только потому, что тебе понадобился новый делопроизводитель, то ты глубоко заблуждаешься. Ты гораздо лучше разбираешься в погоде, чем в людях.

Тэд, нахмурившись, откинулся на спинку стула. И вдруг его лицо озарила озорная усмешка.

— Смотри-ка, ты, Джерри, оказывается, можешь извергать лаву, если тебя распалить. И кстати, ты ведь прав. «Эол» нам и в самом деле может помочь. И помочь как следует.

Я чуть не свалился от неожиданности. Барни глядела на меня и, казалось, получала удовольствие от нашего разговора.

Тули сказал:

— А как ты собираешься уговорить доктора Росмена, чтобы он согласился тратить деньги на «Эол»?

— Я полагаю, — ответил Тэд, — что, заполучив такую прекрасную блестящую игрушку, как Национальная медаль, он нам кое-чем обязан. И я с ним сам поговорю, как только он вернется из Вашингтона.

Затем он обернулся ко мне и спросил:

— Ты не настолько зол, чтобы отказаться сотрудничать с нами, если мы по всей форме подпишем контракт с «Эолом»?

— Плевал я на ваши деньги, Тэд, и ты об этом отлично знаешь. Я попросту не могу предать людей.

Ладно, сбавь пары. Ты уже высказался, и удачно. Мне самому следовало об этом догадаться.

— Значит, мы будем снова работать вместе, — сказала Барни.

И она была довольна.

Тэд через стол протянул мне руку.

— Добро пожаловать обратно в команду, дружище.

Мы обменялись рукопожатием, но, признаться, впервые с тех пор, как я познакомился с Тэдом, искренней радости от перспективы совместной работы я не испытывал.

Метеорологи назвали ураган «Лидия». Это был двенадцатый ураган, грозивший населенным районам. «Лидия» двигалась к западу от центра океана, места своего рождения, по обычным путям ветров к Вест-Индии. Затем через три дня ураган неожиданно резко изменил направление и двинулся прямо к Флориде. Сигналы тревоги были разосланы по всему побережью. В сердце урагана ветер достигал скорости трехсот миль в час, и ливни, шедшие за ним по пятам, носили характер катастрофы. Он обрушился на Багамские острова, прижимая к земле стволы пальм, разбивая гигантскими волнами причалы, выбрасывая на скалы лодки, сдувая крыши, разрывая линии электропередач, заливая дороги, дома и города, затопляя, разрушая, наводя ужас, сметая все на своем пути. Когда небо над островами вновь очистилось, потрясенные, изможденные жители

в отчаянии обозревали поле битвы, которую они проиграли. Тысячи людей остались без крова. Электричества и питьевой воды не было, люди получили увечья и ранения, были голодны. Самолеты доставляли продовольствие и медикаменты пострадавшим, а тем временем «Лидия», набирая силу, готовилась к удару по Майами.

На следующий день после моего визита в Климатологический в «Эол» позвонила Барни и предложила пообедать. Мы встретились в ресторане на крыше одного из небоскребов Бэк-Бэя.

День выдался теплый, солнечный — необычный для конца ноября. От нашего столика у окна можно было различить далекие холмы, за которыми скрывались здания Отдела. Барни сидела у окна, ее золотистые волосы подсвечивало солнце, а фоном служило синее глубокое небо.

— Первым делом с утра Тэд поговорил с доктором Россменом, — сказала она, после того как мы сделали заказ. — «Эол» получит контракт на составление долгосрочных прогнозов и выполнение некоторых административных обязанностей.

Я кивнул.

— Признаться, вчера ты поразил Тэда, — продолжала Барни. — Когда все ему высказал и поставил его на место. Вот уж чего он не ожидал от тебя!

— Я никого не ставил на место. Просто меня зло взяло за то, что он решил, будто я брошу лабораторию с такой же легкостью, как он. Он предложил мне предать людей, за которых я несу ответственность, так же просто, как если бы попросил передать соль.

Барни невольно потянулась к солонке, но тут же спохватилась. Мы оба засмеялись.

— Что ж, он нас выдрессировал, — сказал я.

— Мы ему нужны, Джерри, — сказала она, и улыбка исчезла с ее лица. Она добавила серьезно: —

Не сердись на него. Пожалуйста. Джерри, как бы трудно нам ни пришлось, не сердись на него. Подумай и вспомни, как ему нужны верные друзья.

— Какого же черта он топчет людей ногами?

Она покачала головой:

— Так уж он создан. Придется принимать его таким, какой он есть. Нам его не изменить.

Я понимал, что она права. Как и то, что никогда не смогу спорить с ней, независимо от того, права она или нет.

— Хорошо, — сказал я. — Будем принимать его таким, какой он есть. Но это не значит, что мне это по душе. Он фанатик, а фанатики опасны.

— Знаю, — согласилась Барни. — Но они не менее опасны для самих себя, чем для окружающих.

Майами принял на себя удар урагана. Роскошные отели в Майами-Бич были темны и пусты, когда по ним ударили волны и порывы ветра, вдребезги разбивая окна и заливая нижние этажи. Шикарные автомобили взлетали на волнах прибоя, и море слизывало их, утаскивая в пучину. Сам город Майами подвергся опустошению, его волноломы были разрушены, а бомбоубежища гражданской обороны переполнены тысячами беженцев. Бешеный ветер обрывал тросы, которыми были закреплены на аэродромах самолеты, таскал машины по полю, колотя о мокрую землю. Люди часами прятались в лишенных света зданиях, полностью отрезанные от мира, не слыша ничего, кроме собственных испуганных голосов, рева бури за окнами, звона стекла, треска падающих столбов и вывесок. Казалось, ураган пытался стереть следы людей с лица земли. Но вот, наконец, он снялся с места и двинулся вверх по полуострову, сея смерть и разрушения на своем пути.

Ураган «Лидия» по-прежнему был главной темой всех разговоров в Климатологическом, когда неделю спустя я вновь появился в пристройке. Официальным предлогом моего визита было получение кое-каких

бумаг, нужных для заключения контракта между Отделом и нашей лабораторией. Все утро я заполнял анкеты и формуляры, а к полудню проголодался настолько, что готов был довольствоваться даже кухней местного кафетерия. Но Тэд и Барни сжалились надо мной и повезли в итальянский ресторанчик в соседнем городке.

Когда мы подрулили к стоянке перед рестораном, начался дождь.

— Вторичная волна, — сказал Тэд. — Отголосок «Лидии».

— Солидный был ураган, — сказал я, пока мы бежали от машины к ресторану. — Весь Майами расстроило. Убытки не менее миллиарда долларов.

— Стыд и позор, что у нас нет долгосрочных прогнозов для ураганов, — сказала Барни. — Мы могли бы предсказать, где ураган разразится.

Мы вошли в зал, нашли свободный столик и заказали пиццу.

— А помог бы Майами наш долгосрочный прогноз? — подумал я вслух.

Тэд пожал плечами:

— Нелегко указать точно, куда ударит ураган. Слишком много вариантов. Ураганы хитры — страшно переменчивы, несмотря на свои размеры и силу.

— Но долгосрочный прогноз помог бы людям быть наготове, — сказала Барни.

— Меня мало интересуют предупреждения и прогнозы. Я хочу остановить ураганы. Хуже всего знать, куда и когда ударит этот дьявол, и быть бессильным что-либо предпринять.

Я взглянул в окно. Дождь разгулялся вовсю.

— Похоже, поднимается северо-восточный ветер, — сказал я.

Мои слова заставили Тэда улыбнуться.

— Великий предсказатель, — сказал он. — Но на сей раз угадал. Погода испортится.

Принесли пиццу. Мы принялись за еду.

— Что же теперь намерен делать доктор Россмен, — спросила Барни, — после того, как он расправился с засухой?

Тэд поморщился.

— Легче сказать, чего он не намерен делать. Держу пари, управлением погодой он заниматься не намерен. Он хочет проверить и перепроверить все, что связано с прошедшей засухой, все данные о состоянии погоды на всем Северном полушарии на ближайшие полгода. Заявил, что хочет убедиться, не нанесли ли наши действия какого-нибудь ущерба природе. Обычная его тактика проволочков.

Пока я расправлялся с корочкой сыра, Тэд развил свою мысль:

— Он резко настроен против любых работ по изменению погоды. Смертельно боится всего нового.

«Опять за свое», — подумал я.

— Чтобы заткнуть мне рот, — продолжал Тэд, — он сдался на долгосрочные прогнозы и разрешил нам направлять их в отделения Бюро погоды в порядке эксперимента. Наши прогнозы не будут публиковаться, но все бюро прогнозов по стране будут сравнивать их с истинным положением вещей. Вот для этого, дружище, нам и нужен «Эол». Предстоит готовить прогнозы для всей континентальной части США.

— Большой заказ, — заметил я, отправляя в рот солидный кусок пиццы.

— Отдел своими силами с таким заказом не справится, если Россмен не получит разрешения на то, чтобы удвоить штат. А за этим он обращаться не будет. Куда легче в случае чего разорвать контракт, чем уволить сотню или больше государственных служащих.

— Спасибо за оптимистические перспективы.

Тэд рассмеялся.

— Послушай, Джерри, нам надо придумать, как заставить его согласиться на эксперименты над погодой. И притом сделать так, чтобы меня снова не уволили.

— Да, это не украсит твой послужной список, — не удержался я от колкости.

Барни вмешалась прежде, чем Тэд успел мне ответить.

— Ты что-нибудь придумал, Тэд?

— Еще не знаю. Но мы обязаны придумать что-нибудь, чтобы заставить Россмена сделать следующий шаг. Иначе он будет восседать в своем кресле, преисполненный довольства и всеми уважаемый, и любоваться своей медалью.

— Так у тебя есть какая-нибудь идея? — спросил я.

— И не одна, — сказал он, глядя, как за окном усиливается дождь. — Я тут слышал от друзей в Нью-Йорке, что в Манхэттенском куполе возникли проблемы с загрязнением воздуха. Разузнал бы, Джерри, а? Россмен взвоется до потолка от ярости, если узнает, что я этим интересуюсь.

— Хорошо.

— Кроме того, один майор ВВС собирается зайти ко мне во второй половине дня, чтобы потолковать о влиянии на погоду в интересах военных, хотя я и не выразил по этому поводу никакого энтузиазма.

— Это что-то новое. Может, не стоит с ними связываться? — сказал я.

— Все не так просто, дружище. Они могут подложить нам большую свинью, так что уж лучше знать, чего они хотят.

И я вернулся в Климатологический. В кабинетике Тэда было промозгло, дождь молотил по железной

крыше. Тэд включил электрокамин, потом приготовил кофе для нас двоих — Барни вернулась к себе в вычислительный центр.

Майор Винсент прибыл раньше, чем мы успели допить кофе. Он оказался плотным, невысоким мужчиной, почти совсем лысым. Но его круглое лицо выглядело очень моложавым, почти детским.

— Я представляю Управление зарубежной техники, — сказал майор после того, как мы познакомились и он уселся с чашкой кофе в руках. — Наша работа заключается в том, чтобы информировать Военно-воздушные силы о научных и технических достижениях других стран.

— Например, о воздействии на погоду? — сказал Тэд.

— Не исключено. Но в настоящее время нас интересует, насколько другие страны продвинулись в прогнозах погоды и способны ли они на некоторые ее изменения... ну, скажем, очистить аэродром от тумана или что-нибудь в этом роде.

— На самом-то деле вас беспокоит, не могут ли русские повлиять на нашу погоду... Наверное, вам положено об этом думать.

Майор поерзал на стуле.

— Ну что ж, — сказал он. — Не скрою от вас, я об этом думаю. И не только из-за русских. Любая страна, овладевшая секретом управления погодой, располагает оружием посильнее баллистических ракет.

Тэд поднялся и направился к доске, висевшей за его столом.

— Джерри уже слышал это раньше, — сказал он. — Вам же придется выслушать мою стандартную лекцию на тему о том, что нам необходимо для управления погодой.

И он принялся рассуждать о теории турбулентности, долгосрочных прогнозах, источниках энергии и тому подобном. Майор Винсент вытащил из мундира небольшую записную книжку и начал стенографировать его лекцию.

Тэд исписал всю доску формулами и диаграммами. Когда он закончил, майор захлопнул записную книжку.

— Это мне и надо было узнать, — сказал он. — Если мы будем точно знать, что искать, то разберемся, что происходит в других странах.

— И не будет нужды призывать на помощь шпионов, — сказал Тэд.

— Наше Управление не занимается шпионажем.

— На людях — никогда, — съязвил Тэд.

Майор предпочел переменить тему разговора.

— Кстати, об урагане, который разорил Флориду, — сказал он.

— Вы имеете в виду ураган «Лидия»?

— Именно так. Как вы полагаете, нельзя ли было сформировать его искусственно? А потом сознательно направить на Соединенные Штаты?

Тэд выразительно пожал плечами.

— Ну, это уж совсем из области чистой фантастики, — сказал он.

Покачав головой, майор задумчиво произнес:

— Чем дольше я об этом думаю, тем больше меня это беспокоит. Что, если засуха, которую вы здесь победили, была делом рук враждебной нам державы? Понимаете, управляя погодой, вы можете поставить любую страну на колени, а она даже и не заподозрит, что на нее напали.

— Никогда не думал об этом с такой точки зрения, — сказал Тэд.

— Представьте себе, что противник влияет на нашу погоду, — размышлял вслух майор, направляясь к

доске. — Всякий раз, когда идет дождь, мне становится не по себе.

— Вряд ли есть основания полагать, что кто-то настолько продвинулся в этом вопросе, — сказал я.

— Может, и не продвинулся. — Майор взял тряпку и тщательно стер с доски все цифры и графики, написанные Тэдом. Затем отступил на два шага, внимательно пригляделся к слабым следам мела, оставшимся на доске, вернулся, старательно зачертил мелом всю доску и снова вытер.

— Вот так, — сказал он. — Теперь чисто. Эту привычку приобретаешь, когда имеешь дело с секретными материалами.

— Но в этих записях не было ничего секретного.

— А надо бы засекретить.

Тэд нахмурился.

— Вы не можете засекретить погоду, — сказал он.

— Погоду не можем, а вот управление погодой — совсем иное дело.

Я не придал словам майора достаточно серьезного значения, но через две недели в «Эол» вторгся целый отряд сотрудников Совета национальной безопасности. Их задача, заявил мне главный, заключается в том, чтобы выяснить, достаточно ли приспособлена лаборатория для того, чтобы здесь хранить документы, которые могут считаться секретными.

— Мы не ведем никаких закрытых работ, — возразил я.

— Мы действуем по запросу ВВС, — сказал инспектор, разворачивая передо мной официального вида желтый лист бумаги, — которые обратились к нам с просьбой проверить исследовательскую лабораторию «Эол» на предмет ведения здесь секретных работ. Придется проверить также всех ваших сотрудников.

— А что это означает?

— Это означает, что если вы нанимаете кого-либо,

непригодного к секретной работе, этому лицу придется перебраться в отдельное помещение или же его следует уволить.

— Но мы же не ведем никаких секретных работ!

Он снова помахал перед моим носом желтым листом.

— Судя по запросу ВВС, вы будете вести такие работы.

Инспекторы облазили все помещения, уточняя места, где будут установлены столы охранников, вешая замки на шкафы, приказав нам завести специальные корзины для отработанных бумаг и объяснив штату нашей библиотеки, который состоял из одной девчужки, как классифицировать, регистрировать, хранить и выдавать закрытые документы.

В самый разгар этой фантазмагии я соединился с Тэдом по видеофону.

— Я как раз собирался тебе позвонить, — сказал он. — На тебя навалились люди из Службы безопасности?

— Все заполонили, — сказал я.

Он улыбнулся:

— Они заперли стол Россмена, пока тот обедал. Он целый час подбирал к нему ключ. Чуть не лопнул от злости.

— Неужели вся эта суматоха так необходима? — спросил я.

— Вероятно, если мы намерены работать на ВВС.

В этот момент на экране показалось лицо Тули. Обычно спокойный, выдержанный, Тули сейчас кипел от гнева. Кулаки его были сжаты, глаза сверкали. За ним я увидел Барни. Глаза ее были полны слез.

— Что случилось? — спросил Тэд.

Тули молча ткнул ему под нос желтый листок. Тэд пробежал глазами текст, и лицо его исказилось от ярости.

— Ты только погляди! — воскликнул он, прижимая листок к экрану, чтобы я мог его прочесть.

ВВИДУ ТОГО ЧТО ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ К СЕКРЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛАГАЕМ НЕОБХОДИМЫМ НЕМЕДЛЕННО ОТСТРАНИТЬ ОТ РАБОТ П. О. БАРНЕВЕЛЬД и Т. Р. НОЙОНА ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ПОЛНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ.

14. Резкий ветер

Я не мог отвести глаз от желтой бумажки, силясь понять, что же теперь делать.

— Давай-ка я свяжусь с майором Винсентом. Я так или иначе хотел поговорить с ним о том, что происходит в «Эоле».

— Я сам ему позвоню, — зло сказал Тэд.

— Нет уж, — возразил я, зная, что после первых же трех слов Тэд начнет кричать на майора. — Я поговорю с ним и сразу же с тобой свяжусь.

Но дозвониться до майора оказалось не так просто. Его перевели с базы Управления зарубежной техники в Огайо, и теперь он обосновался в Вашингтоне.

— Меня прикрепили к специальной группе, — заявил майор, когда я его в конце концов разыскал. — Мы приступаем к проекту по управлению погодой. Организация Маррета и ваша будут нам в этом очень полезны.

Я рассказал майору о нападении Службы безопасности на «Эол» и Климатологический отдел. Майор

мне посочувствовал, но был бессилен чем-либо помочь.

— Я знаю, что вы не ведете секретной работы в ваших лабораториях... пока. Но мы должны быть уверены, что в нужный момент вы будете готовы к тому, чтобы заняться ею вплотную. А это случится очень скоро, уж вы мне поверьте.

— Известно ли вам, что от работы отстранены два ближайших помощника Маррета? — воскликнул я. — Это же погубит всю работу!

Он и в самом деле был очень огорчен.

— Я уже спорил об этом с людьми из Безопасности, — сказал он. — Еще до того, как они издали этот приказ. Поверьте, я боролся с ними целую неделю. Но на их стороне правила и законы. Я искренне хотел бы вам помочь, но у меня связаны руки.

— Учтите, что Тэд взойдется в небо не хуже пятиступенчатой ракеты, — предупредил я. — Он не будет с вами работать до тех пор, пока...

— Он будет на нас работать, — отрезал майор. — И послушайте меня внимательно, Торр: со мной работать не труднее, чем с другими, но этот проект не будет зависеть от настроений одного человека. Если Маррет не захочет подчиниться правилам государственной безопасности, мы найдем кого-нибудь еще, кто займет его место в Отделе, а Маррету придется уйти.

— Вы уверены, что ничего нельзя поделаться? Ведь эти двое не сделали ничего плохого, а вы хотите выкинуть их с работы. Это несправедливо!

— Ну, что вам сказать... Возможно, мне и удастся что-нибудь сделать по поводу девушки. Как мне сказали, она подала документы на получение американского гражданства. К тому же ее родина — наш союзник. Но вот парень — он же из Монголии!

И майор Винсент поднял руки, как бы говоря: «Я сделал все что мог».

Тэд так и кипел от возмущения, когда я рассказал ему о разговоре с майором.

— Значит, Барни он еще, быть может, помилует. А что им не нравится в Тули? Неужели ВВС полагают, что он часть «желтой опасности»?

— Я бы сказал, что они скорее боятся «красной опасности».

— Красная опасность, желтая опасность... Сведи их воедино, получишь оранжевый апельсин, — невесело пошутил Тэд. Но шутить ему совсем не хотелось. — Что же нам теперь делать? Запаковать Тули в контейнер и отгрузить на родину?

— Если его официально отстранили от работы, — сказал я, — то, может, перевести его в «Эол»? Пока вся эта чепуха не образуется. Мы можем устроить для него лабораторию рядом с главным зданием.

Тэд подумал какое-то время, прежде чем ответить.

— А что? Глядишь, из этого что-нибудь да выйдет. Помнишь, я говорил о проблеме загрязнения воздуха под Манхэттенским куполом? Тули поможет решить ее. Здесь из-за Россмена он не мог этим заниматься, но как сотрудник «Эола»...

Я кивнул:

— Тогда я тут же начну оформлять документы. Тули будет принят в штат в качестве временного консультанта.

— Отлично, — согласился Тэд. — Но теперь я понимаю, что идея сотрудничества с военными была порочной с самого начала. Надо было раньше догадаться. Если они собираются использовать воздействие на погоду как секретное оружие, это к добру не приведет.

Ветер пришел издалека. Еще три недели назад он был ледяной пургой, крутившей над сибирской тундрой, в то время как морозы опускались все южнее и уже миновали Байкал. Потом ветер вырвался на просторы Ти-

хого океана, высасывая по пути морскую влагу. Он вторгся в Америку с запада и занял фронт шириной в восемьсот миль, заставив калифорнийских фермеров суетливо собрать остатки осеннего урожая фруктов. Перевалив через Скалистые горы, ветер разрешился первым дождем, который почти тут же превратился в снежный покров толщиной более фута. Отдав таким образом влагу, он, теперь уже сухой, устремился по ту сторону гор, к юго-западной пустыне. Затем повернул к побережью Мексиканского залива, вобрал в себя новую влагу и по краю области высокого давления двинулся к Новой Англии. К тому времени, когда ветер достиг Бостона, он охладился и одарил весь район слоем снежной пудры. Обрадованные ребятишки бросились в подвалы за санками. Взрослые же, ворча, направились в гаражи разыскивать цепи для шин, ругательски ругая капризные зимы Новой Англии.

За несколько дней до Дня Благодарения позвонил Джим Деннис и пригласил всю нашу четверку на праздничный ужин к себе домой.

— Я хочу, чтобы вы кое с кем встретились, — сказал он. — Это человек, который интересуется вашими отношениями с Пентагоном и их проектом по управлению погодой.

— Я и не подозревал, что вы об этом знаете, — удивился я. — Они ведь держат свои планы в секрете.

— Чего только не знают конгрессмены, — рассмеялся Джим.

Мы с Барни, Тули и Тэдом пообедали в Торнтоне, а потом отправились к Деннису. По дороге в Линн нас застиг снегопад.

— Точно по расписанию, — сказал Тэд, взглянув на часы. — Эта зима будет снежной.

Дом Денниса был полон чадами, домочадцами, друзьями, политическими помощниками, просителями и соседями. Джим носился между своим кабинетом и гостиной, разделенными холлом. Гостиная была полна политиков. Дела, дела... Мы подпадали под эту

категорию, но миссис Деннис твердой рукой взяла нас на буксир, представила всем собравшимся в столовой, где явно готовились ко второй смене праздничного ужина, а затем провела на кухню.

Там толклись дети и взрослые, не проявляющие интереса к политике, и этой категорией гостей управляла хозяйка дома. Ее власть распространялась на столовую, кухню и детские. Непостижимым образом ей удавалось всех развлечь и накормить, дети были заняты и даже не очень растрепаны. Барни взирала на миссис Деннис с удивлением и восторгом.

— Можете бросить свои пальто на стол возле плиты, — сказала она, указав в сторону громадной старинной печи. — Джим будет еще некоторое время занят. Хотите перекусить? Ну, может, по кусочку пирога с сидром? Или фруктового кекса?

Все отказались, кроме Тэда, в котором всегда найдется место для куска пирога. Вообще-то полчаса ожидания на кухне в окружении детей и незнакомых гостей были не очень приятны, но миссис Деннис сделала все, чтобы мы чувствовали себя как дома. Она давно о нас знала, и постепенно ей удалось склонить нас к разговору о погоде.

Тэд уже был готов удариться в чтение очередной лекции, но ему помешал вошедший Джим. Он был в рубашке с закатанными рукавами, галстук распушен, на лице широкая улыбка.

— На праздниках здесь бывает шумно, — сказал он. — Жалко, что вы не успели к обеду. Я, правда, отдал должное индейке...

— Мы говорили о снеге, — сказала миссис Деннис. — Тэд полагает, что снег прекратится примерно через час.

Джим рассмеялся:

— Тэд не полагает. Тэд знает.

— Надеюсь, что так, — ответил Тэд.

— Вот и отлично, — сказал конгрессмен. — Так что не будем беспокоиться и разыскивать лопаты и сапоги. Вы не возражаете, если мы перейдем в более тихий уголок? Мэри, ты не могла бы принести нам еще кофе?

— На праздниках я только и вижу тебя в те минуты, когда ты проголодался или хочешь пить, — ответила миссис Деннис.

— Политиком быть нелегко.

Кабинет конгрессмена был невелик, но там было удивительно тихо и спокойно.

— Я сам сделал звукоизоляцию, — сказал Джим. — Когда у тебя пятеро детей, а у каждого из них есть друзья, которые приходят в гости... у отца не остается выхода: или звукоизоляция, или сумасшедший дом.

Он пригласил нас сесть. Я устроился в кресле-качалке. Три стены кабинета занимали книжные стеллажи. Меж двух окон на четвертой стене висело несколько фотографий в рамках.

После того как миссис Деннис принесла нам кофе, Джим сказал:

— Комитет по науке собирается заслушать в январе отчеты о работе Бюро погоды. Естественно, ваша идея об управлении погодой будет в центре внимания.

— Так вот в чем дело...

— Погодите, это еще не все. Пентагон изо всех сил старается запустить свой проект. Они смогут засекретить все работы по погоде, если им удастся первыми протащить эту идею через конгресс и Белый дом. Их намерения ни для кого не секрет. Весь Вашингтон только и говорит об этом — все идет к тому, что проблема погоды станет весьма весомой в политической игре. Но если...

Звякнул дверной звонок. Джим сказал:

— А вот и наш гость.

Он встретил вновь пришедшего в холле.

— Рад, что вы пришли, — донеслись до нас его слова. — Положите пальто на телефонный столик и заходите в кабинет. Они уже здесь.

Мы сразу узнали вошедшего мужчину. Это был доктор Джерольд Вейс, советник президента по науке. Он оказался невысоким сухопарым человеком и был еще больше похож на ковбоя, чем в тот раз, когда мы видели его на экране телевизора. У него было крепкое рукопожатие и внимательный взгляд.

После того как мы познакомились, я обнаружил, что доктор Вейс оккупировал мою качалку. Пришлось устраиваться на подоконнике.

— Значит, вы и есть тот молодой гений, который поборол засуху, — сказал доктор Вейс, извлекая из кармана трубку. Голос у него был высокий и некоторые слова он произносил в нос.

— И который хочет управлять погодой, — сказал Джим Деннис. — Расскажите ему обо всем, Тэд.

Рассказ Тэда занял больше двух часов. Порой доктор Вейс кое-что записывал или перебивал Тэда, чтобы уточнить кое-какие технические вопросы. Тэд, отчаянно жестикулируя, носился по тесной комнате, излагая всю историю долгосрочных прогнозов, создания лаборатории «Эол» и проекта майора Винсента. Доктор Вейс задумчиво посасывал трубку.

— По крайней мере одно ясно, — сказал он, когда Тэд наконец замолчал. — Если мы ничего не предпримем, уже через год все проблемы управления погодой попадут в руки военных и станут государственной тайной.

Тэд согласно кивнул.

— И направление исследований, — продолжал доктор Вейс, — будет определяться интересами военных. Конгресс не захочет тратить деньги одновременно на две или три государственные организации, которые занимаются одной и той же проблемой. И если

Пентагону удастся заполучить эту программу, он заставит всех остальных плясать под свою дудку.

— И это так плохо? — спросила Барни.

За доктора Вейса ответил Тэд:

— Разве ты не видишь, что это уже плохо для тебя и для Тули. А как только они начнут свою операцию, то крышка Службы безопасности захлопнется, погода будет их интересовать только как новое оружие. Они потребуют немедленных и ощутимых результатов, понятных и приятных генеральскому взору.

— И это не тот путь, по которому следует идти, — сказал доктор Вейс. — Решение проблемы управления погодой может стать мощным оружием в борьбе за мир. Если же мы превратим его в военную операцию, другие страны также начнут выпячивать военный аспект. И мы придем к тому, что превратим погоду в источник войны — холодной или горячей, это уже детали.

— Но у Пентагона есть формальные основания изучать климатические условия, — сказал я. — В них же есть военный аспект.

— Разумеется, есть, — живо откликнулся доктор Вейс. — И майор Винсент с коллегами движимы наилучшими намерениями... с их точки зрения. Я же рассматриваю эту проблему гораздо шире — я полагаю, что военные интересы являются лишь частью интересов национальных.

— Так как же тогда остановить Пентагон? — спросил Тэд.

Доктор Вейс вынул изо рта трубку.

— Пентагон нам не остановить, — сказал он. — Во всяком случае, нам не сделать этого открыто. Единственно, что остается, — это прийти в конгресс с другой, более внушительной идеей.

— Более внушительной?

Джим Деннис улыбнулся.

— Кажется, я уловил суть дела, — сказал он. — Мы должны предложить Комитету по науке грандиозную мирную программу, которую нельзя засекретить и которая в то же время будет достаточно эффективной, чтобы конгрессмены могли использовать ее для укрепления собственной популярности в своих округах.

— Совершенно точно, — кивнул доктор Вейс.

— Грандиозная программа... — сказал я.

— ...эффектная к тому же, — добавил Тэд.

— Вам предстоит придумать эту программу к середине января, — подытожил Джим Деннис.

В оставшиеся недели Тэд заперся в своей каморке в Климатологическом, между тем как Тули перебрался в отдельную комнату по соседству с «Эолом». Тэд упрямо искал проект, которым можно было бы соблазнить конгресс, а Тули метался между нашей лабораторией и Манхэттенским куполом, пытаясь разобраться, почему «кондиционированный остров» страдает от загрязнения воздуха.

Что же касается меня, то я изгрыз себе ногти, ломая голову над тем, как нам победить конгресс, как добыть Тули допуск к работе, и над тысячей других проблем. Установилась зима, очень снежная, как и предсказывал Тэд, и на редкость холодная. Всякий раз, когда мне предстояло выйти на улицу, я начинал тосковать по Гавайям.

Перед самым рождеством позвонил майор Винсент и пригласил нас на военно-воздушную базу Хэнском, куда он прибыл на несколько дней. Вел он себя таинственно.

Мглистым морозным днем я отправился в Климатологический, чтобы захватить Тэда. Майор встретил нас у ворот базы и попросил проехать дальше, вдоль ограничительной линии у двухмильной взлетной полосы. Там мы остановились и ждали, съежившись в

машине, пока из нее уходил теплый воздух, потому что печка отключилась.

— Что вы нам хотите показать? — спросил Тэд.

— Подождите минуту, сейчас начнется.

Полицейский чин в белом шлеме и белых нарукавниках подошел к машине проверить, кто мы такие. Увидев майора, он вытянулся в струнку и отдал честь.

Серая мгла затянула солнце, резкий холодный ветер, скатываясь с далеких холмов, гулял по простору аэродрома. Ветер и сырость усиливали мороз. Столб дыма, поднимавшийся над электростанцией базы, казался твердым и недвижимым в замерзшем воздухе.

— Что это, испытание на выносливость? — спросил Тэд.

И тут мы услышали над головой рев самолета.

— Начинается! — Майор Винсент выскочил из машины.

Последовав за ним, мы увидели маленькую точку, возникшую под облаками. Точка быстро приближалась, и вот уже она превратилась в самолет, который совершил круг над полем и пошел на посадку.

— Здоровенная машина, — заметил Тэд, глядя, как самолет приближается к земле.

Я увидел, что в фюзеляже открылись люки и оттуда, как лапы, вывалились многочисленные колеса. На мгновение самолет завис над полем, словно сомневался, стоит ли ему садиться. Затем колеса дотронулись до бетона, завизжали шины, и машина мягко покатилась по полосе.

Тэд ошибся. Это была не просто большая машина. Это была настоящая громадина. Шесть двигателей размещалось на прямых крыльях. Самолет, убавляя скорость, приближался к нам, рев двигателей рвал барабанные перепонки. Самолет показался мне океанским лайнером, который умудрился отрастить себе

крылья. Вертикальный стабилизатор упирался в небо, а в объемистом фюзеляже, казалось, мог разместиться автобусный парк целого города.

— Абсолютно новая машина! — восторженно объявил майор Винсент. — Первая в серии. И это первый полет. Мы назвали самолет „Дромедаром”^{*}.

Тэд поморщился:

— У него один горб или два?

— Ни одного! И нет экипажа!

Тэд заинтересовался:

— Автоматическая посадка?

— Совершенно верно. „Дромедар” приземлился впервые после трех дней непрерывного полета. Представляете, он летел на автоматике три дня без перерыва! Кстати, я сейчас сообщил вам секретную информацию. Вы не имеете права передавать ее ни одному лицу, не имеющему допуска.

— Так что это имеет общего... — начал я.

Тэд меня опередил.

— Вернее всего, — сказал он, — это метеорологический самолет-наблюдатель. В некоторых отношениях использовать его удобнее, чем спутник. Ведь самолет находится в той среде, которую исследует, в то время как спутник летит над атмосферой. Так что самолету легко регистрировать температуру воздушных потоков, давление, влажность и так далее.

Майор кивнул. Тэд с уважением оглядел огромную машину.

— И долго его пришлось сооружать? — спросил он. — Можно в него заглянуть? Что за приборы вы там установили? А что...

Майор поднял руки.

^{*} Дромедар — верблюд, который может передвигаться с большой скоростью. Этим именем называют также одногорбого верблюда. — *Прим. ред.*

— Хорошо, — сказал он, — поднимитесь на борт и сами все осмотрите. Машина первоначально не предназначалась для погодных наблюдений, но кое-кто у нас решил, что мы сможем использовать ее для наших целей.

— Молодцы, — одобрил Тэд, направляясь к люку. — К тому же такой самолет сможет поднять множество реактивов для засеивания облаков.

— Я об этом не подумал, — признался майор Винсент. — Мне просто хотелось показать вам самолет. Как видите, сотрудничество с Пентагоном имеет не только недостатки.

Тэд взглянул на меня, и я понял, что он подумал о нашей беседе с доктором Вейсом. Но вопреки своему обыкновению сейчас он промолчал.

Он молчал и тогда, когда ранним промозглым вечером мы возвращались в Бостон.

— Создается впечатление, — сказал я, — что Пентагон не теряет времени даром. Они торопятся с проектом.

Тэд кивнул.

— Слишком торопятся. Чтобы отнять у них эту игрушку, мы должны придумать и в самом деле что-то значительное.

Не отрывая глаз от мерцающих впереди красных огоньков на шоссе, я спросил:

— Ты так до сих пор ничего и не придумал?

— Ураганы, — ответил Тэд, словно рассуждая сам с собой. — Единственное, чем мы можем остановить Винсента, это ураганы.

— Что?!

— Нам надо вооружить Вейса большой программой, которая сделает управление погодой сенсацией для газет и в то же время не даст возможности Пентагону этим воспользоваться. А для этого годятся только ураганы. Мы их с тобой остановим!

15. Системы давления

Как только стало ясно, что наша цель — ураганы, Тэд сосредоточил всю свою недюжинную энергию на этой проблеме, чтобы разработать программу для доктора Вейса. До конца декабря мы его почти не видели. Барни пришлось почти силой вытащить его из-за письменного стола, чтобы отпраздновать с нами рождество в Торнтоне.

Тем временем Тули удалось отыскать ключ к решению проблемы загрязнения воздуха под Манхэттенским куполом. Как оказалось, всему виной была температурная инверсия. Под куполом скапливался теплый воздух, который мешал переносу вверх выхлопных и других промышленных газов. Вот почему вентиляторы, установленные наверху, не могли их отсосать и выбросить наружу.

— Как же они с этим справятся? — спросил я после того, как Тули мне все объяснил.

— Раз корень зла известен, исправить положение будет несложно. Скорее всего, установят вентиляторы на уровне тротуаров и с их помощью будут отсасывать газы, прежде чем они скопятся в опасной концентрации.

— Это обойдется в миллионы долларов.

— Разумеется, — сказал он равнодушно. — Да и вообще строить купол было чистым позором и расточительством. Через несколько лет Тэд наладит нормальный климат по всей стране, без этих пластиковых куполов.

«Эол» неплохо заработал на работе Тули, и он сам тоже был удовлетворен своей работой. Но теперь ему нечего было делать. Изгнанный из Климатологического отдела, лишенный настоящего дела в нашей лаборатории, Тули переключился на помощь Тэду. Он

пробирался к нему ночами, и они тайком погружались в расчеты.

За два дня до Нового года Тэд позвонил мне и пригласил к себе вечером, после ужина. Я не удивился, увидев, что на заснеженном тротуаре возле его дома меня поджидает Барни.

Разумеется, Тули был уже там. Мы застали его на кухне. Он сидел, оседлав стул, скрестив руки на спинке и положив на них подбородок. Его вид напомнил мне степного кочевника, глядящего на закат и думающего загадочную думу. Тэд взволнованно шагнул из угла в угол.

— Хорошо, что пришли, друзья, — сказал он, помогая нам раздеться и складывая наши пальто на стуле. — Хочу испытать на вас мою идею, прежде чем нести ее к Вейсу.

Мы с Барни уселись рядышком на продавленном диване.

— Мы само внимание, — сказала Барни.

Тэд улыбнулся ей.

— Хорошо, — сказал он, вновь принимаясь шагать по комнате. — Тогда слушайте. Есть два пути остановить ураган: разрушить его, разогнать или постараться удержать в стороне от суши. До сих пор все ломали себе голову над тем, как разрушить ураган, нарушить его энергетический баланс...

— С этой целью пытались засеивать ураганы, — сказал я. — Правда?

— Пытались. Но это все равно что кидаться снежками в айсберг. Как бы ты ни засеивал ураган, в нем даже щербинки не сделаешь.

— Были даже данные, что ураганы поглощают энергию засева, — сказала Барни.

— Да, и тем самым общая энергия урагана увеличивается, — согласился Тули.

— Другими словами, ураган нам не разогнать, — подытожил я.

— Молодец, — одобрительно сказал Тэд. — Он слишком для нас силен, слишком велики энергетические резервы. Ураган будет двигаться до тех пор, пока не разрушится сам, по естественным причинам... А с силами природы нам пока не справиться. И коль скоро мы не в состоянии использовать наши мышцы, может быть, воспользоваться нашими мозгами?

Он замолчал на миг. Потом продолжил:

— Если нам немало известно об ураганах — их путях, распределении в них энергии и многом другом, — мы можем построить климатическую модель, при которой ураган останется над океаном. Проблема эта сложная, и как решить ее, мы еще не знаем. Даже пути ураганов предсказать можно только приблизительно — уж очень много побочных эффектов. Незначительное падение давления над Чикаго может отвести удар урагана от мыса Гаттерас или заставить его умереть в просторах океана.

— Но мы уже приближаемся к решению этой проблемы, когда предсказываем пути штормов, — возразила Барни.

— Да, но это не одно и то же. Значит, нам надо обратиться к другому способу борьбы: разогнать шторм прежде, чем он превратится в ураган. Уничтожить его в зародыше, пока он еще не стал штормом, а представляет собой всего лишь небольшое возмущение над тропическими водами.

— А это нам по силам?

Тэд кивнул:

— Мне кажется, мы с Тули рассчитали, как это сделать.

— Расскажи об этом Джерри подробнее, — сказал Тули. — Дело в том, что существуют десятки тропических возмущений, из суммы которых и рождает-

ся ураган. Следовательно, мы должны либо ликвидировать все эти возмущения поодиночке, либо рисковать тем, что любое из них может развиваться в настоящий ураган.

— Мы можем предсказать, какое из них скорее всего превратится в ураган, — добавил Тэд.

— С какой степенью точности? Пятьдесят процентов? Нам все равно придется иметь дело с вдвое большим числом возмущений, чем может быть ураганов. Ты представляешь, сколько это будет стоить? — возразил Тули.

— И все-таки это обойдется в несколько раз дешевле, чем убытки, которые наносит разбушевавшийся ураган, — упорствовал Тэд.

— Да, — согласился я, — именно от этого мы и должны танцевать.

— Значит, суть идеи в следующем: бить по тропическим возмущениям, не давая им вылиться в ураганы. Но выбирать из них лишь такие, которые потенциально могут стать ураганами, и искать их только на обычных путях ураганов, идущих к побережью. Одновременно мы будем заниматься другой проблемой: как научиться отводить ураганы от побережья. Когда мы достигнем этой цели, отпадет надобность уничтожать тропические возмущения — мы научимся управлять погодой настолько, что не допустим ураганы к берегам.

Мы молчали, пытаясь осмыслить сказанное, а Тэд остановился посреди комнаты, уперев кулаки в бедра. Он был похож на чемпиона мира по боксу, ожидающего, примет ли его вызов кто-нибудь из претендентов.

Мы спорили и обсуждали проблему со всех сторон до тех пор, пока за окнами не начал брезжить рассвет. Возникало множество вопросов, на которые еще не было ответов. Но Тэд принял решение, и все, что

мы могли сделать, — это наталкивать его на ответы, которыми он воспользуется в разговоре с доктором Вейсом.

Я подвез Барни до дому.

— Знаешь, чем меня смущает эта идея? — сказала она. — По-моему, в ней куда больше рекламной шумихи, чем науки.

— Что ты имеешь в виду?

— Вся эта затея с ликвидацией воздушных возмущений... все это блеф. Тэду она выгодна только для того, чтобы дать возможность доктору Вейсу начать борьбу за гражданский проект по управлению погодой и избавиться от майора Винсента. Но разве так делается история? Разве не унижительно опускаться до фокусов?

— Нет, — возразил я, — история делается людьми, мужчинами и женщинами, которые умеют работать. Порой правда на их стороне, порой они заблуждаются. Но история создается творческими личностями.

Сугробы, выросшие в городах, побурели и сжались, потом их снова покрыл белым слоем свежий снегопад... На первую неделю января выдалась оттепель, но затем на Новую Англию с севера надвинулась область высокого давления. Она сопровождалась небольшими осадками, в основном же воздух был не намного холоднее, чем тот, который она вытеснила. Но было сухо, небо прояснилось, ветер стих. Ночные звезды взирали с высоты на покрытую размякшим снегом страну, днем солнце по-весеннему привлекало, и теплые струи воздуха поднимались от пропелшин в снегу. Температура достигла нуля. К утру же лед затягивал образовавшиеся за день лужи, и люди, надеявшиеся на приход ранней весны, разочарованно качали головой и посылали дорожки песком и солью.

Когда началось обсуждение нашего вопроса в комиссии конгресса, Тэд был похож на тигра в клетке.

Доктор Вейс принял его идею об уничтожении ураганов в зародыше без особых комментариев, только сказал: «Надо обкатать ее в моем совещательном комитете». К тому же и он, и Деннис предостерегли Тэда от появления на слушании.

— Большинство членов комиссии, — объяснил Джим, — будут предубеждены против молодого гения. Всегда трудно смириться с мыслью, что кто-то моложе превосходит тебя умом и талантом.

Тэд неохотно согласился с ними, но я все равно решил не спускать с него глаз и заручился помощью Тули и Барни.

Заседание комиссии началось с доклада майора Винсента, который принялся толковать о необходимости передачи всех работ по управлению погодой в руки Пентагона. Пресса широко освещала ход заседаний, каждое утро телевидение отводило работе комиссии специальные передачи. Между тем доктор Вейс сообщил нам, что идея об уничтожении ураганов в зародыше вызвала живой интерес у членов совещательного комитета. Он предложил, чтобы на заседании комиссии о планах Тэда доложил доктор Барневельд. И Тэд занялся подготовкой Барневельда к выступлению по проекту «Контур».

Кому первому пришло в голову назвать наш план «Контуром», не известно, и, видно, никогда уж эту тайну не разгадать. Скорее всего, это словечко родилось в коридорах Вашингтона. Расшифровывалось оно как проект по Контролю над Ураганами. Когда Тэд услышал об этом названии, он пробормотал что-то нелестное в адрес его автора, тем не менее название «Контур» стало официальным.

В день, когда перед комиссией должен был выступить доктор Россмен, мы с Тули завернули к Тэду в его каморку в Климатологическом. И правильно сделали,

Заглянула к Тэду и Барни, чтобы посмотреть выступление Россмена по телевизору. Доктор Россмен, сама непреклонность на вид, полностью согласился с доводами майора Винсента. Интересы вооруженных сил в этом вопросе, заявил он, представляют для нации чрезвычайную важность. Пожалуй, не меньшую, чем необходимость контролировать освоение космического пространства и сооружать баллистические ракеты. И он дал понять, что Климатологический отдел сдает все, чтобы угодить Пентагону.

Тэд так подпрыгнул на стуле, словно хотел разбить телевизор.

— Он продал нас с потрохами! — закричал он. — Рассчитал, что доктору Вейсу не справиться с Пентагоном, и потому переметнулся к Винсенту!

— Погоди, Тэд. Может быть...

— Он-то знает, что я против игр с военными! — бушевал Тэд. — Так что теперь он постарается отделаться от меня, объединившись с ними.

Мы тщетно пытались его урезонить. Единственное, что нам удалось, — это не дать ему прыгнуть в первый же поезд подземки и ворваться на заседание комиссии, размахивая сверкающим мечом справедливости.

Мы не оставляли его весь вечер, вместе поужинали и просидели у него далеко за полночь. На следующий день перед комиссией предстояло выступить доктору Барневельду, и надежда на это хоть как-то успокаивала Тэда. Он битый час провисел на телефоне, давал Барневельду последние наставления и подсказывал новые аргументы в пользу проекта «Контур».

Тули с утра поехал в Климатологический вместе с Тэдом, я присоединился к ним к началу телевизионной передачи.

Даже маленький экран портативного телевизора

позволял судить о том, что доктор Барневельд произвел на членов комиссии впечатление. Его Нобелевская премия заранее расположила к нему конгрессменов, а когда он уселся за свидетельский стол перед батареей микрофонов, в их глазах он являл собой идеал ученого. Барневельд это явно почувствовал и потому по мере сил старался использовать благоприятное впечатление.

Согласившись, что в проблеме влияния на погоду есть аспекты, которые могут представлять интерес для вооруженных сил, доктор Барневельд сказал:

— Но существуют не менее важные — нет, даже более важные — аспекты использования этих достижений в мирных целях, для нужд общества. И будет прискорбно, если конъюнктурные интересы военных кругов лишат человечество благ, которые может принести ему управление климатом. Если человек научится управлять погодой, он сможет ликвидировать многие из причин, ведущих к войнам. Бедность, болезни, голод... Все эти беды человечества в значительной степени зависят и от климатических условий. Представьте себе мир, который не будет страдать от нехватки воды, в котором урожаи будут стабильными каждый год, а наводнения и засухи станут достоянием истории...

Джим Деннис, сидевший за столом комиссии, наклонился вперед и спросил:

— Может ли управление погодой быть осуществлено уже сейчас?

Доктор Барневельд выдержал театральную паузу. Он явно наслаждался ролью телезвезды.

— Уже сегодня можно начать работу в этом направлении, — сказал он наконец. — Кое-кто из моих коллег в Климатологическом отделе и в других местах разработал методы, с помощью которых можно избавить нашу страну от угрозы ураганов...

Окончание фразы заглушил топот репортеров, бросившихся к телефонам. К вечеру проект «Контур» стал научной сенсацией, не меньшей, чем в свое время высадка на Луну. Но вся эта суматоха нас не коснулась. Мы оставались в Бостоне и были довольны тем, что Россмену приходится за нас отдуваться.

Заседания комиссии конгресса продолжались еще несколько недель, но было ясно, что по популярности проект «Контур» ни в чем не уступает военному проекту майора Винсента. Большинство конгрессменов склонялись к тому, чтобы претворить в жизнь оба проекта.

В итоге комиссия передала решение проблемы в руки администрации. А это было как раз то, чего добивался доктор Вейс, будучи советником президента по вопросам науки. Не удивительно, что в начале марта он пригласил Тэда и меня в свой кабинет в Белом доме.

Циклогенез: рождение шторма. Смешайте равные части влажного морского и холодного арктического воздуха. Хорошенько перемешайте их против часовой стрелки. Поместите смесь над мысом Гаттерас в начале марта и внимательно наблюдайте. Под влиянием солнечной радиации, вращения Земли, ветров, вод и суши по соседству шторм двинется к северу вдоль побережья Атлантического океана. Над штатами Северная и Южная Каролина он избавится от холодного дождя и града, затем направится в сторону штата Виргиния, впитывая в себя новые массы холодного воздуха, и разразится тяжелыми хлопьями мокрого снега. Вашингтон будет завален снегом, а далее к северу, в Филадельфию, Бостоне и Нью-Йорке, армии людей и машин будут готовиться отразить надвигающееся вторжение в надежде спасти свои города от парализующего действия снежных заносов.

Когда мы с Тэдом сели в поезд, следующий до Вашингтона, небо над Бостоном было еще чистым. Но

мы знали, что Вашингтон уже находится в центре снежной бури. Результаты ее ощущались даже в под-земке. Толпы расстроенных, обозленных людей толклись на остановках: они опаздывали на работу. На шляпах и пальто людей, спускавшихся по эскалатору, налипли куски мокрого снега. Под ногами чавкала грязь.

Тэд уговорил меня пройти несколько кварталов от вокзала до Белого дома пешком. Улицы опустели. Даже движущиеся тротуары были выключены. Редкие прохожие сгибались под напором ревущего ветра. Снег под ногами лежал толстым матрасом, и уже через минуту я продрог до костей, несмотря на теплое пальто, сапоги, перчатки и шапку на меховой подкладке.

А Тэду такая погода нравилась.

— Дайте мне два взвода лыжников, — заявил он, — и я захвачу власть в этой стране.

— В такой день никто тебе даже возражать не будет, — проворчал я, прижимая к щекам поднятый воротник.

— Не обращай внимания! Через час все пройдет. Шторм движется к северу. Завтра мы его догоним в Бостоне.

Хорошенькая перспектива!

Кабинет доктора Вейса оказался большим светлым помещением в деловом крыле Белого дома. Окна во всю стену выходили на засыпанную снегом лужайку.

— Здесь по крайней мере тепло, — сказал Вейс, приглашая нас сесть. — У вас обоих такой вид, будто вы пешком пришли из Бостона.

— У меня тоже такое ощущение, — сказал я.

Тэд засмеялся.

— Я хотел бы ознакомить вас с положением, в каком сейчас находится проект «Контур». Так ска-

зять, из первых рук, — сказал доктор Вейс, чуть раскачиваясь в большом кожаном кресле.

— Но прежде несколько слов о наступающем сезоне ураганов, — прервал его Тэд. — Я сделал на той неделе некоторые расчеты. Наверняка утверждать не берусь, но, по-моему, повторится прошлогодняя картина. Примерно то же количество штормов. Разумеется, если мы дадим им развиваться.

Доктор Вейс достал из подставки одну из трубок.

— Перспективы уничтожения ураганов в колыбели очень соблазнительны, — сказал он. — Но, признаться, ваш план чрезвычайно дорог. А ведь он — наш единственный реальный козырь в споре с Пентагоном и в противодействии давлению, которое он оказывает на администрацию.

— Ого, — сказал я, — дошли уже до такого уровня!

— Вот именно, — согласился доктор Вейс, разжигая трубку. — Но я полагаю, у нас есть возможность обойти майора Винсента. Я дал понять, что наш проект борьбы с ураганами поможет военным изучить на нашем опыте некоторые данные, которые пригодятся им впоследствии. Иными словами, «Контур» не только не помешает Пентагону, а даже будет ему полезен.

— Погодите, — перебил его Тэд. — Но ведь борьба с ураганами — лишь часть нашей программы... На самом-то деле мы будем бороться с тропическими возмущениями, а не с настоящими штормами.

— Я это отлично понимаю.

— А наша окончательная цель — научиться управлять погодой в такой мере, чтобы не подпускать ураганы к побережью. И мы будем заниматься возмущениями лишь до той поры, пока не поумнеем настолько, чтобы перейти к уничтожению ураганов.

— Вот об этом я и хотел с вами поговорить, —

сказал доктор Вейс. — Та часть программы, которая касается влияния на погоду, подверглась серьезной критике, причем с разных сторон.

— Так это же...

— Выслушайте меня, Тэд. — Доктор Вейс наклонился вперед и оперся ладонями о стол. — Вы признаете, что знаете недостаточно, чтобы воздействовать на ураганы и удерживать их от нападения на наши берега. Если бы даже это вам и было по силам, для этого пришлось бы изменять погоду над большей частью континентальных районов США.

— И Канады, — добавил Тэд.

Доктор Вейс кивнул:

— А также Мексики, о чем мы не должны забывать.

— Разумеется, — сказал Тэд. — И что из этого?

— Тут в дело вмешиваются политические факторы. И ситуация становится опасной. Не следует скидывать со счетов возможность неудачи. Что, если вы допустите ошибку? Последствия будут катастрофические.

— А теперь выслушайте вы меня, — возразил Тэд. — Что же, по-вашему, мы собираемся менять русло Миссисипи и заставить ее течь в Амазонку? Наша цель — воздействовать на погоду, но не настолько, чтобы вызывать стихийные бедствия. При всем желании мы не смогли бы этого сделать — на это потребовалось бы слишком много энергии. Мы не собираемся вызвать снегопад в Калифорнии или растопить льды на Аляске.

— Мы-то с вами, Тэд, это знаем, а что вы скажете рядовому избирателю? Многие и так ворчат на Бюро погоды, если дождь мешает их пикнику или град уничтожает их урожай. Отдаете ли вы себе отчет, какую взрывчатку берет в руки правительство, когда принимает ответственность за управление погодой?

— Провозглашение независимости в 1776 году тоже было взрывом бомбы. Кое на что надо в конце концов решаться.

— Со временем управление погодой станет реальностью, — сказал доктор Вейс, повысив голос. — Но нельзя торопить события. Проект «Контур», та часть его, что касается уничтожения ураганов в зародыше, — отличное начало. Через год-два успешных демонстраций мы будем готовы к следующему шагу. И, что еще важнее, страна будет готова к этому психологически.

— Но мы можем добиться этого уже в нынешнем году! Как только мы проверим еще раз теоретические выкладки, мы сможем переходить к практическим действиям.

— Технически — да, но не политически. Да и с технической точки зрения преждевременные манипуляции с погодой — не более чем интеллектуальная рулетка.

Тэд стукнул кулаком по ручке кресла.

— Послушайте, Вейс, я не знаю, чем вы так перепуганы. Сегодня с неба падают дождь и снег. Слушаются засухи и наводнения. Правительство вступает в игру, и за это его критикует горстка психопатов и человеконенавистников. И что из этого? А засухи, которые правительство уничтожит, а наводнения, которые так и не произойдут? А обильные урожаи, которые вы сможете обеспечить?

Доктор Вейс откинулся в кресле и покачал головой:

— Тэд, вы разбираетесь в науке, но ни черта не смыслите в политике. А в ней совсем другие правила игры.

— Но ведь «Контур» ничего не стоит без постоянного управления погодой. Если мы остановимся на

полпути, мы попросту выкинем на ветер деньги и усилия.

— Иными словами, вы возражаете против того, чтобы программа была принята без экспериментов с погодой?

— Да, — сказал Тэд сухо. — Уничтожение тропических возмущений — временная мера. Если от него не перейти к эффективному управлению погодой, мы упрямся в стену, ибо другими средствами нам с ураганами не справиться.

Доктор Вейс резко встал из-за стола.

— Хорошо, — сказал он, — мы уже поговорили достаточно. Надо решать.

— Что, еще одна комиссия?

— Нет, — ответил доктор Вейс, взглянув на часы, стоявшие на письменном столе. — Не все проблемы решаются в комиссиях. Следуйте за мной.

Мы прошли за ним по коридору, поднялись по лестнице на этаж выше и через небольшую дверь, на которой не было таблички с именем, попали в просторный овальный кабинет, посреди которого стоял массивный письменный стол, заваленный бумагами. На столе стояло три телефона разных цветов. На стене сзади были прикреплены скрещенные флаги. В комнате никого не было.

Я поглядел на Тэда. Он, как и я, уже понял, куда мы попали.

Дверь в дальней стене отворилась, и к столу подошел президент.

— Добрый день, — сказал он. — Очевидно, я вижу перед собой мистера Маррета и мистера Торна.

Рукопожатие президента было крепким и энергичным. Он оказался выше, чем я предполагал, и выглядел моложе, чем на телевизионных экранах. Он указал на кресла папротив стола. Когда мы сели, он раз-

двинул бумаги на столе, проглядел одну или две из них и спросил:

— Вы в самом деле можете остановить ураганы?

— Да, сэр, — выпалил Тэд.

Президент улыбнулся.

— И вы совершенно в себе уверены?

— Мы сможем это сделать, сэр, если получим возможности.

— Очевидно, для вас не секрет, что министерство обороны тоже предложило программу управления погодой? Если я откажу в этом военному министру, это даст козырь в руки оппозиции на ноябрьских выборах.

— Но решение проблемы ураганов может стать для вас выигрышем в борьбе за голоса избирателей Атлантического побережья, — сказал Тэд. — И Мексиканского залива.

Президент усмехнулся.

— Я немного собрал голосов на побережье Мексиканского залива на прошлых выборах. И если вам не удастся одолеть ураганы, я потеряю там последние голоса. С другой стороны, если я не соглашусь на проведение проекта «Контур», проблема ураганов останется совершенно в стороне от политики.

Тэд ничего не ответил.

— Я узнал кое о чем еще, — вмешался доктор Вейс. — Маррет утверждает, что проект будет иметь смысл только в том случае, если он будет направлен на управление погодой в целом по стране, а не только на борьбу с ураганами над океаном.

— Управление погодой, — повторил президент. Он перевел взгляд с советника по науке на Тэда. — Это... это уму непостижимо. Погода — это нечто могучее, беспощадное, суровое. Не могу даже представить себе, чтобы люди могли ею управлять.

— Мы это сможем делать, — твердо ответил

Тэд. — Погода лишь кажется могучей и суровой, потому что мы пока не способны ее постигнуть. А между тем в ее поведении есть логика. Погода подчиняется тем же физическим законам, что и яблоко, падающее на землю. Мы только начинаем постигать эти законы. Но как только мы познаем их в должной мере, мы обуздаем погоду. Вспомните, огонь тоже когда-то казался таинственным и опасным. Но человек научился укрощать его. Мы до сих пор знаем об этой стихии далеко не все, что нам хотелось бы знать, и все-таки огонь сегодня так же обычен, как насморк.

Президент задумчиво сжал губы.

— Значит, вы уверены в том, что в погоде есть своя логика? Конечно, погода прекрасна, даже когда бушуют штормы. Послушайте, мистер Маррет, достаточно ли вы poznали логику погоды, чтобы сказать мне, когда кончится снегопад? Я во второй половине дня должен лететь в Чикаго.

Тэд усмехнулся.

— Вот-вот перестанет, — сказал он, взглянув на свои часы.

— Вы в этом уверены? — спросил президент, подходя к окну и раздвигая шторы.

— Так должно быть, — ответил Тэд.

В распахнутые шторы хлынул яркий дневной свет. По небу неслись разрозненные клочья облаков, лучи солнца искрились, отражаясь от снежного ковра на лужайке.

— Что ж, вы, кажется, и в самом деле знаете, о чем говорите, — сказал президент. — Но от предсказаний до управления погодой большой шаг. Очень большой.

— Знаю, — сказал Тэд. Затем медленно, тщательно подбирая слова, он продолжил: — Если мы научимся эффективно управлять погодой, это обойдется нам куда дешевле, чем охота за отдельными тропи-

ческими возмущениями в просторах океана. Вот почему нашей окончательной целью должно стать полное господство над погодой. И мы добьемся этого, рано или поздно... Но мне хотелось, чтобы мы достигли этого сейчас... при содействии вашей администрации.

Президент рассмеялся:

— А я надеюсь продержаться здесь еще четыре года.

Тэд высказал президенту все свои доводы в пользу принятия проекта. В свою очередь доктор Вейс повторил все свои контраргументы. Президент внимательно выслушал спорщиков.

Наконец он сказал:

— Мистер Маррет, я высоко ценю вашу преданность идее и ваш энтузиазм. Но не забудьте, что правительство несет ответственность за благосостояние всей нации. У меня создалось впечатление, что ваши предложения имеют под собой реальную почву. Но вы сами не испытывали их в больших масштабах. Если ваши расчеты ошибочны, мы потеряем куда больше, чем просто выборы, мы можем потерять человеческие жизни и понести громадный материальный ущерб.

— Вы правы, сэр, — согласился Тэд. — Но если я не ошибаюсь...

— ...то вы не будете ошибаться и в будущем году. Мне нравится проект «Контур». Я думаю, что победа над ураганами станет замечательным подарком нашему народу... и работы вам на ближайший год хватит с избытком. Согласны ли вы удовлетвориться первой частью программы и отложить обуздание погоды на будущее?

Мрачно кивнув, Тэд сказал:

— Если другого выхода нет, я согласен.

Президент обернулся к доктору Вейсу:

— Мы с вами все равно рискуем головами, — сказал он. — «Контур» остается рискованным предприятием, а спорить с Пентагоном не очень разумно политически.

— Но выгоды будут велики, — ответил советник по науке.

— Разумеется, я понимаю. И я понимаю также, что остановить хотя бы один ураган значит гораздо больше, чем потеря нескольких миллионов голосов избирателей этой осенью.

— Политика — это искусство, мистер президент, — сказал доктор Вейс. — Я же только ученый.

Президент засмеялся:

— Мы еще обратим вас в политиков, — сказал он. — Так вы полностью поддерживаете проект «Контур»?

— В том, что относится к борьбе с ураганами, да.

— Полностью поддерживаете?

— Полностью сэр, — сказал доктор Вейс.

— Ну и отлично. Если конгресс выделит средства, я санкционирую этот проект.

Беседа длилась еще несколько минут. Президент прошелся по поводу моих массачусетских дядюшек, которые на последних выборах рьяно поддерживали его соперника. На это я возразил, что отец голосовал за нынешнего президента. Вошедший секретарь напомнил президенту о следующей встрече, и после очередной серии рукопожатий нас вежливо проводили из кабинета.

— Желаю удачи, — сказал президент на прощанье. — Я буду внимательно следить за вашими успехами.

Тэд поклонился. Выйдя в коридор, он пробормотал:

— Успехи были бы ощутимее, если бы он поддерживал весь проект, а не его безопасную часть.

16. Проект „Контур“

Четыре месяца пролетели в бешеной деятельности. С марта по июль нам пришлось пустить в ход программу, которая вовлекала в свою орбиту самолеты ВВС, военные корабли, спутники НАСА и значительную часть специалистов и оборудования Бюро погоды. Штат сотрудников программы состоял в основном из группы Тэда в Климатологическом отделе и моих людей из «Эола». Кроме того, на мою долю выпали поиски и наем новых сотрудников, которые официально числились в «Эоле», но на самом деле были персоналом «Контура». А поскольку сам проект не был секретным, то осложнений по поводу участия в нем Барни и Тули не возникало.

Наконец в начале июля мы были готовы к вылету из Майами.

В аэропорту Логан нас провожал доктор Барневельд, а также толпа корреспондентов и фоторепортеров. Нас больше не скрывали от глаз публики. Более того, в Майами в тот же день была запланирована большая пресс-конференция.

Прощавшись с провожающими, мы заняли места в самолете. В полете работа не прекращалась. Я просматривал проект соглашения с английским правительством касательно района Бермудских островов. Тэд решил, что программа «Контур» должна охватывать как континентальную часть США, так и острова Карибского моря, но штормов, бушующих в открытом океане, мы касаться не должны. По двум причинам: во-первых, Тэду требовался научный контроль экспериментов, а океанские штормы, оставленные в неприкосновенности, можно будет использовать для сравнения с теми, на которые мы намеревались воздействовать; во-вторых, у нас попросту не

было возможностей и средств контролировать все возмущения в океане.

Но штормы, которые не угрожали побережью, тем не менее представляли опасность для Бермудских островов, так что пришлось пойти на соглашение с Англией о том, что Бермуды не входят в зону нашей защиты.

Пока я разбирал бумаги, Тэд и Барни, сидевшие по другую сторону прохода, обсуждали предстоящую пресс-конференцию.

— Важно, чтобы газетчики вынесли правильное представление о нашей работе, — донесся до меня голос Барни. — Мы должны показать им, что «Контур» — только эксперимент.

Тэд кивнул головой.

Я оторвался от чтения.

— Тэд, не забудь, что доктор Вейс будет сидеть рядом с тобой. Постарайся не произносить ничего похожего на управление погодой.

Тэд бросил в мою сторону мрачный взгляд.

— И не старайся предсказывать будущее, — продолжала Барни. — Ограничься рассказом о работе, связанной с проектом. Не позволяй корреспондентам загнать тебя в угол, когда ты будешь вынужден давать какие-нибудь обещания.

Тэд взмахнул руками.

— Ты еще прикажешь, чтобы я приклеил бороду и нацепил черные очки! — воскликнул он. — Или вообще сбежал, прежде чем начнется эта чертова пресс-конференция? Послушайте, вы не хуже меня знаете, что мы либо представляем на суд очевидные результаты, либо нас вышвыривают вон. И нет смысла стараться обойти острые проблемы. Что бы мы ни плели, всем совершенно ясно, что стоит нам пропустить хоть один ураган, считайте, что мы списаны со счетов, что нас не существует.

Тули, сидевший сзади, наклонился к спинке кресла Тэда.

— Нам никогда не остановить все ураганы, — сказал он. — Ведь тропические возмущения не располагаются равномерно над всем океаном и не ждут, чтобы мы могли расправляться с ними по очереди. В разгар сезона, когда возмущения идут группами, какая-то часть неизбежно вырвется из наших сетей и прорвется к берегу.

— Тули прав, — сказала Барни. Она обернулась к Тэду: — Мы должны быть предельно осторожны, особенно перед газетчиками.

— Если бы мы были осторожны, — возразил Тэд, — нас бы не было сейчас в этом самолете.

Пресс-конференция проходила в одном из роскошных отелей в Майами-Бич. Банкетный зал был переполнен, и от света телевизионных купитеров было нестерпимо жарко. Мы все нервничали.

Руководитель местного Бюро прогнозов представил нас в длинной и утомительной речи.

— Талантливые молодые люди... смелые новые идеи... молодость дерзает... — бубнил он.

Тэд ерзал на своем стуле и был похож на грозное облако, опасное и неудержимое.

Когда вступительный панегирик был наконец завершен, слово взял доктор Вейс. В хорошо продуманных выражениях он рассказал об ураганах, которые обрушились в прошлом году на Соединенные Штаты Америки, и напомнил о миллиардных убытках, которые они нанесли стране. (Пока он говорил, множество туристов толпилось в аэропортах и на вокзалах Флориды, покидая побережье в поисках более безопасных мест отдыха до конца сезона ураганов.)

— Если нам удастся остановить хотя бы один ураган, прежде чем он обрушится на побережье, — продолжал доктор Вейс, — экономия, которую мы по-

лучим, не говоря уж о человеческих жизнях, полностью окупит стоимость всего проекта «Контур».

Подробно рассмотрев структуру проекта и воздав должное усилиям Комитета по охране окружающей среды, министерству обороны, береговой охране, конгрессу и всем правительственным организациям, которые имели хоть малейшее отношение к программе (он даже упомянул о лаборатории «Эол»), доктор Вейс предложил корреспондентам задавать вопросы.

Вопросов оказалось множество. Уже через несколько минут журналисты сообразили, что ключ к сенсации находится в руках Тэда, и все свое внимание сосредоточили на нем. Наконец кто-то из репортеров спросил:

— В прошлом предпринималось немало попыток воздействовать на погоду. Но, насколько мне известно, это первое значительное начинание такого рода, поддержанное правительством, не так ли?

Доктор Вейс взял микрофон и поспешил ответить раньше, чем это сделает Тэд.

— Проект «Контур», — сказал он, — не является программой по управлению погодой. Это только эксперимент, и эксперимент ограниченный, несмотря на свои масштабы. Проект направлен на то, чтобы воздействовать на тропические возмущения, которые могут перерасти в разрушительные ураганы и представлять угрозу для населенных районов. Именно на это, и ни на что большее. Ни один другой аспект управления погодой затронут не будет, и наши эксперименты никоим образом не направлены на исправление погоды, даже при самом бурном воображении.

Тэд посмотрел через весь длинный стол на советника президента по науке, а потом взял в руки стоявший перед ним микрофон.

— Правительство, — сказал он, — не готово к управлению погодой. Во всяком случае пока. Большин-

ство из нас, сотрудников «Контура», рады были бы начать широкую кампанию в этом направлении. И я скажу вам, что подлинное управление погодой куда больше помогло бы бороться с ураганами, которые угрожают нашим берегам.

— Я не стал бы формулировать это положение таким образом, — вмешался доктор Вейс, постучав трубкой по столу. — Правильнее сказать, что проект «Контур» — волнующий и перспективный первый шаг к воздействию человека на климат. Но...

— Но нас ограничивают борьбой с возмущениями, пока они находятся в океане... и нам не доверяют изменить погоду над Соединенными Штатами.

Лицо доктора Вейса потемнело.

— Мы должны научиться ходить, прежде чем побежим, — сказал он резко. — Вы еще не доказали нам, что способны бороться с небольшими возмущениями. Если вам повезет и если вы проявите благоразумное терпение и выдержку, в свое время мы перейдем и к управлению погодой.

Тэд пожал плечами.

— Я полагаю, — сказал он, — что «свое время» должно наступить в этом году. Мы уже научились ходить. Мы можем пробежать столько, сколько нужно... если правительство разрешит нам это сделать.

Кто-то из журналистов крикнул:

— Мистер Маррет, после того как завершится сезон ураганов, скажем ко дню выборов, какими критериями вы будете оценивать успех вашей программы «Контур»?

Тэд на мгновение зажмурился, как человек, готовящийся прыгнуть с высоты.

— Если хоть какой-нибудь участок побережья Америки или островов Карибского моря подвергнется ущербу или хоть один человек погибнет в результате урагана, считайте, что проект «Контур» провалился.

Зал потрясенно замолчал.

Я почувствовал, как у меня по спине побежали мурашки. Ни один человек не может дать подобной гарантии. Тэд, сверкая глазами, оглядел всех сидящих за столом, как будто вызывая нас на возражения. Корреспонденты бросились к телефонам.

Заголовки вечерних газет четко подытожили его выступление.

**«НИ ОДИН УРАГАН НЕ ОБРУШИТСЯ НА
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ», — ПОКЛЯЛСЯ
РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОГРАММЫ «КОНТУР».**

Доктор Вейс кипел от ярости. Он поносил Тэда три часа кряду, прежде чем улетел в Вашингтон. Он угрожал закрыть весь проект или по крайней мере уволить Тэда и заменить его кем-нибудь еще. Но дело было сделано. Тэд упрямо стоял на своем:

— Я сказал правду. Мы здесь для того, чтобы остановить ураганы. Не важно, сколько мы их остановим, но если хоть один из них прорвется, все будут считать нас мошенниками и неудачниками. Ни один человек не будет удовлетворен проектом «Контур», если он окажется бессильным контролировать все ураганы. Если один шторм прорвется к берегу, считайте, что нам конец. И зачем это скрывать?

Нам ничего не оставалось делать, как вернуться к работе. Мы обосновались в сборном доме, выделенном военными моряками, на берегу. Но обещание Тэда повисло над нами дамокловым мечом.

В конце июля сформировался первый ураган.

В полутора тысячах миль к востоку от Флориды и в двухстах футах под поверхностью моря стая бонито, по многочисленности не уступающая населению Майами, внезапно бросилась в сторону от какого-то угрожающего тела, несущегося к ней. Подводная лодка,

размерами с кашалота и даже голубого кита, скользила в темной, кишасей жизнью воде, периодически забирая пробы и каждые полчаса докладывая об их температуре в штаб «Контура». Автоматический наблюдательный самолет «Дромедар» кружил над центром Атлантики, непрерывно измеряя атмосферные условия и передавая информацию в тот же штаб. Пути самолета и подводной лодки пересеклись. Техник в вычислительном центре «Контура» с интересом следил за тем, как заработал один из больших компьютеров. Он бросил взгляд на символы и цифры, появившиеся на ленте, и тут же протянул руку к телефонной трубке. Провал в зоне низкого давления, куда стекался холодный воздух, столб теплого воздуха, поднимающийся в центре этого провала к тропопаузе, неожиданное волнение в море... Все говорило о рождении урагана.

Мы называли наш первый ураган «Андреа». Он остался в центре океана, так что мы даже не пытались на него воздействовать. Но этот ураган стал для нас живой лабораторией: мы поминутно следили за его движением и загнали в него несколько самолетов с тем, чтобы зарегистрировать каждую деталь его формирования. «Андреа» прошел неподалеку от Бермудских островов, но благодаря нашему своевременному предупреждению жителям удалось свести потери от него к минимуму.

Ураган «Беттина» возник сразу же после «Андреа», буквально за сутки сформировавшись над Карибским морем. Мы перехватили его вовремя — правда, еле успели — и сумели свести к незначительному тропическому шторму. «Беттина» так и не набрала силу настоящего урагана, хотя и натворила немало бед порывами ветра и сильными ливнями.

— Плохо, — заметил Тэд, обозревая результаты нашей работы с «Беттиной» на огромном экране, который занимал всю стену в центре управления «Контура». — Еще часа два и было бы поздно. Надо работать лучше.

Учиться приходилось на ходу. Пора ураганов была в разгаре, и нам доводилось иметь дело с десятками тропических возмущений. Мы оттачивали технику, тренировали сотрудников, поддерживая в них боевой дух. Доктор Вейс навевывался почти ежедневно, но нам-то времени на переживания не оставалось. Мы работали, ели, спали и снова принимались за работу. Время превратилось в туманную спираль, которая состояла из неустанных поисков, борьбы, уничтожения ураганов в их колыбели.

Лишь один Тэд вел себя странно. Он часто скрывался из нашей штаб-квартиры, и мне удавалось проследить его путь, регистрируя билеты на самолет и поезда: мыс Кеннеди, Бостон, Вашингтон, Канзас-Сити. Он даже умудрился провести субботу и воскресенье на Атлантическом спутнике наблюдения (что обошлось проекту «Контур» в пятнадцать тысяч долларов: орбитальные полеты до сих пор весьма дороги).

Но когда нам предстоял ответственный бой, Тэд всегда успевал вернуться и взять в свои руки бразды правления. Порой дело доходило до того, что он бежал к своему письменному столу с дорожной сумкой в одной руке и узлом грязного белья в другой, но с первым же выстрелом он всегда оказывался на боевом посту.

— Куда ты все едешь? — спросил я его как-то вечером. В центре Управления шла пересменка, и, пользуясь паузой, Барни, Тэд и я подкреплялись сэндвичами с содовой на его письменном столе.

— Встречаюсь с людьми, которые могут нам помочь, — сказал он, откусывая внушительный кусок.

— В Канзас-Сити?

Он усмехнулся.

— И в Канзас-Сити есть метеорологи.

— Не слишком ли это далеко от побережья? —

спросила Барни. Она была заинтригована не меньше меня.

— Послушайте, я же не о «Контуре» с этими людьми разговариваю! Я подготавливаю почву для работ над управлением погодой. Рано или поздно нам понадобятся все головы, все силы, которые мы сможем привлечь на свою сторону... когда мы начнем менять погоду по своему усмотрению по всей стране.

— Но ты не можешь начинать эти работы до тех пор, пока программа «Контур» не увенчается успехом, — сказал я.

— Так зачем же ждать? — отрезал Тэд. — Вейс и его комиссия не хотят спешить. Если наш проект провалится, мы все вернемся в лабораторию. Если «Контур» победит, знаете, что будет потом? — И прежде чем мы успели ответить, он продолжал: — Они потребуют, чтобы в будущем году мы ограничились повторением программы. И так из года в год. Разумеется, отвратить ураганы от побережья — это великолепно! Но не таким путем. Даже если он плодотворный. Моя ставка — на полное управление погодой, чего бы это мне ни стоило.

Барни бросила взгляд в мою сторону, потом сказала:

— Не понимаю, как твои поездки по стране могут помочь нам в этом, Тэд.

— Когда сезон ураганов кончится, я намерен ударить по Вейсу, Деннису и К°. Вот для чего я подбираю себе союзников отовсюду. Я хочу доказать Вашингтону, что за мной стоят внушительные силы.

— Но представь на минуту, что наша программа провалится? — спросил я. — Ведь достаточно одного паршивого урагана, чтобы все пошло насмарку.

— До сих пор ни один из них не прорвался к побережью.

— Самая страшная пора впереди, — сказала Барни.

— Я знаю. Но пока мы держимся. Тули и его помощники проводят для меня кое-какую подготовительную работу — небольшую по объему, я не отрываю людей от основного проекта. Но мы собираем данные относительно штормов и путей их следования — это поможет нам перейти в наступление на погоду. Чтобы не пускать ураганы к берегу, необходимо управлять погодой над всем континентом.

— Исследования по управлению погодой? — спросил я. — Если Вейс об этом узнает...

— А он и не узнает, если ты не расскажешь. Кстати, Барни, предоставь Тули все время на машине, которое ему потребуется.

— Наши компьютеры и так загружены двадцать четыре часа в сутки, — ответила Барни. — Надо будет занять у кого-нибудь из соседей.

— Хорошо, поищи, кто может нас облагодетельствовать. Но помни: люди Тули должны работать только на наших машинах — им нельзя выходить за рамки проекта.

— Тэд, это все мне не нравится, — сказал я. — В ближайшее время нас ожидают самые большие трудности. Тули предупредил, что не исключены ситуации, когда возникнет слишком много возмущений одновременно и мы попросту не сумеем со всеми справиться. Как показал опыт, больше двух-трех заданий в день мы выполнить не можем... у нас нет ни людей, ни оборудования. И в такой ответственный момент ты снимаешь с проекта самых ценных работников, чтобы они занимались исследованиями, вести которые мы не имеем права!

— Дружище, ты на чьей стороне? Мы ведем исследования по управлению погодой, это и есть наша главная цель. Это, а не возня с возмущениями. «Кон-

тур» — только капля в ведре с водой по сравнению с тем, что мы можем сделать в действительности.

— Но если в ведре не будет этой первой капли, что тогда?

Он нахмурился.

— Согласен, мы рискуем. Но давай рисковать по-крупному. Играем ва-банк.

Наверное, мы могли бы проспорить всю ночь напролет. Но мои аргументы не поколебали бы его ни на йоту. А тем временем над просторами Атлантики рождался самый главный аргумент.

Прошло еще несколько дней, прежде чем первые признаки начали вырисовываться на огромном экране в центре управления «Контура». Но когда мы наконец поняли, в чем дело, стало ясно, что нашим планам суждено погибнуть в вихрях невиданного по силе урагана.

17. Четыре урагана сразу

Карта-экран, занимавшая всю стену над столом Тэда, охватывала поле предстоящего сражения. В него входили вся Северная Америка и северные районы Атлантического океана, включая берега Европы и Африки. В последнюю декаду сентября мы обратили внимание на то, что по всему океану формируются возмущения. На большинство из них мы не отреагировали, поскольку они явно не представляли опасности. Одно возмущение превратилось в ураган, названный нами «Норой», который, к счастью, предпочел остаться в океане.

Но вот наступил тот роковой день, о котором предупреждал Тули.

Тэд собрал нас всех у себя. Карта-экран нависала

над нами. В центре Атлантики бушевал ураган «Нора», но, как уже говорилось, он нам ничем не грозил. Однако четыре других возмущения, означенные красными сигналами опасности, расположились вдоль пятнадцатой параллели от Антильских островов до островов Зеленого Мыса.

— Что мы видим? — говорил Тэд, нервно меряя комнату шагами. — «Нора» нам не угрожает, она даже не заденет Бермуды. Но эти четыре зверя наверняка на нас набросятся.

Тули покачал головой.

— Мы не сможем расправиться со всеми четырьмя сразу. Один из них, а то и два обязательно провуются.

Тэд бросил на него острый взгляд, затем обернулся ко мне.

— Как ты полагаешь, Джерри? Каковы наши возможности?

— Тули прав, — ответил я. — Самолеты и экипажи в последние две недели работают чуть ли не круглосуточно, и у нас просто...

— Оставь эмоции. Сколько возмущений мы сможем уничтожить?

Я пожал плечами.

— Два, в лучшем случае три, если бросим все силы...

Барни остановилась рядом со мной.

— Компьютер только что закончил анализ этих четырех возмущений, — сказала она. — Штормы угрожают восточному побережью. Два ближайших с вероятностью ноль целых восемь десятых наберут силу урагана. Два более отдаленных превратятся в ураганы с вероятностью в пятьдесят процентов.

— Итак, пятьдесят на пятьдесят для дальних двух, — подытожил Тэд. — Но у них будет достаточно времени развиваться. Завтра их шансы повысятся.

— И все-таки наиболее опасны два ближайших возмущения, — сказала Барни. — Все говорит за то, что они станут ураганами и обрушатся на нас.

— Всех нам не остановить, — сказал Тули. — Что будем делать, Тэд?

Прежде чем Тэд успел ответить, раздался звонок видеофона. Тэд протянул руку через стол и нажал кнопку.

— Вас вызывает доктор Вейс из Вашингтона, — сказала телефонистка.

Тэд поморщился.

— Хорошо, соедините меня с ним.

Он уселся в кресло и жестом приказал нам возвращаться на свои места. На экране показалось взволнованное лицо Вейса.

— Я только что видел утренние прогнозы, — сказал он, не тратя времени на приветствия. — Судя по всему, вам грозят неприятности.

— Мы заняты по горло, — спокойно ответил Тэд.

Я направился в свой кабинет. Вдогонку мне несся более резкий, чем обычно, голос доктора Вейса.

— Оппозиция сделала проект «Контур» политическим козырем, а до выборов осталось меньше шести недель. Если бы вы не уверили газетчиков, что сможете остановить любой ураган...

Слова советника президента по науке растворились в гомоне, который наполнял огромное помещение центра управления, занимавшего весь второй этаж нашего административного здания. В комнате царило настоящее вавилонское столпотворение: все смешалось — люди, столы, вычислительные машины, конструкторские доски, шкафы, телетайпы, экраны и бесконечные кипы бумаг. И над всем этим господствовала громадная карта-экран. Я с трудом пробрался сквозь этот бедлам и оказался в огороженном стеклом закутке.

Я закрыл дверь, стало потише. На стене висели видеофонные экраны, а половину стола занимал селектор, который позволял мне мгновенно связаться со станциями поддержки «Контура», которые тянулись от Нового Орлеана по всему побережью, а также с Атлантической орбитальной станцией, находившейся на орбите на высоте двадцати трех тысяч миль над устьем Амазонки.

Я взглянул на экран и увидел, что Тэд все еще говорит с Вейсом. У меня была куча работы. Я начал набирать номера на селекторе, связываясь с морскими и военно-воздушными базами, которые сотрудничали с нами, чтобы предупредить их об урагане и о масштабах угрозы.

Тэд наконец закончил разговор. К нему подошла Барни со стопкой перфорированных лент в руках — видимо, принесла результаты анализа рождавшегося урагана. Как только выдалась свободная минута, я поспешил присоединиться к ним.

— Дело в том, — говорил Тэд, — что если оставить в покое два дальних возмущения, за ночь они разовьются в настоящие ураганы. Сейчас мы еще можем уничтожить их без особых трудов, завтра нам с ними не справиться.

— То же можно сказать и о двух ближайших, — сказала Барни. — Но они ближе к нам и уже активно развиваются.

— Один из ураганов придется пропустить. А вот первый, что подходит к Наветренным островам, слишком близок, его пропустить невозможно. Так что мы ударим по первому, пропустим второй и ликвидируем третий и четвертый.

Барни сняла очки.

— Ничего из этого не выйдет, Тэд, — сказала она. — Если мы сейчас же не остановим второе возмущение, завтра будет...

— Завтра будет не возмущение, а солидный ураган. Я знаю, — ответил Тэд. — Но если мы бросим на него все силы, третье и четвертое возмущения останутся без присмотра. За ночь они разовьются, и нам придется уже бороться с двумя чудовищами.

— Но этот...

— Есть надежда, что, если мы собьем первое возмущение, второе изменит курс и останется в море.

— Надежда столь шаткая, что рассчитывать на нее нельзя. Компьютер показывает...

— Согласен, шанс невелик. Но у нас ничего другого нет.

— Неужели больше ничего нельзя сделать? — спросила Барни в отчаянии. — Если ураган доберется до берега...

— Я думаю, Вейс уже просматривает свою почту, разыскивая мое заявление об отставке, — сказал Тэд. — Признаю, мы попали в беду. И все же лучше в этой ситуации ударить по первому возмущению, пропустить второе, уничтожить третье и четвертое, прежде чем они начнут месить воду.

Барни задумчиво перебирала листки с расчетами.

— Все это значит, — сказала она, — что через двадцать четыре часа сильный ураган приблизится к побережью Флориды.

— Хватит! — взорвался Тэд. — Мы можем сидеть здесь и обсасывать эту проблему до ночи, пока все возмущения не превратятся в ураганы. Пора действовать. Джерри, ты меня слышал? Поднимай самолеты.

Я бросился к себе и дал приказ на взлет.

Через несколько минут в мой кабинет пришла Барни. Остановившись в дверях, она негромко произнесла:

— И зачем только он взял на себя ответственность за проект? Он же отлично знает, что это дале-

ко не лучший способ борьбы с ураганами. Слишком рискованно и слишком расточительно. Мы сами себя загоняем в тупик... Мы не выдержим.

— Экипажи самолетов тоже не выдержат, — ответил я. — А еще не наступил пик.

— Так какого черта он убедил журналистов, что в первый же год мы достигнем стопроцентного результата?!

— Да потому что он Тэд Маррет. Он не только полагает, что способен управлять погодой, но уверен, что она у него в кармане.

— Он не имеет права совершать ошибок, — сказала Барни. — Если шторм обрушится на берег и если проект закроют... Ты понимаешь, что это для него означает?

— А для тебя? — спросил я.

Она покачала головой.

— Не знаю, Джерри. Но очень боюсь, что через день-два мы все это узнаем.

Тропические штормы возникают из кажущейся ничтожной разницы температур. Разница в шесть градусов на площади в несколько сотен миль способна завести гигантский двигатель урагана. Метод Тэда по ликвидации тропических возмущений как раз и основывался на том, чтобы сгладить разницу в температурах между сердцевинной возмущения и периферией.

Ближайшее к нам возмущение развивалось быстро. К тому времени, когда над ним появились самолеты, оно уже миновало Наветренные острова и ворвалось в Карибское море. Центром возмущения был столб теплого воздуха, поднимавшийся от поверхности моря до тропопаузы, то есть на высоту десять

милей. Вокруг столба крутился относительно более прохладный воздух, опускавшийся к морю в зону низкого давления.

Если такое возмущение предоставить самому себе, оно начнет впитывать влагу из океана и конденсировать ее в дождь. Тепло, освободившееся в результате выпадения дождя, будет способствовать усилению ветра. Возникнет замкнутый цикл: ветры впитывают влагу, водяные пары конденсируются в дождь, а тепло, выделяемое при этом, усиливает ветры. Наконец, когда шторм достигает определенной интенсивности, центростремительные силы начинают засасывать воздух с очень больших высот. Этот холодный воздух сжимается и нагревается по мере того, как опускается вниз, а затем переходит в массивную стену облаков, которая формируется вокруг сердцевины шторма, известной под названием «глаз урагана». Высвобождаются тысячи мегатонн энергии, которые уже не поддаются никаким мерам воздействия. Не остановить ураган на этой стадии и проекту «Контур».

Наша задача заключалась в том, чтобы разорвать этот цикл, прежде чем он породит ураган. С этой целью надо было нагреть воздух, устремляющийся в возмущение, и охлаждать столб в центре до тех пор, пока температуры в этой системе не сравняются. Тепловой двигатель, различные части которого имеют одну и ту же температуру, попросту не способен функционировать.

Пока я давал указания для трех отдельных операций, в дверь заглянул Тули.

— Я полетел взглянуть на дракона вблизи, — сообщил он мне, взволнованно улыбаясь.

— На какого из драконов?

— На дракона номер один. Он уже над Карибским морем.

— Желаю успеха. Принеси мне его уши.

Он кивнул и исчез, а я еще долго смотрел вслед этому темнокожему круглолицему Георгию Победоносцу, который отправился на поединок с самым страшным змием из всех, что угрожали человечеству.

После того как я отдал распоряжения, лазерные батареи на борту орбитальной станции в Атлантическом океане начали накачивать энергией северную окраину рождающегося шторма. Лазеры были того же типа, что и установленные на недавно запущенных спутниках ВВС. Их удалось переправить на Атлантическую орбитальную станцию по настоянию Тэда и при поддержке доктора Вейса и президента. К этим лазерам допускались лишь специально подготовленные техники ВВС. Та часть орбитальной станции, где они находились, была отделена от прочих помещений и усиленно охранялась, что осложняло действия ученых.

С десятка аэродромов ввысь устремились самолеты, которые кружили над северным краем возмущения, засеивая воздух вызывающими дождь кристаллами.

— Приходится засеивать по несколько часов подряд, — как-то сказал мне Тэд. — Ошибка наших предшественников заключалась в том, что они разочаровывались прежде, чем можно было ожидать результатов.

Я наблюдал за возмущением над Карибским морем. Оно представляло самую близкую и реальную опасность. Радиолокационное изображение на экране позволяло видеть, как растут и распространяются дождевые облака, заволакивая все более обширную область. По мере того как водяные пары в засеянном кристалликами воздухе превращались в капли дождя, температура воздуха несколько поднималась. Лазеры с орбитальной станции в свою очередь помогали

нагревать воздух в самом возмущении и тем самым нарушали циркуляцию энергии в нем.

На первый взгляд, могло показаться, что мы только усиливаем возмущение. Но Тэд и его помощники точно вычислили энергетический баланс зарождающегося урагана. Они знали свое дело. Что, впрочем, не развеяло моей тревоги.

Тули вылетел на бомбардировщике ВВС, входящем в число тех двух звеньев самолетов, которые приближались к возмущению на различных высотах. Они врывались в столб теплого воздуха и одновременно начинали сбрасывать в него тонны жидкого азота.

Картина атаки выглядела очень внушительно. На телевизионных экранах рядом с картой видно было, как все происходит. Громадные белые шлейфы развевались за каждым самолетом по мере того, как жидкий азот мгновенно замораживал водяные пары в теплом воздушном столбе. Казалось, будто космический ветер ворвался в теплый воздух Земли. Азот быстро испарялся, поглощая огромные количества тепла. Большая часть замерзших частиц воды снова испарялась, но, как показывали радиолокаторы, какое-то количество водяных паров конденсировалось и выпадало в виде дождя.

Я подошел к столу Тэда, чтобы проверить результаты атаки.

— Вроде бы все идет нормально, — говорил Тэд в телефон.

Телетайп, стоявший у стола, пробудился к жизни и начал печатать доклады с самолетов наблюдения, которые следовали за бомбардировщиками.

Тэд наклонился над цифрами.

— Сердцевина разбита, — сказал он. — Так что если она не образуется снова, мы можем вычеркнуть возмущение номер один.

Но только вечером об этом можно было говорить наверняка. Источник энергии возмущения — разницу температур входящих в возмущение масс — удалось у него отобрать. На карте-экране образовался большой узел концентрических изобар неправильной формы, словно нарисованный ребенком бычий глаз с красной буквой «Г», указывающей на центр зоны низкого давления к северу от Ямайки. Цифры на экране указывали, что давление в центре возмущения стоит у отметки 990 миллибар — далеко от показаний, характерных для настоящего урагана. Скорость ветра, достигшая ста пятидесяти миль в час, постепенно спадала. Из Кингстона и Гуантанамо сообщили о средней силы дождях, а над Санто-Доминго, в шестистах милях к востоку, небо уже прояснилось.

Возмущение вылилось в обычный небольшой тропический шторм, и он быстро сходил на нет. Два других возмущения, находившиеся далеко в океане, были полностью уничтожены. Самолеты возвращались на базы. Лазерные команды на орбитальной станции перезаряжали кассеты лазерных батарей.

— Может, дозаправить самолеты и отправить их в полет ночью? — спросил я Тэда. — Вдруг нам удастся настичь дракона номер два?

— Нет, — покачал головой Тэд. — Из этого ничего не выйдет. Погляди. — Он указал на карту-экран. — К тому времени, когда до возмущения доберутся самолеты, оно уже полностью наберет силу и станет могучим ураганом. Здесь мы бессильны.

18. „Омега“

В ту ночь никто из нас не сомкнул глаз. Мы оставались в центре управления и следили за тем, как развивается шторм, с помощью орбитальной станции. Когда стемнело, они вели наблюдения с помощью инфракрасных камер, отчего изображение казалось размытым и потусторонним. Но все же нам удалось рассмотреть широкую спираль облаков, протянувшуюся в океане на четыреста с лишним миль.

Никто из сотрудников не покидал центра управления, но казалось, что обширная комната почти пуста — так молчаливы все были. Даже треск вычислительных машин и телетайпов стих. Цифры на экранах свидетельствовали о непрерывном ухудшении картины. Давление падало: 980... 975... 965 миллибар, зато скорость ветра увеличивалась и вскоре поднялась со ста десяти до двухсот миль в час. К десяти часам вечера на наших глазах сформировался самый настоящий ураган.

Тэд набрал на пульте название урагана: «Омега».

— Так или иначе, эта девица покончит с «Контуром», — произнес он устало.

Над верхним обрезом экрана загорелись буквы.

В дальнем конце зала одна из девушек вдруг заплакала.

Всю ночь «Омега» набирала размеры и силу. Огромная масса облаков поднималась от поверхности океана на высоту шестидесяти тысяч футов и отдавала ежечасно два дюйма ливневых осадков над площадью в триста тысяч квадратных миль. Атмосферное давление внутри урагана упало до 950 миллибар, а скорость ветра в центре достигла уже четырехсот миль в час и все росла.

— Мне кажется, что «Омега» живая, — прошеп-

тал Тули, глядя на экран. — Она растёт, она жрёт, она двигается.

В два часа ночи по местному времени над ураганом «Омега» забрезжил рассвет. Шесть триллионов тонн воздушной массы с энергией, большей чем у ста водородных бомб, двигатель невообразимых размеров и мощности неся к берегу, к цивилизации, к нам.

Волны, поднятые яростью «Омеги», распространялись по всему Атлантическому океану, и вскоре они ударят высокими валами по берегам четырех континентов. Шторм засасывал птиц и трепал их до тех пор, пока они в изнеможении не падали вниз — птицы инстинктивно пытались прорваться к глазу урагана, где воздух был чист и спокоен. Грузовой теплоход на пути из Нью-Йорка в Кейптаун, в пятистах милях от центра «Омеги», подавал отчаянные сигналы бедствия — его заливали гигантские водяные горы и помпы не справлялись с течью. А «Омега» двигалась вперед, каждые пятнадцать минут высвобождая энергию, равную энергии взрыва десятимегатонной бомбы.

Мы наблюдали за разбушевавшейся стихией, мы слушали, мы были потрясены.

Перед лицом неукротимого врага все мы, включая Тэда, чувствовали себя совершенно бессильными.

Вначале глаз «Омеги», наблюдаемый камерами орбитальной станции, имел неясные очертания и все время передвигался, прикрытый перистыми облаками. Но вот он наконец сформировался и открылся в виде столба чистого воздуха — могучего столба в самом сердце урагана, якоря, вокруг которого яростные ветры вели свой бешеный смертоносный хоровод.

Барни, Тули и я сидели вокруг стола Тэда, время от времени отрывая взгляд от экрана, чтобы взглянуть на него. Он мрачнел с каждым новым порывом ветра. Мы не заметили, как занялось утро, пока нам

не позвонил доктор Вейс. Даже на экране видеофона было видно, как он осунулся.

— Я всю ночь следил за штормом, — сказал он. — Несколько минут назад мне позвонил президент. Его интересует, что вы намерены предпринять.

Тэд потер красные глаза.

— Нам его не уничтожить, — сказал он. — Как бы вам этого ни хотелось. Ураган слишком силен. Это все равно что остановить лесной пожар одним ведром воды.

— Так делайте что-то! — закричал Вейс. — Вся наша репутация зависит сейчас от этого шторма. Неужели вы этого не понимаете? И ваша репутация, и моя, и даже самого президента! Не говоря уж о будущих исследованиях по управлению погодой в нашей стране.

— Я вам еще в марте говорил, — возразил Тэд, — что «Контур» — это тупиковый путь, и он не спасет нас от ураганов...

— Да, но в июле вы заявили журналистам, что ни один ураган не обрушится на Соединенные Штаты Америки! И вместо того, чтобы заниматься наукой, вы превратили ураганы в политическую игру.

Тэд покачал головой:

— Мы сделали все от нас зависящее, — устало сказал он.

— А вам надо было сделать больше! Можете вы попытаться изменить направление урагана и отвести его от побережья?

— Вы имеете в виду изменение климатических условий? — Тэд сразу оживился. — Взяться за погоду над всей страной?

— Я говорю не об управлении погодой! Во всяком случае, не над Соединенными Штатами, — резко ответил доктор Вейс. — Но вы можете делать любые эксперименты над океаном.

— Ничего из этого не выйдет, — ответил Тэд. — Мы сможем слегка сбить его с пути, но он все равно ударит по побережью. К тому же это настолько запутает наши расчеты, что мы уже не будем знать, куда ударит ураган.

— Но вы обязаны что-то сделать! Нельзя же сидеть сложа руки и ждать, пока произойдет непоправимое! Тэд, до сих пор я не вмешивался в ваше руководство проектом «Контур», но теперь я приказываю вам сделать все от вас зависящее, чтобы отвести удар урагана от берега. Если даже из этого ничего не выйдет, мы, как говорится, хотя бы умрем с оружием в руках. А если нам повезет, мы что-нибудь и спасем.

— Пустая трата времени, — проворчал Тэд.

Мне показалось, что Вейс на миг в отчаянии протянул вперед руки, но тут же овладел собой и только тихо произнес:

— И все-таки постарайтесь. Может быть, нам повезет...

— Будь по-вашему, — вяло согласился Тэд, — вы — начальник.

Экран видеофона потемнел. Тэд поглядел на нас.

— Вы все слышали, что он говорил, — сказал он. — Придется умирать, сражаясь.

— Но мы ничего не можем поделать, — сказал Тули. — Это выше наших сил.

— Ничего не значит. Вейс старается спасти свою репутацию. Пора бы разбираться в людях, дружище.

Барни взглянула на экран. Ураган находился к северо-востоку от Пуэрто-Рико и двигался к Флориде.

— Почему ты не сказал ему правды? — спросила она Тэда. — Ты же знаешь, что мы никак не можем повлиять на движение «Омеги». Даже если бы нам разрешили воздействовать на погоду над всей страной, мы не можем гарантировать, что спасем побережье. Ты не должен был ничего...

— Не должен был чего? — рявкнул Тэд. — Не должен был соглашаться на проект «Контур», когда мне предложили это Вейс с президентом? Не должен был говорить журналистам о том, что мы справимся со всеми ураганами? Не должен был говорить Вейсу, что нам не свернуть «Омегу» с ее пути? Я все это сделал, и сделал бы снова. Лучше делать что-то, даже если это не оптимальное решение. Надо всегда двигаться вперед. Стоит нам остановиться — и мы погибли.

— Но почему же, — в голосе Барни прозвучала мольба, — почему ты дал то безрассудное обещание газетчикам?

Он нахмурился скорее в ответ на собственные мысли.

— Откуда мне знать? Может быть, потому что Вейс так уверенно красовался перед камерами. Он чувствовал себя хозяином положения. Может быть, я такой идиот, что и в самом деле решил, будто нам удастся пройти весь сезон ураганов без ошибок. Может быть, я просто псих. На меня иногда нападает. Ей-богу, не знаю.

— Что же теперь делать? — спросил я.

Он покосился на экран.

— Попробуем сдвинуть «Омегу», попробуем спасти драгоценную репутацию Вейса.

Он показал на точку на экране в нескольких сотнях миль к северу от движущегося урагана:

— Там дрейфует сонарная установка ВМФ. Попробую слетать туда и поглядеть на наше чудовище вблизи.

— Но это же опасно! — сказала Барни.

Тэд развел руками.

— Тэд, нельзя руководить операцией из океана, — сказал я.

— Со станции удобно наблюдать шторм... во всяком случае его периферию. Может быть, удастся проскочить сквозь ураган на самолете. А то я все лето борюсь с ураганами, а ни одного вблизи не видел. Кроме того, та станция — часть противолодочной сети предупреждения ВМФ, там до черта оборудования. Я буду с вами на связи постоянно. Так что не волнуйтесь.

— Но если ураган подойдет к станции...

— Чему быть, того не миновать. В любом случае он собирается с нами покончить.

Он повернулся и быстро вышел из зала. Мы смотрели ему вслед.

Барни беспомощно взглянула на меня.

— Джерри, он думает, что мы его виним за все. Его надо остановить!

— Его сейчас ничто не остановит. И ты это знаешь. Если он твердо решил...

— Тогда я лечу с ним, — вскочила она со стула. Я схватил ее за руку.

— Нет, Джерри, — сказала она. — Я не могу отпустить его одного.

— Ты боишься опасности, которая ему угрожает, или не хочешь остаться одна?

— Джерри, в таком состоянии... он совершенно неспособен думать о себе...

— Хорошо, — сказал я, стараясь ее успокоить. — Хорошо. Я сам с ним полечу. И я сделаю все, чтобы он не промочил свои драгоценные ножки.

— Но я не хочу ни одного из вас подвергать опасности!

— Я знаю, и потому позабочусь о нем.

Она подняла на меня влажные серо-зеленые глаза.

— Джерри... ты не позволишь ему сделать какую-нибудь глупость?

— Ты меня знаешь. Я далеко не герой.

— Нет, ты герой, — сказала она. И я почувствовал, как у меня внутри взыграла отвага.

Я оставил Барни и Тули в помещении, а сам бросился к стоянке машин. Яркий солнечный свет снаружи удивил меня. Было душно и влажно, хотя день только недавно занялся.

Я догнал Тэда, когда он садился в одну из наших машин.

— Такая наземная крыса, как ты, не имеет права в одиночку выходить в океан, — сказал я.

Он усмехнулся:

— Тогда лезь на борт, старый морской волк.

Бриз стих. Мы мчались по набережной Майами-Бич и явственно ощущали, как тяжел и неподвижен воздух. Небо было белесым, вода зеркально спокойна. Старожилы на набережной, у рыбацких причалов, поглядывали на горизонт и многозначительно качали головой. Они-то знали, что надвигается на город.

Необыкновенный цвет воды, очертания облаков, появление акул вблизи берега, отчаянные круги морских птиц — все это было зловещим предзнаменованием.

Надвигался ураган.

Большую часть пути мы проспали. Самолет ВМФ мягко опустился на покатые волны возле станции, и посланный оттуда вертолет перенес нас на борт корабля.

Корабль был такого же типа, как и глубоководные драги компании «Торнтон пасифик». Но для наблюдения за подводными лодками оборудование было заменено фантастическим набором радиолокаторов и антенн связи.

— Вниз спускаться не рекомендуется, — сказал крепыш-лейтенант, который встретил нас на палубе.

Когда мы шли от вертолетной площадки к мостику, он добавил:

— Эта посудина — плавучий сонар. Все, что находится под палубой, засекречено, кроме камбуза. Но кок даже меня к себе в хозяйство не пропустит.

Он засмеялся собственной шутке. Лейтенант был добродушный круглолицый северянин, примерно нашего возраста, с квадратным подбородком и широкими плечами — такие обычно остаются на флоте до старости.

Мы поднялись по трапу на мостик.

— Мы здесь стоим на якорях и специальных тро-сах, — сказал лейтенант. — Так что мостик используется не для управления кораблем, а скорее для связи.

Оглядевшись, мы поняли, что он имел в виду. Передняя часть мостика была буквально напичкана экранами, перехватчиками и электронным оборудованием.

— Я полагаю, вам не составит большого труда следить за ураганом, — сказал лейтенант, с гордостью обозревая свое хозяйство.

— Если мы не сумеем этого сделать, — согласился Тэд, — в том не будет вашей вины.

Лейтенант познакомил нас с главным связистом. Это был невысокий моряк, лишь недавно получивший диплом инженера и проходивший двухгодичную действительную службу на флоте. Через несколько минут мы уже разговаривали с Тули, который оставался в штаб-квартире «Контура».

— Судя по всему, «Омега» немного сбавила скорость, — сообщил Тули. Его широкое бесстрастное лицо было обрамлено рамкой экрана. — Сейчас ураган примерно на полпути между вами и Пуэрто-Рико.

— И все набирает силу, — пробормотал Тэд.

Компьютеры «Контура» передали информацию в вычислительный центр корабля, и вскоре перед нашими глазами загорелась миниатюрная копия карты-схемы, висевшей у Тэда в кабинете.

Тэд рассматривал карту, бормоча что-то себе под нос. Потом сказал:

— Если бы мы смогли подкинуть в чрево «Омеги» немного теплой воды и предложить ей прямой путь к Гольфстриму... глядишь, она и не заденет побережье.

Лейтенант, сидя на откидном стуле, молча прислушивался к разговору.

— Но это всего лишь надежды, — сказал Тэд. — Самый быстрый путь — создать зону высокого давления к северу от урагана, заставить «Омегу» двинуться севернее...

Обсуждение проблем с Тули заняло не меньше часа. Во время разговора Тэд то и дело крутился на стуле, который стоял возле стола с картами. В люке мостика показался кок — он принес поднос с сэндвичами и кофейник. Тэд рассеянно взял сэндвич и налил чашку кофе, не прерывая разговора.

Наконец он обернулся к карте.

— Договорились. Мы постараемся усилить зону низкого давления у Лонг-Айленда с тем, чтобы прервать ее в шторм.

Тули кивнул, но без особого энтузиазма.

— Пусть Барни проверит эту идею на компьютере. Да, и вызывай поскорее самолеты. Даже не дожидаясь результатов компьютера. Мы должны ударить, пока «Омега» не разогналась. В противном случае... — Голос Тэда прервался.

— Но учти, — сказал Тули, — мы наносим удар вслепую.

— Знаю. А ты можешь предложить что-нибудь лучше?

Тули молча пожал плечами.

— Тогда вызывай самолеты, — повторил Тэд и обернулся ко мне: — Джерри, мы согласовали план сражения. Тули изложит тебе все детали.

Наступила моя очередь действовать. Я провел

большую часть дня, раздобывая самолеты, распоряжаясь их загрузкой и посылая в точки, где им предстояло работать. И все это время не переставал проклипать себя за то, что согласился на эту добровольную ссылку посреди океана. Вся операция отняла бы у меня вдвое меньше времени, оставаясь я в Майами.

— Можешь мне об этом не говорить, — ответил Тэд, когда я высказал ему все свои соображения. — Согласен, идея прилететь сюда большой глубиной мысли не отличалась. Но пойми, мне в любом случае надо было вырваться из Майами, пока я там не рехнулся.

— Но какая польза от нас здесь? — спросил я.

Он ухватился за леер и устремил взор вдаль.

— Мы можем руководить операцией отсюда, как и из любого иного места. Возможно, это будет посложнее, чем в Майами, но мы с тобой справимся. Если все пойдет так, как я задумал, «Омега» заденет нас своим краем. А мне бы этого хотелось. Хочется ощутить ураган, поглядеть на него вблизи. Право же, это лучше, чем сидеть в нашем чулане.

— А если вся операция провалится? Если ураган не пойдет в ту сторону, в какую нам бы хотелось?

Тэд отвернулся.

— Все может быть, — нехотя сказал он.

— Тогда мы вообще окажемся в стороне от событий.

— И это возможно. Но не исключено, что ураган пожалует прямо сюда и свалится нам на шею.

— Ты думаешь, «Омега» может... что мы попадем в центр урагана?

— Все может быть, — повторил он легко. — Лучше поспи, пока есть возможность. Потом времени на это не будет.

Нас провели в маленькую каюту с двумя койками. Часть команды корабля находилась в увольнении, и

нам досталась свободная каюта. Я пытался заснуть, но тщетно — так и проворочался без сна весь вечер. Когда совсем стемнело, Тэд поднялся на мостик. Вскоре и я последовал за ним.

— Видите эти облака на юге, над горизонтом? — объяснял Тэд лейтенанту, когда я появился на мостике. — Это «Омега». Самый ее краешек.

Я связался со штабом «Контура». Как и предусматривалось планом, самолеты засеяли зону низкого давления у Лонг-Айленда. Метеостанции вдоль побережья и автоматические приборы на спутниках и самолетах зарегистрировали образование небольшого шторма.

На экране появилось лицо Барни. Она казалась крайне взволнованной.

— Тэд здесь?

— Здесь, здесь, — он сделал шаг к экрану, чтобы она его увидела.

— Компьютер только что выдал результаты, — сказала Барни, убирая со лба непослушную прядь. — «Омега» свернет к северу, но ненадолго. Завтра рано утром ураган вновь двинется к американскому побережью. Через сорок восемь часов он ударит в районе между мысом Гаттерас и Вашингтоном.

Тэд свистнул.

— Но это еще не все. Путь урагана пройдет точно через ваш корабль. Вы попадете прямо в его сердцевину.

— Нам надо немедленно вылетать отсюда! — воскликнул я.

— Никакой спешки, — ответил Тэд. — Мы можем здесь переночевать. Я хочу проследить этапы образования урагана вблизи.

— Тэд, не делай глупостей, — сказала Барни, — это же опасно!

Он усмехнулся.

— Ревнуешь? Я только взгляну на эту красавицу и немедленно полечу домой, к тебе.

— Ты, упрямый... — Светлая прядь снова упала Барни на глаза, и она сердито откинула ее. — Тэд, ты ведешь себя как испорченный мальчишка. Да, я ревную! Я устала соревноваться со всей этой проклятой атмосферой. У тебя есть обязанности... Лучше возьми себя в руки и опомнись!

— Хорошо, хорошо. Мы вернемся завтра утром. Безопаснее лететь днем. «Омега» пока движется медленно. Времени у нас более чем достаточно.

— Недостаточно, если «Омега» прибавит скорость. Компьютер выдал информацию только на настоящий момент. Ураган может разогнаться быстрее, чем мы предполагаем.

— Мы вернемся в Майами, не волнуйся.

— А почему я должна волноваться? — спросила Барни. — Ты всего-навсего находишься в открытом океане, в шестистах милях от берега, на пути урагана.

— Всего час лета до дому, — добродушно ответил Тэд. — Ложись спать. Утром увидимся.

Ветер набирал силу, когда я вернулся в каюту. Корабль начало покачивать на волнах. Мне приходилось попадать в штормы и спать в куда худших условиях, поэтому непогода меня не беспокоила. Меня беспокоила мысль о надвигающемся урагане.

Тэд остался на палубе и наблюдал, как темнеет южная сторона неба. Он был похож на генерала, который с особым волнением, в предвкушении решительного боя, наблюдает за приближением противника, превосходящего по силе его войска. Я заснул, убеждая себя в том, что увезу отсюда Тэда, как только самолет сможет нас подобрать, даже если для этого мне придется заставить моряков заковать его в якорные цепи.

С утра пошел сильный дождь. Корабль неуклюже раскачивался на высоких волнах. Не без труда я добрался до трапа, ведущего на мостик. Палуба уходила из-под ног, и корабль кренился настолько, что я еле удерживался на ногах.

На мостике рев ветра был еще злее, и матрос помог мне надеть спасательный жилет. Я обратил внимание на опустевшую вертолетную площадку.

— Вертолет забрал большую часть команды час назад, — прокричал матрос мне в ухо. — Они направились навстречу самолету, который приводнится на западе, где волны потише. Когда вернется, заберет остальных.

Я кивком поблагодарил его.

— Какая красавица, ты только посмотри! — завопил Тэд, увидев меня на мостике. — Двигается куда быстрее, чем мы ожидали!

Я схватился за леер между ним и лейтенантом. С юга поднималась непроницаемая черная стена туч. Волны перекатывались через палубу, и дождь отчаянно стегал нас по лицу.

— А вертолет сможет нас подобрать? — стараясь перекрычать ветер, спросил я лейтенанта.

— Мы попадали и в худшие переделки, — крикнул он в ответ. — Но мне бы не хотелось задерживаться здесь больше часа.

К нам подошел связист.

— Вертолет вылетел. Будет здесь через десять пятнадцать минут.

Лейтенант кивнул.

— Пойду вперед, чтобы проследить, как вертолет закрепят на площадке. Вам, друзья, придется прыгать туда сразу, как он опустится.

— Мы будем готовы, — сказал я.

Когда лейтенант покинул мостик, я спросил Тэда:

— Ну и чего ты добился? Признаться, я предпо-
чел бы сейчас находиться в Майами.

— «Омега» — настоящее чудовище! — крикнул он. — Это совсем не то же, что наблюдать за ее продвижением на карте.

— Но зачем...

— Это наш враг, Джерри. И мы стараемся его побороть. Подумай сам, насколько нам будет легче жить, когда мы избавимся от ураганов!

— Если мы доживем до этого светлого часа.

Показался вертолет. Он с трудом пробивался сквозь разбушевавшийся ветер. Я, как зачарованный, с трепетом следил за его попытками снизиться. Вот он устремился к площадке, но его подхватил порыв бури и отбросил в сторону. Вертолет попытался снова приблизиться к кораблю и, наконец, дотронулся до качающейся палубы. Несколько матросов выскочили из укрытия и бросились к машине, стараясь зацепить ее крючьями и удержать на площадке. Огромная волна перекатилась через палубу, и один из матросов упал, не удержавшись на ногах. Только тут я заметил, что у всех были страховочные пояса.

Наконец им удалось спеленать вертолет.

Я обернулся к Тэду.

— Бежим, пока не поздно!

Мы устремились вниз по скользкому трапу на главную палубу. В ту же минуту новый мощный вал ударил о борт и чуть не повалил корабль на бок. Судно задрожало, и палуба вырвалась у нас из-под ног. Я упал на колени.

Тэд подхватил меня и помог подняться.

— Вставай, дружище! — крикнул он. — «Омега» пожаловала к нам в гости!

Новая волна с грохотом ударила о корабль, заливая палубу. Я едва успел схватиться за поручни, а когда протер глаза от соленой воды, то увидел, что

вертолет нелепо повалился набок и тросы отчаянно болтаются по ветру.

— Он сорвался!

Палуба снова рванулась из-под ног, и вертолет, ломая лопасти винта, рухнул на нее. Машина заскользила к борту и, подхваченная зеленой стеной пенящейся воды, взлетела вверх и рухнула за борт.

Стоя на четвереньках, промокший до нитки, избитый, как неудачливый боксер, я бессмысленно глядел, как наша единственная надежда на спасение исчезла в пучине океана.

19. Властелины погоды

Отчаянным усилием воли я поднялся на ноги. Корабль вновь содрогнулся и повернулся на сто семьдесят градусов. Волна ударила его с другого борта и перекатилась через палубу, покрыв ее кипящей водой, но корабль тут же поднял нос, вскарабкиваясь на волну, и на время палуба освободилась от воды и пены.

— «Омега» победила! — крикнул Тэд, стараясь перекрычать бурю. — Мы в ловушке!

Мы судорожно цеплялись за леер. Что творилось в океане — невозможно описать словами. Гигантские пенящиеся волны беспорядочно громоздились друг на друга, их верхушки срывал ветер, и брызги мешались со слепящим дождем.

Рядом с нами, перебирая руками по страховочному канату, возник лейтенант.

— Вы живы?

— Кости целы.

— Лучше поднимитесь на мостик! — крикнул он. Мы стояли чуть ли не нос к носу и все равно едва

слышали его голос. — Я получил приказ выбрать якоря и поднять пары. Надо попытаться уйти из-под удара собственным ходом. Если мы будем ждать, нас перевернет как скорлупку.

— Чем-нибудь вам помочь?

Он мрачно усмехнулся.

— В следующий раз, когда будете тешиться с ураганами, предупредите меня: я постараюсь остаться на берегу.

Мы проследовали за лейтенантом на мостик. Я чуть не свалился с трапа, но Тэд подхватил меня своей могучей рукой.

Мостик дрожал от ударов волн, брызги с палубы долетали даже сюда. Но, к моему удивлению, пульты связи уцелели. Карта все еще горела, и было видно, что «Омега» распространилась на весь экран, словно дракон, пожирающий море. Маленькая искорка, обозначающая наш корабль, оказалась внутри урагана.

Лейтенанту с огромными усилиями удалось добраться до селектора. Мы же с Тэдом едва удерживались на ногах.

— Заводи двигатели на всю катушку! — услышал я голос лейтенанта — он разговаривал с механиком. — А я брошу всех людей на помпы. Машины должны работать на полный ход. Если мы его потеряем, нам крышка.

Я понял, что он не шутит.

Лейтенант, с трудом удерживая равновесие, вернулся к нам и схватился за угол штурманского столика.

— Ваша карта точная? — крикнул он Тэду.

Тэд кивнул.

— С точностью до минуты. А что?

— Я попытаюсь рассчитать курс, который может нас отсюда вывести. Кораблю этой трепки долго не

выдержать. Мы забираем больше воды, чем успеваем откачивать. Машинное отделение заливает.

— Тогда держитесь курса на юго-запад, — что есть мочи крикнул Тэд. — Этот путь самый короткий.

— На юго-запад мы идти не можем, — крикнул лейтенант в ответ. — Волна будет бить в борт. Нас опрокинет!

— Не слышу!

— Он должен идти, разрезая волны! — крикнул я. — По ветру.

— Правильно! — крикнул лейтенант.

— Но тогда вы будете плыть наперегонки с ураганом и никогда из него не выветесь.

— Откуда нам знать, куда пойдет ураган. Он может и переменить направление.

— Ни в коем случае! — крикнул Тэд, тыча пальцем в экран. — Сейчас «Омега» движется на северо-запад и будет держаться этого курса весь день. Лучше всего прорываться к глазу урагана.

— Туда нам не добраться!

Тэд покачал головой.

— Вы никогда не выветесь из объятий урагана, если будете идти по ветру. Но если развить скорость узлов в пять, мы можем по спирали свернуть к глазу. Там спокойно.

Лейтенант посмотрел на экран.

— Вы уверены? Вы точно знаете, куда направляется ураган и с какой скоростью?

— Мы можем это проверить.

Мы срочно связались со штаб-квартирой «Контура» через Атлантическую орбитальную станцию. Барни была в панике, но мы быстро от нее отделались. Тули ответил на все наши вопросы и дал точный прогноз о направлении и скорости «Омеги».

Тэд спустился вниз с листками расчетов, чтобы

заложить их в компьютер корабля. Барни пробились к экрану видеофона.

— Джерри, как вы там?

— Бывает и хуже, но ничего, справимся. Кораблю ничего не угрожает, — сказал я.

— Ты в этом уверен?

— Разумеется. Тэд сейчас прокладывает со штурманом курс. Через несколько часов будем в Майами.

— У вас тут ужасно!

Еще одна гигантская волна перекатилась через палубу и обдала мостик брызгами.

— Погода и в самом деле не для пикника, — признался я. — Но мы держимся, так что тебе нет смысла волноваться.

«Держимся, — повторил я мысленно. — Мы напуганы до смерти».

Тэду все-таки удалось уговорить лейтенанта, и тот скрепя сердце согласился взять курс на глаз урагана. Выбора не было — или туда, или еще несколько часов такой качки, и корабль пойдет ко дну. Мы попросили Тули послать самолет к глазу урагана и постараться нас вытащить.

Время потеряло для нас значение. Промокшие до костей, оглушенные ветром, мы пробивались сквозь ревущий ад. Корабль содрогался от шквальных порывов, море под нами бесновалось. Кроме нас троих, на мостике никого больше не было. Все остальные члены команды — а их было немного — находились внизу, откачивая воду. Корабль двигался по курсу, который вычислили Тэд и лейтенант.

Вход в глаз урагана был подобен входу в дверь, ведущему из сумасшедшего дома в мирный садик. Еще минуто назад нас молотили гигантские волны и стегал безжалостный ветер, дождь хлестал с такой силой, что нельзя было различить с мостика нос корабля. И тут же сквозь облака проглянуло солнце, и

ветер сразу стих. И хотя волны продолжали свою бестолковую дикую пляску, мы наконец смогли поднять голову, не боясь сердитых брызг.

Над нами башнями поднимались облака, но этот клочок океана был сравнительно безопасен. Над кораблем кружились птицы, а высоко в небе мы увидели самолет вертикального взлета, посланный Тули. Самолет резко снизился и сразу опустился на вертолетную площадку, выпустив шасси. Хвост машины повис над волнами в том месте, откуда свалился за борт вертолет. Двигатели на крыльях продолжали работать, из них вырывались струи раскаленного газа, и нам пришлось пробираться под носом самолета и влезть внутрь через люк в фюзеляже.

Не успели мы разместиться в тесном чреве машины, как самолет резко взмыл вверх, двигатели перешли на горизонтальный полет, крылья отогнулись назад и уменьшились для сверхзвукового прыжка. Мы перевалили через облачный фронт, и в последний момент я оглянулся назад на маленькую полоску покинутого корабля. Лейтенант тоже прижался к иллюминатору.

— Мне очень жаль, что вы потеряли корабль, — сказал я.

— Что поделать, еще час в этом аду, и он так или иначе затонул бы, — ответил он тихо, но продолжал смотреть в иллюминатор до тех пор, пока корабль не скрылся за облаками.

Барни встречала нас на аэродроме ВМФ. Она привезла с собой сухую одежду, последние карты и прогнозы, относящиеся к «Омеге», а также неизрасходованный запас чувств. Мне никогда не забыть, как она бежала по летному полю, когда мы спускались по трапу. Она обхватила Тэда за шею, потом бросилась обнимать меня, затем снова кинулась к Тэду.

— Я так за вас обоих переживала!

Тэд засмеялся.

— Нас немножко помяло.

Почти час мы не могли выбраться с аэродрома. Морское начальство, репортеры, фотографы — все накинулись на нас, всем не терпелось услышать информацию из первых уст. Я всех отправлял к лейтенанту.

— Вот настоящий герой, — повторял я. — Без него мы все бы погибли.

Пока газетчики атаковали лейтенанта, нам с Тэдом удалось переодеться в офицерской гардеробной и проскользнуть к машине, где нас ждала Барни.

— Доктор Вейс весь день не давал нам покоя, — сказала она, когда шофер повернул машину к шоссе, ведущему к набережной и к штабу «Контура».

Тэд нахмурился и разложил на коленях листки с сообщениями об «Омеге».

Барни, которая сидела между нами, показала на последнюю схему.

— Вот путь урагана с вероятностью девяносто процентов. Плюс-минус два процента.

Тэд присвистнул.

— Так он ударит прямо по Вашингтону и всему побережью! «Омега» собирается угробить больше, чем несколько репутаций!

— Я сказала Вейсу, что ты свяжешься с ним, как только вернешься.

— Так и быть, — сказал Тэд, поморщившись. — Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше.

Я набрал номер советника президента по науке на табло машины. Секретарша сразу вызвала доктора Вейса, и на миниатюрном экране появилось его измученное лицо.

— Хотя вы в безопасности, — сказал он устало.

— Вы разочарованы?

— Судя по поведению урагана, один-два мученика нам бы не помешали.

— Попытка изменить направление «Омеги» ничего не дала, — сказал Тэд. — Единственное, что нам остается, это осуществить то, что следовало бы сделать с самого начала.

— Вы опять об управлении погодой? Категорически возражаю! Подвергнуться нападению урагана ужасно, слов нет, но, если вы испортите погоду над всей страной, каждый фермер, каждый отпускник, каждый мэр города, каждый губернатор и даже каждый дорожный полицейский будут жаждать нашей крови!

Тэд не сдавался:

— А что еще прикажете делать? Сидеть и ждать? Воздействие на погоду — последний шанс остановить это чудовище!

— Маррет, я почти убежден, что вы нарочно вызвали этот ураган, чтобы вынудить нас согласиться на вашу бредовую затею!

— Будь это в моих силах, я бы не сидел здесь и не спорил с вами.

— Возможно, возможно. Теперь выслушайте меня. Ни о каком изменении погоды не может быть и речи. Если уж нам суждено выдержать ураган, мы предпочтем ураган. Мы признаём, что поспешили с проектом «Контур» и переоценили свои силы. Мы снова начнем программу типа «Контур» в следующем году, но, разумеется, без всяких фанфар и барабанной трескотни. Вам придется пожить тихо в ближайшие годы, Маррет. Но по крайней мере вы сможете работать.

— Зачем же отступать, когда можно пойти вперед и остановить ураган! — упорствовал Тэд. — Мы ведь можем отогнать «Омегу» в море, я уверен, что можем.

— С таким же успехом, как вы ее недавно отклоняли? Сами еле живыми вывалились!

— Мы пытались подвинуть шесть триллионов тонн птичьим перышком. Я же говорю о подлинном влиянии на погоду по всему континенту. И это реально даже сейчас.

— Вы не в состоянии гарантировать успех, но, если бы вы и дали такую гарантию, Маррет, я бы вам не поверил. Так что прошу вас вернуться на место и не зарываться. Никто не мешает вам заняться поисками новых возмущений в океане, если таковые появятся. Но оставьте «Омегу» в покое. Вам это ясно? Если вы попытаетесь хоть близко подойти к этому урагану, я лично позабочусь о том, чтобы с вами было покончено. Раз и навсегда.

Доктор Вейс отключился. Экран потемнел, как и лицо Тэда. За всю дорогу до штаба он не промолвил ни слова. Он просто сидел, сгорбившись, уйдя в себя и глядя перед собой пустыми глазами.

Когда машина остановилась, он посмотрел на нас.

— Что вы сделаете, если я прикажу отогнать «Омегу» от берега?

— Но доктор Вейс сказал...

— Плевал я на то, что он сказал и что он сделает потом, когда мы остановим «Омегу»!

Барни обернулась ко мне.

— Тэд,— сказал я.— Я всегда могу вернуться на Гавайи и помочь папочке сколотить свой двадцатый миллион. Но что будет с тобой? Вейс может полностью загубить твою карьеру. А ты подумал о Барни и остальных сотрудниках проекта?

— Это я беру на себя. Вейсу плевать на сотрудников, а что он сделает со мной — мне все равно. Не могу же я сидеть тут, как осел, и позволить этому урагану делать, что он пожелает! У меня с «Омегой» свои счеты.

— Независимо от того, во что это тебе обойдется? Он мрачно кивнул:

— Несмотря ни на что. Ты со мной?

— Я, наверное, такой же псих, как и ты, — услышал я собственный ответ. — Я с тобой.

Мы вылезли из машины и бросились в центр управления. Сотрудники, завидя нас, выбежали нам навстречу. Тэд поднял руки, призывая к тишине.

— Слушайте все! Проекта «Контур» больше не существует. Теперь у нас есть настоящее дело — управление погодой. Мы с вами должны вытолкнуть ураган в море.

И тут же начал отдавать приказания, словно этот момент его жизни был им давно продуман и отрепетирован.

Когда я направился в свой кабинет, Барни тронула меня за рукав.

— Джерри, — сказала она, — что бы ни случилось потом, я хочу поблагодарить тебя за Тэда.

— Мы с тобой на одной веревочке, — ответил я. — И до преступления, и во время преступления, и даже после преступления.

Она улыбнулась.

— Как, по-твоему, мог бы ты с чистой совестью смотреть на облака в небе, если бы сейчас отступился от Тэда?

Прежде чем я придумал достойный ответ, она повернулась и убежала в вычислительный центр.

До того как «Омега» ударит по побережью штата Виргиния, а затем повернет на Чесапикский залив и двинется к Вашингтону, оставалось тридцать шесть часов. Тридцать шесть часов на то, чтобы изменить погоду над всем Североамериканским континентом.

Через три часа мы уже сидели за столом Тэда. Тэд сжимал в руке толстую пачку листов.

— Все не так плохо, как представлялось раньше, — сказал он, указывая на карту-экран. — В районе Великих озер находится отличная зона высокого

давления, воздух там холодный и сухой — чем не щит для восточного берега, если мы сможем его подтянуть поближе к океану? Тули, это твоя работа.

Тули кивнул. Глаза его загорелись.

— Барни, нам потребуются точнейшие прогнозы по всей стране, любой ценой, даже если для этого придется использовать все компьютеры в Бюро погоды.

— Хорошо, Тэд.

— Джерри, успех всего дела зависит от связи. Я должен постоянно находиться в контакте со всей страной. И нам потребуются самолеты, ракеты, возможно, даже пращи. Начинай, прежде чем Вейс сообразит, что к чему.

— А как насчет канадцев? Ведь мы повлияем и на их погоду.

— Свяжись с этим деятелем из госдепартамента и скажи, чтобы он попросил Бюро прогнозов Канады немедленно связаться с нами. Но не проговорись ему раньше времени.

— Вашингтон обязательно раскусит нашу игру. Это только вопрос времени, — сказал я.

— Бóльшая часть того, что мы собираемся сделать, должна быть сделана сегодня. К тому времени, когда они завтра проснутся, будет уже поздно вмешиваться.

К вечеру скорость ветра внутри «Омеги» поднялась до трехсот с лишним миль в час и продолжала расти. По мере того как ураган продвигался к берегу, ярость его могла соперничать с бешеной деятельностью, которая захватила всех нас. Мы забыли о еде и сне — мы только работали!

Несколько военных искусственных спутников, вооруженных лазерами, по приказу Тэда начали накачивать энергию в точно выбранные районы. Обслуживающий персонал спутников заранее знал о предстоя-

пцем сотрудничестве с проектом «Контур». Тэд и наши техники объяснили, что от них потребуется, еще до начала схватки с «Омегой». Поэтому сейчас все действовали четко и решительно, без излишней суеты. Эскадрильи самолетов с грузом реактивов поднялись в воздух и взяли курс на Лонг-Айленд, туда, где несколькими днями раньше Тэд вызвал небольшой шторм, пытаясь изменить направление «Омеги». Теперь он хотел еще больше понизить давление и таким образом создать нишу, в которую может хлынуть сухой прохладный воздух из района Великих озер.

— Понижая давление, мы тем самым подгоняем ураган, — заметил Тули.

— Знаю, — ответил Тэд. — Но я все-таки надеюсь сделать это быстрее. К тому же, чем больше скорость «Омеги», тем труднее ей усилить скорость ветра.

В десять часов вечера мы запросили специальные сведения из Национального метеоцентра в штате Мэриленд и вскоре получили ответ. Как показал анализ, нам придется несколько отклонить поток воздуха — в противном случае нарушится равновесие в высших слоях атмосферы по всей стране. Но как отклонить реку шириной в триста миль и глубиной в четыре мили, несущуюся со скоростью триста миль в час?

— Нам бы сюда бомбочку мегатонн эдак в сто, — задумчиво сказала Барни. — Взорвать бы ее на высоте пятнадцати миль над Солт-Лейк-Сити.

Тэд еле удержался от смеха.

— Начнем с того, что придется не меньше года обсуждать этот вопрос в различных международных комиссиях. Не говоря уж о реакции жителей штата Юта и всех городов к востоку от него.

— Что ты предлагаешь взамен?

Тэд схватил со стола кофейник и налил себе полную кружку дымящейся черной жидкости.

— Наш поток,— сказал он,— прослойка между полярной тропопаузой и тропопаузой средних широт. Если усилить массы арктического воздуха, то поток отклонится к югу...

Он прихлебнул горячего кофе и продолжал:

— Тули, мы и так уже сдвигаем зону высокого давления к югу от Великих озер. Что, если усилить приток холодного воздуха из Канады? Это поможет?

— У нас нет ни времени, ни оборудования, чтобы действовать в Канаде,— сказал я.— Кроме того, для этого требуется разрешение Оттавы.

— А если сделать наоборот? — спросил Тули.— Если несколько уменьшить область высокого давления над Аризоной и Нью-Мексико? Тогда поток сдвинется к югу.

Тэд поднял брови.

— Ты думаешь, это нам удастся?

— Придется сделать кое-какие расчеты.

— Хорошо, только быстро!

На следующее утро жители Бостона, которые, ложась спать, выслушали прогноз погоды, обещавший на завтра «теплую погоду, умеренную облачность», проснулись под холодным северо-восточным ветром и дождем. Зона низкого давления, которую мы усилили за ночь, спутала все карты местных синоптиков. Бюро прогнозов Бостона внесло поправку во вчерашний прогноз, а тем временем тучи сдвинулись в сторону, их место занял воздух с Великих озер, налетел короткими шквалами, и в конце концов сквозь облака прорвалось солнце. Прохладный воздух из зоны высокого давления в течение часа снизил температуру на десять градусов. И для ничего не подозревавших жителей Новой Англии это был еще один день с плохой погодой, быть может чуточку похуже, чем обычно.

Доктор Вейс позвонил нам в половине восьмого утра.

— Маррет, вы сошли с ума?! Вы думаете, я не понял ваших планов? Я же вас предупреждал...

— Простите, мне сейчас некогда разговаривать с вами,— сказал Тэд.

— Я сдеру с вас шкуру!

— Завтра вы ее получите. Сам принесу. Но прежде я хочу выяснить, кто из нас прав.

Советник президента по науке побагровел от гнева.

— Я немедленно высылаю приказ по всем государственным учреждениям, чтобы они прекратили...

— Лучше не делайте этого. Эксперимент в самом разгаре. И нам тогда уже не узнать, стоило ли затевать всю эту мороку. Большинство изменений так или иначе произведено. Давайте посмотрим, к чему они приведут.

В комнату вбежала Барни с последними сводками компьютера, и Тэд отключил видеофон.

— На севере Скалистых гор и на центральной равнине ожидаются заморозки,— сказала она, отбрасывая назад непослушные волосы.— Кое-где выпадет снег. Мы пока еще не знаем количества осадков.

Заморозки в разгар жатвы! Урожай погублен, города парализованы неожиданным снегопадом, отдых испорчен, а в горах кто-то погибнет от холода.

— Отправь прогноз в центральное Бюро. Немедленно! Предупреди их!

Ход нашего сражения с ураганом был хорошо виден на громадном экране. «Омега», скорость ветра которой достигла уже пятисот миль в час, все еще двигалась по направлению к Виргинии, но ее движение постепенно замедлялось, по мере того как зона высокого давления от Великих озер смещалась южнее, к Питтсбургу.

К полудню Тэд поглядел на экран и заявил:

— Нет, этого недостаточно. Надо сдвинуть поток еще на два градуса.

В Вашингтоне лил дождь, а в Виннипеге начался снегопад. Я пытался разговаривать одновременно по трем видеофонам, как вдруг услышал дикий вопль Тэда. Я взглянул на экран. В движении воздушного потока появился небольшой изгиб к западу от Миссисипи, которого раньше не было.

В первую же свободную минуту я набросился на Тули и потребовал, чтобы он объяснил смысл этого изгиба.

— Мы использовали лазеры с Атлантической орбитальной станции и весь катализатор, до последней унции. Эффект не очень заметен, особых изменений погоды не видно. Но область высокого давления над пустыней несколько уменьшилась, и поток воздуха временно отклонился чуть к югу.

— Этого достаточно?

Он пожал плечами.

Всю вторую половину дня мы наблюдали, как вдоль воздушного потока движется небольшой вихрь, подобный волне, которую можно поднять на длинной веревке, встряхнув ее. Тем временем бывшая зона высокого давления из района Великих озер переползла к штату Мэриленд и продвигалась к Виргинии. Ее северная оконечность должна была прикрыть берег вплоть до Новой Англии.

— Она прорвется,— сказал Тэд, глядя на рисунок сомкнутых изобар «Омеги». — Если наш поток не успеет ее оттолкнуть.

Я спросил Барни:

— Как у нас с расписанием? Что придет скорее— воздушный поток или ураган?

Она покачала головой:

— Компьютеры разобрали все возможные варианты, но до сих пор нет окончательного ответа.

Норфолк залило сильным ливнем, шквальные порывы ветра рвали линии электропередач и валили деревья. Лишенный света Вашингтон оказался во власти ветра. Большинство государственных учреждений закрылись рано, и машины едва двигались по мокрым улицам.

На всем протяжении от мыса Гаттерас до мыса Код рыбаки — и любители, и профессионалы — привязывали надежнее свои лодки и катера к причалу, отдавали запасные якоря, а если могли, вообще вытаскивали лодки на берег. Коммерческие авиакомпании изменяли расписания и направления полетов, чтобы не попасть в штормовые облака, эскадрильи военных самолетов, подобно стаям перелетных птиц, уходили на запад, подальше от опасности.

Штормовой прибой усиливался вдоль всего побережья, и в нескольких штатах власти гражданской обороны передали предупреждения о возможном наводнении. Дороги были забиты машинами — люди спешили отъехать как можно дальше от побережья.

А ураган «Омега» уже находился в ста милях от берега.

И вдруг он дрогнул.

Казалось, разряд тока пробежал по центру управления. Гигантский ураган замешкался у берега, встретившись с нашим потоком воздуха. Мы затаили дыхание. «Омега» в нерешительности стояла у самого берега в течение часа, показавшегося нам вечностью, а затем повернула на северо-восток. И начала удаляться в океан.

Мы вопили так, что охрипли.

Когда страсти чуть улеглись, Тэд вскочил на стол.

— Спокойствие, герои! — воскликнул он. — Работа еще не окончена. Нам предстоит борьба с замо-

розками на Среднем Западе. К тому же я намерен бросить на «Омегу» все оставшиеся силы, чтобы по возможности ослабить эту дамочку. Так что по местам!

И только около полуночи Тэд позволил нам остановиться. Сотрудники проекта «Контур» — теперь уже их по праву можно было назвать настоящими властелинами погоды — ослабили «Омегу» до такой степени, что она превратилась в самый банальный тропический шторм, быстро теряющий остатки мощи над холодными водами северной Атлантики. Легкий снежок все-таки выпал кое-где на северо-западе, но наши прогнозы успели ко времени, а властелины погоды сумели отобрать силу у холодного фронта. Местные синоптики докладывали лишь о небольших проблемах, связанных с заморозками. Толщина снежного покрова не превышала дюйма.

Большинство людей отправились спать. Только четыре человека, костяк проекта, остались в центре управления. Барни, Тули и я собрались у стола Тэда. Он подвинул к себе пишущую машинку и неуверенно застучал по клавишам.

— Как пишется слово «отставка»? — спросил он. — Первая буква «о»?

Прежде чем кто-нибудь из нас успел ответить, зазвенел видеофон. Тэд нажал на клавишу с буквой «о». На экране показалось лицо доктора Вейса.

— Не стоило вам беспокоиться, — сказал Тэд. — Игра окончена. Я обо всем знаю.

У доктора Вейса был измученный вид, словно он сражался с ураганом врукопашную.

— Сегодня вечером я долго разговаривал с президентом, Маррет, — сказал он. — Вы поставили его в трудное положение. Я уж не говорю о себе. Для общест-венности вы герой. Но лично я вам никогда бы не стал больше доверять.

— И правильно сделаете,— сказал Тэд.— Но не волнуйтесь, вам не придется меня увольнять. Я сам подаю в отставку. Вам больше нечего опасаться.

— Вы не можете подать в отставку,— сказал Вейс с горечью. — Вы — национальная ценность, поскольку это касается президента. Он весь вечер сравнивал вас с ядерной энергией: он намерен вас приручить и обуздать.

— Приручить? Для управления погодой?

Вейс молча наклонил голову.

— Президент в самом деле хочет начать работы по управлению погодой! — воскликнул Тэд и расплылся в улыбке.— Я же четвертый год мечтаю попасть в такую упряжку!

— Выслушайте меня, Маррет. Президент хочет, чтобы вы работали над проблемами контроля погоды, но я буду тем человеком, кто возьмет на себя ответственность за контроль над вами. И я никогда — слышите, никогда — не разрешу вам практически руководить проектом или подходить близко к практическому воплощению ваших идей. Я намерен найти для вас начальников, которые смогут заткнуть вас как пробкой. Мы будем осуществлять эксперименты с погодой и пользоваться вашими идеями. Но вы сами не будете руководить ничем, до тех пор пока я остаюсь на своем посту.

Улыбка медленно сползла с лица Тэда.

— Будь по-вашему,— сказал он мрачно.— Если работа будет вестись... и будет вестись как надо. Я и не ожидал Национальной медали за эти достижения.

Все еще разгневанным голосом Вейс сказал:

— Вам везет, Маррет, вам чертовски везет. Если бы условия погоды были несколько иными, если бы ваш бредовый план не удался столь блестяще...

— При чем здесь везение? — взорвался Тэд.— Мы работали! Работало множество разных людей, и все

они вложили в проект свои способности и умение. Только так нам удалось обуздать погоду — для вас. Не важно, хороши погодные условия или никуда не годятся, если мы собираемся так или иначе менять их по своему усмотрению. И дело тут вовсе не в везении — требуется только время и много пота. Мы создаем ту погоду, которая нам нужна. Вот что мы делаем. И поэтому нам везет — просто надо решать все задачи достаточно широко.

— Везение или умение — впрочем, это не так уж и важно, — устало ответил доктор Вейс. — Теперь вы своего добились. Но помните: только под моим руководством и на моих условиях.

— Мы победили, — сказал Тэд, отключая видеофон. — Мы в самом деле победили.

Барни опустилась на ближайший стул.

— Слишком много всего сразу, — сказала она. — Мне кажется, что я всему этому не поверю.

— Это все настоящее, — тихо ответил Тэд. — Управление погодой стало фактом. И мы будем его проводить.

— Не забудь, ты будешь работать под началом доктора Вейса или еще кого-либо, кого он назначит руководителем программы, — напомнил я.

Тэд пожал плечами.

— Я работал на доктора Россмена. Я могу работать на кого угодно. Важна работа, а не титулы, которые за нее раздают.

Тули провел рукой по животу.

— Я не знаю еще многого о ваших западных порядках, но в моих жилах течет обыкновенная красная кровь, и она подсказывает мне, что я умираю с голоду.

— Смотри-ка, и я об этом подумал, — сказал Тэд. — Пошли, соорудим праздничный завтрак, парни.

— Парни? — поморщилась Барни.

— Ах да, среди нас девушка! Пошли, мисс Барневельд! — он взял ее под руку и повел к двери. — Как, по-твоему, смогла бы ты стать центром моего внимания? Пожалуй, хватит тебе уступать первое место ураганам с женскими именами.

Барни оглянулась на меня. Я подошел и тоже взял ее под руку.

— Если не возражаешь, — сказал я, — мне бы хотелось, чтобы Барни была центром и моего внимания.

Тули покачал головой, догоняя нас.

— Вы настоящие западные варвары. Ничего удивительного, что у вас так часто случаются нервные срывы. Вы же сами не знаете, кто на ком собирается жениться. То ли дело я: семьи согласились на наш брак, когда нам, мне и моей невесте, было от роду по пять лет.

— Потому-то ты и приехал к нам в Штаты, — пошутил Тэд.

— Тули, не мешай им, — сказала Барни, — на меня с четырех лет не обращали столько внимания.

Мы спустились по главной лестнице и вышли на улицу. Тротуары были мокрыми от дождя — прощальный подарок «Омеги», — но звезды уже пробились сквозь разрозненные облака.

— Сегодня мир проснется, — сказал Тэд, — и обнаружит, что человек стал властелином погоды.

— Не совсем, — охладил его пыл Тули. — Это только начало пути. Нам предстоит учиться долгие годы. Десятилетия, а может, и того больше.

Тэд согласно кивнул, но улыбка не пропала с его лица:

— Может быть. Но мы начали. И это самое важное.

— А политические проблемы, которые из-за этого возникнут? — спросил я. — А социальные и экономи-

ческие перемены, которые будут вызваны изменением климата? Вы об этом подумали?

Тэд засмеялся.

— Это уж дело администраторов вроде тебя и президента. Вы и ломайте над этим головы. Мне и без того дел хватает: шесть квадрильонов тонн воздуха... и только один математик.

Эпилог

Немногим более двух лет спустя, золотым октябрьским днем состоялась специальная сессия ООН. На совещании, которое проходило на открытом воздухе, выступил президент США.

Я тогда впервые увидел Барни и Тэда после их свадьбы — они поженились полгода назад. Барни сообщила мне о своем решении со всей деликатностью, и я понял, что можно жить,нося в сердце боль, даже если нет надежды на то, что она скоро уляжется.

Я продолжал руководить «Эолом». Работы было немало. Тэд с Барни (и Тули, разумеется) трудились в правительственном комитете по управлению погодой. Под бдительным оком одного из ведущих ученых страны Тэд утихомирился; наши годы борьбы постепенно обрастали жирком свершений.

Делегаты ООН встретились в легком павильоне, сооруженном на берегу реки специально для этой церемонии. Среди приглашенных были руководители Бюро прогнозов, конгрессмены и высокие чиновники. За креслами для делегатов и гостей, расставленными на зеленой лужайке, стояла большая толпа любопытных, пришедших послушать президента.

— ...Технический прогресс,—говорил президент,— знаменует для человечества и неисчерпаемые перспективы развития, и постоянную опасность. Именно с помощью техники человек создал силы, способные погубить его самого, она же помогла ему обрести силу, способную объединить нашу планету во имя мира и жизни — без войны, голода и невежества. Сегодня мы отмечаем новый шаг в мирном использовании достижений науки и техники — создание Комитета Организации Объединенных Наций по управлению погодой над всей планетой...

Как и победа Тэда над ураганом «Омега», создание Комитета было лишь началом. Полное господство над погодой и полное разрешение связанных с этим проблем были делом далекого будущего. Но мы сделали еще один шаг в нужном направлении.

В моем кармане лежало письмо от Генерального секретаря ООН с приглашением на работу во вновь созданный Комитет. Я знал, что аналогичное письмо получил Тэд и что вскоре такое же письмо получит Тули.

И когда мы сидели, слушая выступление президента, налетел легкий ветерок и заиграл оранжевыми листьями деревьев, навевая прохладу. Стоял теплый осенний день: ясное голубое небо, сверкающее солнце и легкие редкие пушистые облака. Замечательный день для церемонии на открытом воздухе.

А как же иначе?

Незначительный просчет

Натан Френч был чистым математиком. Он работал в лаборатории, оседлавшей калифорнийский холм на самом берегу океана, но его кабинету окна не досталось. И понятно почему: в то время как лаборатория зарабатывала на исследованиях по водородной бомбе, Натан корпел над уравнениями, которые позволяли сэкономить горючее при посылке человека на Луну. А когда лаборатория добилась выгодного контракта по программе лунных исследований, Натан углубился в проблему борьбы с загрязнением воздуха.

Внешне Натан совсем не напоминал математика. Он был высокого роста, костлявый, любил играть в гандбол, когда волновался, немного шепелявил, а лицом напоминал лошадь. Во всем, что не касалось математики, он был чист и наивен. Если им овладевала новая идея, он начинал часто щуриться, что отнюдь не свидетельствовало о повышенной нервозности или излишнем самомнении, — как ни в чем не бывало он продолжал скалить лошадиные зубы в доброй улыбке.

В тот день, когда лаборатория заключила свой первый контракт на исследования по изучению загрязнения воздуха (с правительством штата Калифорния), истинные интересы Натана, естественно, занесли его совсем в другую сторону.

— Пожалуй, не исключено, — заявил он шефу лаборатории, доброму старику Манигриндеру, — что существует возможность предсказывать землетрясения.

Манигриндер помигал сквозь толстые бифокальные очки и добродушно ответил:

— Ну что же, Натан, дружище, думайте. Вы ведь знаете, что мне всегда интересно наблюдать, как человек познает свою Вселенную.

Не успел Натан покинуть роскошный кабинет шефа, как тот извлек свое пузатенькое тело из мягкого плюшевого кресла и подошел к окну. Кстати, в его кабинете было два окна: одно позволяло любоваться

прекрасной панорамой Тихого океана, другое выходило на автомобильную стоянку, так что Манигриндер всегда знал, кто из его сотрудников опоздал на работу.

За стоянкой автомобилей (между прочим, большинство машин были далеко не новыми, так как последние несколько лет дела лаборатории шли не блестяще) частично скрытый эвкалиптами и поросший зеленой травой находился на удивление прямой обрыв высотой фута в четыре. Он тянулся, подобно вытянутой ступеньке, во всю длину лабораторного корпуса и дальше, за заброшенную, покрытую розовой штукатуркой церковь, что стояла на самой вершине холма. Этот поросший травой вал носил название разлома Сан-Андреас.

Манигриндер нередко глазел на разлом из своего окна, мысленно репетируя, что будет делать, когда начнется землетрясение. Нет, он не трусил, просто отличался предусмотрительностью. Как-то раз подземный толчок случился в самый разгар совещания. Манигриндер пулей выскочил в окно, пронесся через автомобильную стоянку и оказался по ту сторону разлома (на его восточной, безопасной стороне), прежде чем люди, вдвое его моложе, успели подняться на ноги. Сотрудники лаборатории еще долго обсуждали необыкновенную подвижность косолапого толстячка.

С той поры минул ровно год. Машин на стоянке прибавилось, появились и новые. Загрязнение воздуха стало модной темой, особенно после ужасных смогов в Сан-Кlemente. К тому же лаборатории удалось заполучить несколько небольших, не требующих особых усилий контрактов от ВВС, а между тем стоимость их была раз в шесть выше, чем лаборатория получала от исследований загрязнения воздуха.

Манигриндер откинулся в мягком кресле, стараясь придать своему лицу заинтересованный и в то же время независимый вид — сделать это было нелегко, потому что ему никогда не удавалось уследить за ходом мыслей Натана, когда тот начинал излагать суть своей работы.

— ...проще прошлого, — шепелявил Натан. — Представим прогрессию с обратным знаком.

От волнения математик захлебывался словами и лихорадочно чиркал уравнения на ярко-красной доске. Желтый мелок в его руке то и дело издавал душевраздирающие звуки.

— Все понятно? — Натан наконец остановился и уставился на доску, сплошь покрытую неразборчивыми цифрами и символами. Его окружало облачко желтой пыли.

— Ага, — глубокомысленно ответил Манигриндер. — Следовательно, ваш вывод...

— Яшнее яшного, — сказал Натан. — Если мы полагаем основными данными, то сможем не только предсказать, когда начнется землетрясение и где оно будет, но и определить его силу.

Глаза Манигриндера сузились.

— Вы в этом уверены?

— Я консультировался с геофизиками из Калифорнийского технологического. Они согласились с моей теорией.

— Так, так, — Манигриндер постучал пухлыми пальчиками по столу. — Я, разумеется, понимаю, что это не входит в ваши непосредственные интересы, но скажите, Натан, вы и в самом деле можете предсказывать землетрясения? Или это все только теория?

— Конечно, могу. — Губы Натана раздвинулись в широкую улыбку, которая могла бы соперничать с улыбкой Фернанделя. — К примеру, то, что произойдет в следующий четверг.

— В следующий четверг?

— Вот именно. В следующий четверг будет очень сильное землетрясение.

— А где?

— У нас здесь. Вдоль разлома.

— Вдоль... — Манигриндер подавился глотком воздуха.

Натан небрежно подбросил к потолку желтый мелок, но подхватить не успел, и мел упал на ковер.

Манигриндер, цветом чуть бледнее мелка, с трудом спросил:

— Так вы говорите, сильное землетрясение?

— Угу.

— Это... это ребята из Технологического рассчитали?

— Нет, я сам. Они-то не согласились. Талдычат, будто я не учитываю гамма-фактор в уравнении четырнадцатого порядка. Приходится проверять расчеты на компьютере.

Пухлые щечки Манигриндера слегка порозовели.

— Ага... понятно. Значит, так: получите данные компьютера и сразу ко мне.

— Разумеется.

На следующее утро, когда Манигриндер таился за шторой у окна, наблюдая за тем, как подъезжают к стоянке машины, зазвенел телефон. Манигриндер доподлинно знал, что его секретарша провела бурную ночь и потому запаздывает. Недовольный, что его оторвали от дела, Манигриндер подошел к столу и поднял трубку.

Звонил Натан.

— Компьютер согласен с ребятами из Технологического. Но я убежден, что в программе допущен небольшой просчет. Нельзя полностью полагаться на компьютеры, они не лучше людей, что всучивают им информацию.

— Ясно, — сказал Манигриндер. — Продолжайте проверку.

Положив трубку, он хихикнул:

— Старина Натан силен в теории, но, когда дело доходит до реального мира, он сущий ребенок.

И все-таки, когда наконец явилась секретарша, принесла ему утренний кофе, таблетку от головной боли и ласково укусила за ушко, он задумчиво произнес:

— Может, мне все-таки следует поговорить с теми банкирами из Нью-Йорка...

— Но ты же сам говорил, что теперь, когда дела пошли лучше, лаборатории их деньги не нужны.

— И все же... — Манигриндер задумчиво наклонил лысую голову. — Договорись-ка о встрече с ними в следующий четверг. Я улетаю в среду вечером и останусь в Нью-Йорке на уик-энд.

— Как? — изумилась секретарша. — Но ты же обещал, что мы...

— Ну-ну... сначала дело, а все остальное можно отложить. А ты закажи билет на вечерний самолет в пятницу. Встретимся в гостинице.

— Ах, — улыбнулась секретарша, — ты такой лапочка!

Звонок Натана застал Мэтта Клаймбера в тот момент, когда он вернулся со званого обеда в Пентагоне.

Клаймбер работал с Натаном несколько лет назад. Он начинал как программист и первое время обслуживал Натана. За два года он вырос до заведующего сектором и стал прямым начальником математика. Правда, начальником он числился только на бумаге — никому еще не удавалось командовать Натаном. Как только Манигриндер понял, что в один прекрас-

ный день Клаймбер его подсадит, шеф лаборатории устроил молодого карьериста на государственную службу в Вашингтоне, что могло принести начинающему администратору только пользу.

— Привет, Натан,— закричал Клаймбер,— сколько еще карандашей исписал?

Он покосился на настольный календарь. Во второй половине дня ему предстояло посетить три межведомственные конференции и провести два внутренних совещания.

— Сбавь скорость,— сказал Клаймбер, сохраняя дружеский тон, но вместе с тем уныло хмурясь.— Ты же знаешь, что простому человеку не угнаться, когда ты летишь на перекладных.

Прошло полчаса. Клаймбер сидел, откинувшись в кресле и положив ноги на стол. Узел его галстука был распущен, верхняя пуговица сорочки расстегнута. Два первых совещания в календаре он уже вычеркнул.

— Итак, давай подытожим, Натан,— сказал наконец Клаймбер.— По твоим расчетам, вдоль разлома Сан-Андреас в следующий четверг в два тридцать пополудни должно произойти сильное землетрясение. Но ребята из Технологического и твой собственный компьютер с тобой не согласны.

Еще через десять минут Клаймбер сказал:

— Ладно, ладно... Конечно, я помню, как мы путали в программе. Но и тебе случалось делать ошибки. Слушай, Натан, продолжай проверку. Если убедишься, что ошибается компьютер, а не ты, звони мне немедленно. В случае необходимости я доберусь до самого президента. Договорились? Отлично. Будем держать связь.

Усталым движением он бросил телефонную трубку на рычаг и опустил ноги на пол.

«Старина Натан, кажется, окончательно свихнул-

ся. В следующий четверг... Надо же... в следующий четверг...»

Клаймбер полистал календарь. Так и есть — в следующий четверг у него совещание в отделении фирмы «Боинг» в Сиэтле, к северу от эпицентра.

«При сильном землетрясении все чертово Западное побережье может ухнуть в Тихий океан. Так что... Не сходи с ума. Ясное дело, Натан спятил. И все же... Интересно, как далеко к северу тянется этот разлом?»

Он протянул руку и нажал кнопку селектора.

— Слушаю, мистер Клаймбер,— послышался голос секретарши.

— На следующий четверг у меня назначено совещание в фирме «Боинг» по поводу сверхзвуковых транспортных... — Клаймбер нерешительно замолчал, но после некоторого колебания бросил: — Отменить!

Вообще-то Натан Френч был человеком непьющим, но в следующий вторник он направился из лаборатории напрямик в маленький уютный бар, что расположился на уступе над самым океаном.

День выдался на удивление спокойный, так что к одинокому посетителю было приковано внимание не только озабоченного бармена, но и вызывающе накрашенной девицы, которая в этот ранний час была одета в длинное черное платье с глубоким вырезом. От нее нестерпимо пахло дешевыми духами.

— Черт побери,— пробормотал бармен.— В жизни торговля не шла так вяло, как вчера и сегодня.

Он ежился за стойкой, не зная, чем себя занять. Единственный грязный бокал во всем заведении находился в руках Натана, и тот не намеревался с ним расставаться, потому что любил сосать оставшиеся на дне кубики льда.

— Это точно, — сказала девица. — Если и дальше так пойдет, к концу недели я могу удалиться в монастырь.

Натан в разговор не вступал. Рот его был полон льдинками, которые он задумчиво грыз, наполняя хрустом все помещение. Он все еще силился понять, почему же они с компьютером не сошлись на уравнении четырнадцатого порядка. Все остальное превосходно сходилось: время, место и даже сила землетрясения по шкале Рихтера. Но вектор, направление толчка... — кто-то не разобрался в составленной им программе. Другого объяснения не было.

— Курс акций на бирже так упал, что их можно бесплатно подбирать, — мрачно заявил бармен. — Мой маклер уверяет, что «Боинг» собирается уволить половину рабочих. Всю программу по строительству сверхзвуковых транспортов сворачивают. Даже лабораторию на нашем холме покупает какой-то банк с Восточного побережья.

Бармен грустно покачал головой.

Девушка уселась рядом с Натаном и оперлась локтями о стойку, так что стал виден ее лифчик. Улыбнувшись, она сказала:

— Как насчет того, чтобы встряхнуться, парень? А то, боюсь, совсем забуду ремесло.

Хрустнув последним кубиком льда, Натан вежливо ответил:

— Простите, пожалуйста. Но мне надо еще разок проверить программу компьютера.

В четверг утром Натан окончательно расстроился. Не говоря уже о том, что компьютер продолжал упорствовать в своем заблуждении, на работу не вышел ни один из программистов... Ясно, что кто-то из них —

а может, и все вместе? — сознательно саботировал его программу. Но зачем?

Он долго бродил по коридорам и кабинетам, разыскивая программиста, хотя бы самого завалящего, но лаборатория словно вымерла. Лишь жалкая кучка сотрудников явилась на работу, но, пошептавшись с испуганным видом в кафетерии над чашкой кофе, они поодиночке скрылись в сторону автомобильной стоянки, залезли в свои машины и укатили.

Шагая по коридору, Натан неожиданно нос к носу столкнулся с одним из физиков, человеком новым, из сектора, с которым Натану раньше не приходилось иметь дела.

— Извините, — быстро произнес физик и метнулся к выходу.

— Погодите! — Натан схватил его за рукав. — Вы умеете программировать?

— А? Нет, не умею!

— Куда же все запропалились? — удивился Натан, не выпуская физика. — Может, сегодня какой-нибудь национальный праздник?

— Господи, разве вы не слышали? — воскликнул физик, вытаращив глаза. — Сегодня во второй половине дня ожидается землетрясение. Вся чертова Калифорния свалится в море!

— А, вот вы о чем...

Но физик, высвободившись из цепкой руки Натана, уже бежал к выходу. У двери он, не останавливаясь, крикнул:

— Выбирайтесь отсюда, пока можете! Держитесь к востоку от разлома! Все дороги уже забиты машинами!

Натан нахмурился.

«Еще осталось не меньше часа, — сказал он сам себе. — И я по-прежнему утверждаю, что компьютер ошибся. Кстати, любопытно было бы посчитать, ка-

кой силы будет приливная волна в Тихом океане, если в него сползет штат Калифорния?»

Натан не замечал, что рассуждает вслух. Собеседников у него не было.

Если не считать компьютера.

Он сидел у компьютера, все еще борясь с упрямыми уравнениями, когда произошел первый толчок. Вначале он был трудноуловим и схож с отдаленным раскатом грома. Затем комната начала дрожать, грохот усилился.

Натан взглянул на часы. Два часа тридцать две минуты пополудни.

— Я же говорил! — торжествующе сказал он компьютеру. — Видишь? И я теперь уверен, что все остальные мои расчеты тоже были правильными. Включая уравнения четырнадцатого порядка.

Путешествие Натана к выходу можно было сравнить с прогулкой по палубе парохода, попавшего в жестокий шторм. Пол и стены здания конвульсивно вздрагивали. Натан с трудом удерживался на ногах, и время от времени ему приходилось совершать балетные антраша.

Пока он не вырвался наружу, ему не приходило в голову, что он может погибнуть. Небо потемнело, земля вздымалась, рев стихии оглушал. Яростный ураган нес густую пыль, добавляя свой бешеный гнев к мучительным стонам земли.

В нескольких футах ничего нельзя было разобрать. Ветер валил с ног, пыль засыпала глаза, и Натан не мог взять в толк, куда ему бежать. Он знал, что одна из сторон разлома означает спасение, но какая именно?

Библейской силы молния ослепительным мечом разорвала тучи, и в тот же миг на Натана обрушился оглушительный грохот грома. Казалось, небеса разверзлись. Могучая взрывная волна бросила Натана

на землю, и он потерял сознание. Его последней мыслью было: «Все-таки я оказался прав, а компьютер ошибся!»

Когда Натан пришел в себя, вокруг царил странная тишина. Солнце тускло светило сквозь пелену серых облаков. Ветер стих. Натан с трудом поднялся на ноги и огляделся. Здание лаборатории уцелело. Сам же Натан стоял посреди автомобильной стоянки. Единственной машиной на стоянке была его собственная. Она была покрыта густым слоем пыли.

За стоянкой, там где раньше росли эвкалипты, теперь был обрыв, откуда вниз все еще срывались камни и комья земли и исчезали в покрытом пеной океане.

Натан доковылял до обрыва и уставился на безбрежный водный простор. Он каким-то образом догадался, что там, на востоке, ближайшей к нему землей была Европа.

— Чертов сын! — выругал он себя с неожиданной яростью. — Прав-то оказался компьютер.

Ветры Альтаира

Майклу, который справился бы с любимым волком.

1

Странное ощущение. Странное и пугающее.

Джефф Холмен вновь улегся на ложе. Оно, казалось, плавилось под ним, принимая форму тела; голова, спина и ноги, погружаясь в него, ощущали мягкое тепло.

Двое техников приспособливали серебристый шлем Джеффу на голову. Вид у них серьезный, озабоченный. Шуток не слышно.

Джеффу было видно окно, возле которого стояли его отец и мать с доктором Карбо. Выглядели они тоже мрачно. Беспокоились.

Джефф улыбнулся им, показывая, что ему не страшно. Было ясно, что его голос через толстое пластигласовое окно они не слышат. Он хотел жестом ободрить их, но его запястья были уже пристегнуты к ложу.

Наконец все было готово. Техники отступили назад, вышли из поля зрения Джеффа. Теперь, он знал, они сидят за большой панелью управления, окруженные сотнями циферблатов, приборов и видеоэкранов.

«Если что-нибудь пойдет не так, они сразу прекратят испытание,— подумал Джефф,— уж это точно».

— Джефф, ты готов? — спросила Аманда, ассистентка.

— Так точно! — отозвался он, быть может излишне громко. В ушах гулко стучал пульс. *«На экранах видно, как у меня колотится сердце».*

— Закрой глаза, Джефф, — сказала Аманда, на этот раз мягче. — Представь, что засышаешь.

Джефф закрыл глаза. *«Уж спать-то я не буду».*

Сквозь опущенные веки он увидел слабые проблески света, в глазах проплывали смутные картины. В ушах слышалось мягкое шуршание — оно напоминало шелестение ветерка в листве большого раскидистого дерева. Свет и тени переместились. Больно полыхнули вспышки звезды. Все тело непроизвольно напряглось, вздрогнуло. Затем он почувствовал, как по нему прошла волна слабой, но устойчивой вибрации.

Это и в самом деле было дуновение ветра.

Чувствовалось, как оно взъерошивает мех по всему телу. Было слышно, как оно проносится по лесу.

Он открыл глаза.

Он сидел на вершине холма, приюхиваясь, не донесет ли ветерок запаха опасности или пищи. Голод тупой болью ворочался глубоко внутри его крупного тела. Что-то было не в порядке, не так, как обычно. Он зарычал, и из глубины его огромной груди вырвался громовой рев. Внизу у подножия холма маленькая юркая птица резко вздернула голову и тут же вспорхнула, всплеснув крылышками. Когда рычит волкот, всем остальным животным положено разбегаться.

«Он достиг контакта!» — прозвучало где-то внутри мозга Джеффа. Но это был странный, чуждый голос откуда-то издалека. Никакого отношения к нему он не имел.

Он поднялся на все шесть лап. Когти вонзились в травянистую почву. У подножия холма начинался лес, и там, среди его величавых деревьев, была пища. Вершина холма — хорошее место, его любимое место, где он спит и куда притаскивает добычу, чтобы поесть. Когда он на вершине холма, ни одна тварь не сунется туда. Когда же он уходит, нарушить границы отваживаются только пожиратели падали — птеро-

ящеры с отвратительными крючковатыми клювами и маленькие желтоглазые шныряющие твари, чьи зубы разгрызают кости.

Осторожной рысью он спустился по склону — три тонны живого веса, ростом в холке с небольшое дерево, весь из мускулов и голода, — двигаясь быстро и беззвучно, как серое облако, но облако, вооруженное сверкающими зубами и острыми когтями. Словом — волкот.

Определенно, он в контакте. Он может захватить управление?

Подождите... дайте ему время... не нажимайте слишком.

Зелень леса темнее, чем трава на открытом склоне холма. Наверху неслись по ветру облака, темные на фоне яркого неба. Весь лес был испещрен их тенями, и кое-где было темно, почти как ночью. Ветерок, напевая, доносил из этого дремучего восхитительного леса целую симфонию запахов: и цветов, и травы, и мхов, и высоких стройных деревьев, раскачивающихся, словно в танце. И еще, что гораздо важнее, запахи животных, пищи: быстроногих антилоп, отчаянно дерущихся своими рогами и острыми копытами, маленьких древолазов, больших щетинистых землероек, прячущихся в норах все светлое время суток.

Было раннее утро. Далекое солнце казалось всего лишь ярким пятнышком на небе. Оно еще не успело подняться над землей и частично затенялось деревьями. Алтайр, который взойдет днем, слишком ярко, на него нельзя смотреть в упор.

Альтаир. Хотя название и всплыло в его памяти, в нем чувствовалась какая-то необычность, чуждость.

Он крался в лес, двигаясь бесшумно, как змея, убрав когти, обострив все чувства, весь наготове к появлению пищи или опасности. Волкоты постарше, взрослые самцы, у которых много самок и детенышей,

могут спать днем, по ночам отправляя своих самок на охоту. Кроме охраны самок и детенышей, они больше ничего не делают. Молодым же волкотам приходится охотиться в одиночку, преимущественно днем, пока не наберутся они достаточно сил, чтобы вызвать взрослого на поединок за одну из его самок помоложе.

Он проскользнул подлеском бесшумно, беззвучно. К ручью — там найдется, что поест. Подбираясь к ручью с подветренной стороны, он чуял запах антилоп на водопое, тогда как они не могли по запаху заметить его приближения. Это хорошо. Пустое брюхо гнало его вперед.

Не собираетесь же вы оставить его так и позволить ему... ,

Вообще-то я не намеревался этого делать, но, похоже, он настолько хорошо связан с этим зверем, что мне не хотелось бы возвращать его сейчас.

Однако...

Все в порядке. Если он собирается работать с животным, ему придется позволять животному есть.

«Странные звуки», — подумал он. Жужжат, как мошки над ухом. Но это жужжание было внутри головы.

Встряхнув своей массивной головой, он удвоил осторожность, и теперь продвигался медленно, поскольку журчание ручья было слышно уже неподалеку.

Он распластался в кустарнике, прижавшись к земле, осторожно пополз вперед. Потом замер. У самого ручья стояли шесть рогатых травоядных, остужая свои острые копыта в бегущем потоке. То одно, то другое животное наклонялось к воде, а остальные в это время, высоко подняв голову, осторожно оглядывались вокруг.

Сдерживая рычание, он подобрался и изготовился к прыжку. Как только самое ближнее животное опустит голову...

Он выпрыгнул из кустов, серым росчерком смерти нацеливаясь на ближайшую антилопу. Остальные, высоко подпрыгивая, тут же бросились врассыпную. Намеченная им жертва тоже прыгнула, но прямо вперед, в середину ручья. Вода была неглубокой, но быстрой, и антилопа оступилась. Ну, а волкоту ничего другого и не требуется.

Только один раз коснувшись всеми шестью когтистыми лапами земли, он вновь прыгнул прямо на спину антилопе. Крепко ухватив мясистое тело животного задними и средними лапами, он ударом передней сломал ему шею. В туче брызг они вместе упали в воду.

Он выкарабкался на берег ручья, держа добычу двумя передними лапами и передвигаясь на задних и средних лапах.

Запах крови, мяса был непреодолим. Подняв к небесам огромную черномордую голову, он торжествующе протрубил о победе; от его рыка содрогнулась земля.

Прекратите это! Прекратите!

Верните его!

Хорошо, позволять ему участвовать в пиршестве нет нужды. Заканчиваем.

2

Джефф открыл глаза и вновь оказался на борту корабля. Он знал, что его тело и не покидало ложа, тем не менее...

Аманда и еще один техник отстегивали его. К ложу устремилась мать; на ее таком милом, родном лице отражались беспокойство и гордость.

— Все в порядке, Джефф?

Он кивнул, только тут заметив, что на голове уже нет металлического шлема.

— Конечно, все в порядке, — сказал он.

Слабость, однако, была. Он *чувствовал* слабость, чуть-чуть кружилась голова.

Здесь же был и его отец.

— Ты превосходно справился с работой, Джефф. Мы гордимся тобой.

Приподнявшись, он хотел сесть, и тут перед его глазами все покачнулось.

— Джефф! — Мать схватила его за руку.

— Ничего, — сказал доктор Карбо. — Легкая потеря ориентации, этого следовало ожидать. Все обойдется.

К Джеффу подошла Аманда с чашкой жидкости, на ее темном лице сияла улыбка.

— Ну-ка, Следопыт, выпей это.

— Следопыт?

Улыбка Аманды сделалась еще шире:

— Посмотри в библиотеке. Это из книги, которую тебе следует почитать.

Он улыбнулся ей в ответ и выпил лекарство. Оно было теплым и приятным. Как сама Аманда.

— Как ты себя чувствуешь? — вновь спросила мать.

— Хорошо. Отлично.

— В самом деле?

— Да, в самом деле!

Отец уже отвернулся и разговаривал с доктором Карбо.

— Так как наши дела теперь?

Карбо взглянул на Джеффа и медленно прошел с доктором Холменом через комнату к панели управления.

— Итак, — спокойно сказал он, — ваш мальчик достиг прочного контакта с волком. Если такой же

хороший контакт будет получаться каждый раз, мы сумеем использовать волкота в качестве исследователя, разведчика... чтобы найти других животных, с которыми тоже можно работать.

— Вы думаете, что другие дети тоже сумеют достичь контакта со здешними животными?

— Надеюсь. — Карбо пожал плечами. — От нас, взрослых, большого успеха уж наверняка не дождешься. Это дело — для ребят. Либо они справятся, либо нам надо упаковывать чемоданы и отправляться обратно на Землю.

Джефф следил, как они вдвоем медленно прогуливались по сверкающей белизной лаборатории. Отец Джеффа был крупный широкоплечий мужчина с могучим торсом, его сильное, мужественное лицо обрамляли длинные золотистые волосы. Как непохож на него был сам Джефф, смуглый, темноволосый, с тонкими чертами лица. Доктор Карбо был круглолиц, невысок, несколько полноват, с первыми признаками облысения. Вечно казалось, что он забыл побриться. Зато у него всегда были ясные, веселые глаза, которые улыбались даже тогда, когда лицо оставалось серьезным.

— Я бы сказал, испытание увенчалось полным успехом, — сказал доктор Холмен.

Брови Карбо поползли вверх:

— Да, но мы еще не знаем, сможет ли он управлять животным.

— Конечно... но он был в таком прочном контакте. И какое прохождение по всем каналам органов чувств — экраны показывали в точности то, что видел в это время животное. Уму непостижимо!

— Думаю все же, что они не слепы. Хотя у них нет ничего похожего на глаза...

— Эти образования в форме чешуйки у них на голове, — сказал доктор Холмен, — не что иное, как

инфракрасные рецепторы. Я так и думал. Животное способно видеть в лучах инфракрасного диапазона, которые мы не воспринимаем.

— Никогда не слышал ни о чем подобном.

— Вы же никогда не бывали внизу, на поверхности,— с жаром продолжал доктор Холмен.— Наше собственное зрение там бесполезно. Через облачный покров никогда не проникает солнечный свет. Почва слегка светится, но видимость не больше пяти метров, а чувство расстояния и направления там постоянно подводит.

— Однако, если смотреть с помощью мозга и органов чувств животного, все это выглядит ярким и четким.

— Конечно,— кивнул доктор Холмен.— Но если бы волкот очутился на Земле, он, вероятно, оказался бы настолько же слеп, как и мы на Альтаире VI.

Джефф напряженно вслушивался в их разговор, не слыша, о чем ворковали рядом его мать и Аманда. Наконец он оставил свои старания.

— Ты не голоден? — спрашивала мать.— Обед для тебя готов, только скажи. Да, с нами собирается обедать Лаура — Полчеки переезжают...

Джефф еще чувствовал голодное урчание в брюхе волкота, все напряжение прыжка на спину гигантской антилопы. Он вздрогнул, но не от испуга и не от внезапности. Просто от волнения.

— Да,— ответил он наконец.— Я чувствую что-то вроде голода.

Официальным названием корабля было «Мелвин Л. Кэлвин», но члены пятидесяти семей, жившие на борту, называли его просто «Деревней».

Он ничем не напоминал те обтекаемые звездолеты, которые Джефф видел, просматривая на своем

экране художественные ленты. Не походил он и на нескладные ракеты, когда-то исследовавшие Луну и планеты Солнечной системы, которая теперь была так далеко, что само Солнце выглядело всего лишь светящейся точкой, как и любая другая из миллионов звезд, видимых через иллюминаторы корабля.

Корабль «Деревня» представлял собой гроздь шаров-пузырей из пластика и металла, соединенных между собой трубами. Каждый шар служил либо жилищем для одной семьи, либо каким-нибудь общественным центром, например библиотекой, залом собраний, парком. Экипаж корабля составляла семья из четырех человек: старый капитан Ганнерсон, его сын, дочь и невестка. Пятым членом экипажа, не менее важным, чем любой из Ганнерсонов, был корабельный компьютер.

Ракетных двигателей на корабле не было. Во всяком случае, больших. Имелось несколько крошечных ракет ориентации, позволявших тем или иным образом подтолкнуть корабль при орбитальном полете или слегка изменить его положение. Но главными двигателями были генераторы гравитационного поля, а не ракеты.

Ключ к путешествиям за пределы Солнечной системы, к звездам, был найден еще в середине двадцатого столетия, хотя понадобилось еще сто лет исследований и конструкторских разработок, чтобы понять, как им воспользоваться.

Еще в шестидесятых годах двадцатого века астрономы открыли существование в космосе черных дыр — мест, где звезды коллапсировали до таких малых размеров, а гравитационное поле настолько усилилось, что произошло сворачивание самого пространства. Один из первых посланных с Земли звездных зондов, запущенный в первые десятилетия двадцать первого века, был направлен к ближайшей от Солнечной сис-

темы черной дыре. Зонд исчез. К счастью, это был беспилотный дистанционно управляемый корабль-робот.

Но он появился вновь! Спустя сорок лет пораженные астрономы Земли зафиксировали радиосигналы старого зонда и установили, что он находится на удалении около сорока световых лет — гораздо дальше, чем позволяли ему улететь собственные энергетические ресурсы.

Отсюда вывод: фантастически искривленное гравитационное поле черной дыры каким-то образом протолкнуло зонд на расстояние в сорок световых лет. И почти мгновенно! Сорок лет ушло только на то, чтобы радиосообщение зонда со скоростью света вернулось на Землю.

Что может совершить природа, может имитировать и человек. Или даже улучшить. Иногда. Еще около сорока лет напряженной работы потребовалось ученым и инженерам, чтобы после множества неудач завершить разработку генератора гравитационного поля. Земной корабль, в сущности, мог возбуждать искривления пространства такого типа, какие возникают под влиянием черных дыр, и тем самым проталкивать себя мгновенно через световые годы пространства.

Человек мог теперь достичь звезд. Быстро. Дешево.

Среди физиков возникли споры, действительно ли корабли с гравитационными генераторами движутся быстрее света. Во многих университетах происходили длительные дебаты, во время которых не было слышно слов ни на одном из земных языков, зато километры досок и экранов в аудиториях покрывались вязью уравнений. Когда «Кэлвин» со своими пятьюдесятью семьями на борту стартовал к шестой планете звезды Альтаир, физики еще продолжали

спорить. Обсуждалась правильность такого вывода: хотя ничто во Вселенной не может двигаться быстрее света, гравитационный генератор позволяет кораблю на мгновение исчезнуть из Вселенной и вновь возникнуть в ней в другом месте, отстоящем, возможно, на несколько световых лет от места исчезновения. Другими словами, корабль не движется быстрее света, даже несмотря на то, что именно это и происходит!

Когда Джефф рассказывал, как прошла проверка, Лаура вся обратилась в зрение и слух.

Впрочем, не совсем вся, вдруг осознал Джефф. Что-то ее отвлекало. Хорошенькая она была девчонка, с длинными рыжими волосами и заразительным звонким смехом. Когда вырастет, наверное, станет красавицей. Так как Джефф был на шесть месяцев старше Лауры, он всегда относился к ней, как к младшей сестренке.

— Это было потрясаяще, — говорил он.

Обед кончился, и взрослые — родители Джеффа и Лауры — перешли в гостиную. Они вдвоем приводили в порядок обеденный стол, отправляя посуду в стеной люк ультразвуковой мойки.

— Какие там запахи! Это все равно, что прожить всю жизнь с закрытыми глазами... Я хочу сказать, что мы очень много теряем из-за того, что наше обоняние не так совершенно, как у волкота.

— Но ты и в самом деле убил одну из этих бедных маленьких антилоп? — наморщила носик Лаура.

— Маленькие, как же! — выпалил Джефф. — И рога острые. И вообще, когда голоден...

— Чего я не понимаю, — переменяла тему Лаура, — так это каким образом работает вся ваша контактная штука.

— Все просто,— сказал Джефф.— Специальная группа спускается на поверхность, оглушает животное и вживляет в его мозг зонд. Потом кто-нибудь в «Деревне» подключается к аппаратуре в лаборатории доктора Карбо... точно как радио или телевидение, только здесь прямая связь от мозга к мозгу.

Опуская последние тарелки в мойку, Лаура покачала головой:

— Я помню случай, когда твой отец опускался на поверхность планеты... тогда Дон Мэтьюсон получил ранение.

— Там внизу тяжелые условия, — сказал Джефф.— Для людей.

На какое-то мгновение воцарилось молчание. Потом Лаура с улыбкой взглянула на Джеффа.

— Там опасности,— добавил он,— всех видов. Воздух полон ядовитых газов, солнечного света нет, опасные животные — волкоты, ядовитые птицы и змеи... И радиация.

— Я знаю,— сказала Лаура. — Как раз поэтому моя мать считает, что нам следует вернуться домой. Альтаир VI — не лучшее место для жизни людей.

— Да,— согласился Джефф.— Но и Земля не лучше.

3

Берни Карбо сидел в своей просторной комнате. Она одновременно служила рабочим кабинетом и жилым помещением с большим количеством плюшевой мебели и толстой циновкой из настоящей травы на полу. Стены в верхней части, изгибаясь, образовывали купол, вершина которого казалась открытой прямо в небо. В действительности, конечно, он не был от-

крыт, просто крыша была сделана из пластигласа, прочного, как титан, и прозрачного, как воздух.

В «Деревне» Карбо был одним из немногих холостяков. Все они жили в одном и том же куполе. Как ни странно, хотя среди членов пятидесяти семей «Деревни» было немало одиноких девушек и незамужних дочерей, неженатых мужчин набралось всего с полдесятка. Что его вполне устраивало.

Откинувшись назад, доктор Карбо опустил спинку кресла для отдыха, которое превратилось в подобие ложа. Его взгляд задержался на середине купола, где в окружающей корабль черноте висели яркие немерцающие звезды.

Комната была освещена мягким светом, напоминавшим весенние сумерки на Земле. Поток воздуха доносил запах свежескошенной травы. При желании Карбо, просто коснувшись кнопки, мог бы установить в комнате аромат джунглей или резкий запах и шум морского прибоя. Берни Карбо любил пожить в роскоши, а он был достаточно блестящим психотехником, и правительство Земли баловало его. Разумеется, в определенных пределах.

Его рука скользнула к подлокотнику кресла, пальцы дотронулись до установленной там кнопки. Но не для того, чтобы изменить запах. В дальнем конце комнаты засветился экран, на пульте компьютера, расположенном рядом с экраном, зажглись лампочки.

— Ввод данных для хранения, — негромко пробормотал доктор Карбо, зная, что вмонтированный в ложе микрофон уловил бы и шепот. — Ввести час и дату записи.

Взглянув на экран, он убедился в том, что время и дата засветились там желтыми знаками на зеленоватом фоне.

— Так, теперь мне нужны все данные по сегодняшнему испытуемому, Джеффри Холмену.

Он сел, кресло сложилось вслед его движению так, что удобная спинка ни на мгновение не оторвалась от спины. На экране компьютера появился график, пульсирующие линии которого указывали частоту пульса, ритмы мозга, дыхания Джеффа и еще многое другое.

— Следующий.

Картинка на экране мигнула, и возник новый график.

Доктор Карбо долго просматривал график за графиком, изучал результаты проверки. Затем он просмотрел видеозапись того, что видел волкот, пока Джефф находился с ним в контакте.

Когда экран опустел, Карбо откашлялся:

— Хорошо, теперь запись.— Его голос стал громче, тверже, как если бы он говорил перед полной студентов аудиторией.

— Поскольку все наши проверки с привлечением взрослых в качестве испытуемых закончились неудачей, мы решили исследовать возможность использования детей и подростков из числа живущих на корабле. Ранее, при попытках использовать взрослых для достижения контакта с животными на поверхности планеты, было установлено, что взрослые полностью неспособны поддерживать такой контакт. Глубокие гипнотические исследования обнаруживают, что взрослые намеренно уклоняются от эффекта «разделения сознания», порождаемого таким контактом. Иными словами, они не могут в достаточной степени отказаться от собственной индивидуальности, чтобы хотя бы временно допустить проникновение в свое сознание индивидуальности животного.

Карбо посматривал на экран компьютера, где с той же скоростью, как он произносил их, появлялись слова. Где-то в уголке сознания шевельнулось желание проверить, будет ли успевать за ним компьютер,

если он заговорит быстрее. Однако он сдержался и продолжал размеренным голосом, не изменяя темпа:

— Ответственность за решение об испытаниях детей лежит на мне. Кое-кто из специалистов-медиков и педагогов корабля резко выступил против этой идеи, некоторые родители также запретили использовать своих детей в качестве, как они говорили, «подопытных кроликов». Пять семей разрешили детям пройти испытания. Первые две проверки закончились неудачей, испытывались мальчики шестнадцати и четырнадцати лет соответственно. Проведенная сегодня днем третья проверка, в которой испытуемым был Джеффри Холмен, оказалась успешной во всех отношениях.

Карбо помолчал. *Теперь можно начинать нагружать ребенка и смотреть, какую нагрузку он сможет принять. Смотреть на всю громаду психотехники, опирающуюся на маленького мальчика.*

Земля задыхалась.

Людей было слишком много. Нет, не так просто. Человечество было не только чересчур многочисленно, но и слишком разобщено.

Пятьдесят миллиардов человеческих существ! Планета Земля была набита битком. Города разрослись до немыслимых пределов, при этом холмы выравнивались, морские побережья застраивались зданиями и автострадами, реки упрятывались под многоквартирными домами, взметнувшимися на километры ввысь. Воздух становился отравленным от загрязнений, реки превращались в зловонные клоаки, даже океаны умирали.

Пятьдесят миллиардов человек. Богатые и бедные. Принадлежащие к разным расам и нациям.

Правительство Земли предпринимало различные

попытки. Все они оказались неудачными. Оно попыталось разоружить все нации и сделать невозможной войну. Оно пыталось обеспечить питанием голодных, образованием — неграмотных, создать стабильность для всех. Кроме всего прочего, оно пыталось контролировать рост населения. Оно потерпело неудачу. Богатые не хотели отказываться от своего богатства в пользу бедных. Бедные не хотели своей работой делать богатых еще богаче. Нации скрывали вооружения, а когда настал подходящий момент, правительство Земли было свергнуто. На Землю возвратились войны. Но не тотальные, не ядерные — малые войны. Война за захват богатой дельты реки, где хорошо растет рис. Война за контроль над залежами урана. Война просто из-за того, что слишком много людей и слишком мало продовольствия.

На большей части Земли преобладали всего два типа ландшафта: переполненные города и сельскохозяйственные угодья. Леса, степи, пустыни — все исчезло. Каждый клочок незастроенной почвы возделывался для выращивания злаков и овощей. Исключения составляли самые труднодоступные горные районы, куда очень немногие, самые удачливые и богатые люди могли ненадолго выезжать на отдых, чтобы полюбоваться настоящими деревьями и, возможно, услышать пение птиц (немногих, которые сумели к этому времени уцелеть).

Природные ресурсы Земли были почти исчерпаны. Уголь, пролежавший в земле сотни миллионов лет, полностью исчез, месторождения выработаны, на их месте остались лишь зияющие шрамы карьеров. Да и эти шрамы вскоре были закрыты тонким слоем искусственной почвы и превращены в поля, пусть и не очень плодородные. Запасы тяжелых металлов — железа, меди, урана и других — практически истощились, их использовали до конца.

Без этих ресурсов гибель человечества становилась только вопросом времени. Оставались три возможности, и отчаявшиеся люди испробовали их все. Были разработаны максимально эффективные методы вторичного использования металлов. Но определенный процент все же терялся, и способов сохранить его не существовало. Осваивались моря, гигантские плавучие драги выделяли минералы из морской воды. Но это оказалось чрезмерно дорогостоящим делом. На планеты Солнечной системы и в пояс астероидов посылались ракеты с целью добычи минералов. Тоже очень дорого, в основном из-за того, что на кораблях приходилось использовать старые неэффективные ракетные двигатели, а не генератор гравитации. Генератор гравитации разрешалось использовать только за пределами Солнечной системы, чтобы его энергия сворачивания не воздействовала на орбиты планет.

Уже более ста лет люди мечтали покинуть Землю и найти новые миры, чтобы поселиться там. Но в Солнечной системе их постигло ошеломляющее разочарование. На Луне могли существовать небольшие колонии, не более того. Природных ресурсов для большого числа людей было недостаточно. Венера, столь привлекательная под облачным покровом, оказалась раскаленным миром песчаных ураганов, на ее поверхности не было никаких жидкостей, кроме расплавленных свинца и алюминия. Марс был холоден и сух, без воздуха, без достаточного количества воды, на нем едва выживали последние представители местных форм жизни. Меркурий был еще хуже Луны, а внешние планеты, от Юпитера до Плутона, были невообразимо холодны, обладали сокрушительной силой тяжести и ядовитой атмосферой. Их луны были не лучше.

И вот генератор гравитационного поля открыл дорогу к звездам. Вместо девяти миров человечество

вдруг получило миллиарды. Вот оно, решение проблемы: уход к звездам!

Зонды-автоматы обнаружили десятки подобных Земле планет в пределах сотни световых лет от Солнечной системы.

Впервые за последние сто лет на Земле почти повсеместно воцарился мир, поскольку каждая нация, имевшая такую возможность, строила звездолет. Или даже несколько. Нации победнее объединяли свои ресурсы и строили корабли совместными усилиями. Ученые, к своей несказанной радости, вышли из опалы и стали международными посредниками и арбитрами. Все эти черные годы конфликтов ученые оставались, пожалуй, единственными людьми, которые оказались выше национальных предрассудков и мирно обсуждали свои дела на международных встречах. Теперь надежды всех землян устремились к ученым: им предстояло выбрать подходящие звезды и направить к ним земные корабли, а также — что еще важнее — уготовить каждой нации свою звезду. Ученые выполнили эту задачу, проявив всю доступную человеку беспристрастность. И, что самое удивительное, все приняли их решения почти без возражений.

К звездам!

Но все это оказалось не так просто.

В Объединенной Федерации Северной Америки, простирающейся от скованных льдом островов Арктики до Панамского перешейка, было построено шесть звездолетов. Первым из них отправился в путь «Кэлвин». Целью его была шестая планета горячей белой звезды Альтаир. Перед личным составом корабля, его пятьюдесятью семьями, стояла задача подготовить планету для колонизации. Им предстояло исследовать мир, названный Альтаир VI, и преобразовать его так, чтобы он мог принять миллионы людей.

По сообщениям беспилотных зондов Альтаир VI

был подобен Земле, только чуть меньше, поэтому с несколько меньшей силой тяжести. Химический состав планеты был аналогичен составу Земли. На ее поверхности были обнаружены большие количества воды в жидком состоянии. Планета была постоянно закрыта облачным покровом без единого просвета, но это только помогало экранировать поверхность от беспощадного жара Альтаира и создавало удобные для человека условия: поверхность была теплой, зеленой и привлекательной.

Однако, прибыв на место, экипаж «Деревни» обнаружил планету с непригодной для дыхания метановой атмосферой, закрытую серыми облаками, в которых содержались невероятно сложные углеводородные молекулы.

— Живые молекулы... вирусы,— сказала главный биолог «Деревни» доктор Анна Полчек.

На поверхности планеты царила чернильная тьма, хотя почва слегка флуоресцировала. Воды было много, но она оказалась настолько насыщенной аммиаком и другими химикатами, что люди не могли ею пользоваться.

— Смог в облаках и химикаты в воде,— невесело шутил капитан Ганнерсон.— Естественное загрязнение среды. Вмешательства таких грязнуль, как мы, уже не требуется.

Когда люди «Деревни» после достаточно долгого орбитального исследования Альтаира VI поняли, насколько он плох на самом деле, они собрались в зале собраний, чтобы принять решение. Выбор был невелик: либо признать поражение и вернуться на Землю, либо остаться на орбите и попробовать изменить планету так, чтобы человеческие существа могли на ней жить.

Руководителем экспедиции избрали доктора Холмена. Он призывал остаться.

— Мы можем победить эту планету! — настаивал он. — Можем перестроить ее для тех миллионов наших друзей и родных, которые истосковались по новому миру.

Голосованием было принято решение внять призывам Холмена и остаться. Они изменят атмосферу, очистят воду. Альтаир VI превратится в новый Эдем. Если местные растения окажутся неподатливыми и помешают выращивать земные злаки, они будут преданы огню, дефолиантам и так или иначе уничтожены. Если опасные животные будут угрожать жизни людей, они также будут уничтожены.

Однако люди не могли работать на поверхности планеты. Там было слишком темно и опасно, и даже в космических скафандрах они не могли оставаться на поверхности больше чем несколько часов кряду. Применение роботов давало немногим больше: коррозия и вездесущая местная растительность настолько быстро выводили механизмы из строя, что они не успевали сделать ничего полезного.

И тут на доктора Берни Карбо снизошло вдохновение. На поверхности планеты обитали гигантские животные. Их можно использовать. Вживить в их мозг зонды и управлять ими с корабля. Так и было сделано. На поверхность опустились специальные группы людей в скафандрах, им удалось оглушить нескольких животных и имплантировать в мозг зонды. При этом два человека серьезно пострадали. Все животные, исключая одного волкота, погибли в течение нескольких дней после операции. Потом выяснилось, что взрослые не способны поддерживать контакт с животными. Тогда Карбо решил испытать молодежь «Деревни», Джеффа Холмена в том числе.

После шести мучительных месяцев на орбите вокруг Альтаира VI люди «Деревни» достигли первого

успеха: Джеффу удалось войти в контакт с волкомотом и удержать его.

Питер Холмен, доктор наук, был геофизиком. Скорее даже геологом. В его обязанности входило определение состава почв и минералов, слагающих планету, на орбите которой они находились. Однако пока он получил в свое распоряжение всего два образца с поверхности планеты: горсть грязи и камни из двух точек, где люди производили посадку.

Получить большее количество образцов оказалось невозможно. Автоматические посадочные ступени по той или иной причине не возвращались, их незамысловатые механизмы, по-видимому, заело или же они корродировали во враждебной атмосфере планеты. Доктор Холмен сам спустился на поверхность с группой людей, но они были тут же загнаны обратно в разведывательную ракету гигантским волкомотом. В конце концов им удалось убить зверя лазерным лучом, но они поспешили взлететь, опасаясь, что его труп привлечет других животных.

В другой раз ураган чуть было не разрушил разведывательную ракету во время ее старта к «Деревне». И уже в безопасности, на орбите, внутри шаров «Деревни», доктор Холмен обнаружил, что один из помощников частично потерял зрение. Его глаза поразило интенсивное ультрафиолетовое и рентгеновское излучение звезды Альтаир, от которого не смогли защитить ни облачная атмосфера планеты, ни густые фильтры визора гермошлема.

Теперь доктор Холмен сидел за своим лабораторным столом, на котором лежали жалкие восемь камней; самый крупный был с кулак.

Лицо его исказила гримаса. Он взглянул на часы, вмонтированные в металлическую стену лаборатории, поднялся с табурета и шагнул к пульта. Набрал

номер на клавиатуре экрана, и почти тотчас на нем появилось лицо жены.

— Где Джефф? — спросил доктор Холмен.

— Его еще нет? — удивилась она. — Я сказала ему, что ты ждешь его в лаборатории.

— Давно?

— Должно быть, около часа назад. — Она на мгновение отвернулась от экрана, чтобы уточнить время.

Доктор Холмен молчал, всем своим видом выражая неодобрение.

— Я вызову его по интеркому, — сказала миссис Холмен. — Может быть, он опять в библиотеке...

— Хорошо. Я буду ждать его здесь, в лаборатории, — раздраженно ответил он.

Доктор Холмен выключил экран. Покачивая головой, он думал: *«Я не знаю, что происходит с Джеффом последнее время. После того как он поработал с Карбо, после контакта с этим животным... он изменился. Витает в облаках. О чем-то мечтает... Это так не похоже на него!»*

Трубы, соединявшие между собой шары «Деревни», тонули в зелени листвы. Создавалось впечатление, будто гуляешь по миниатюрному лесу. Под ногами была трава, вокруг — кустарник и карликовые деревья, на некоторых из них росли настоящие фрукты. Эти заросли не только пополняли рацион обитателей корабля и служили источником значительной доли нужного им кислорода — они были красивы, а красота в долгом полете важна не менее хлеба насущного.

Зелень помогала также замаскировать некоторые особенности «Деревни», способные привести в замешательство. Шары корабля были собраны, как в погремушке, произвольно: не было ни передней, ни зад-

ней части, ни верха, ни низа. Поскольку искусственным тяготением внутри «Деревни» было легко управлять, всюду казалось, что идешь по прямой и ровной тропе при нормальной земной силе тяжести. Однако трубы делали самые причудливые повороты и изгибы. Даже если не чувствовать их при ходьбе, уже само зрелище резко сворачивающей и пропадающей из виду трубы или только представление о том, что тропа приведет к крутому падению, которому конца не видно, смутит кого угодно. Вот почему кусты и растительность были достаточно густы: они избавляли человека от подобных, тревожащих подсознание зрелищ.

Джефф и Лаура шли тропинкой, обрамленной кустарником, между небольшими причудливой формы деревьями. Они не замечали отсутствия звуков настоящего леса: не было ни пения птиц, ни жужжания насекомых, ни журчания воды. Только негромкое гудение электричества внизу, электричества, которое давало необходимые для жизни растений свет и тепло.

Они свернули с тропинки и через кустарник добрались к изогнутой металлической стене трубы. Наконец, они нашли то, что искали, а именно иллюминатор, направленный к планете под ними.

— Какая она яркая, просто ослепительная, — сказала Лаура.

Джефф согласно кивнул. Планета казалась неподвижной, совершенно круглой и сверкающей в резком свете Альтаира. Поверхность ее выглядела невыразительным диском, ровно, без просветов, как свежескрашенная стена, покрытым белесыми облаками.

— Она и будет нашим домом, — сказала Лаура.

— Да. Когда мы приручим ее.

Лаура посмотрела на Джеффа.

— Когда ты приручишь ее.

— Ну, не только я... — Он почувствовал себя взволнованным и одновременно польщенным.

Она улыбнулась ему, как будто знала что-то такое, о чем ему известно не было.

Скорее ради того, чтобы просто переменить тему, чем по какой-либо другой причине, Джефф сказал:

— Это любопытно. Ну, как будто это уже не я больше. Когда я с волкотом... это... Я могу бежать со скоростью ракеты... я *сильный*.

— Ты всегда был сильным, — сказала Лаура.

— Я коротышка, — ответил он, — и знаю об этом. Любой парень моего возраста со мной справится. И в спорте я не гигант — не то, что мой отец. Знаешь, он ведь до сих пор лучший бомбардир футбольной лиги.

— Я не о мускулах, — сказала она. — Мускулы могут быть у любой гориллы. Я хотела сказать, что ты *сильный* в том, что касается... твоего ума, *сильный* духом. Когда ты решаешь что-нибудь сделать, все у тебя получается.

— Гм... ну, может быть.

— Никаких «может быть». Почему, думаешь, они взяли на испытание именно тебя? Я-то знала, что если кто-нибудь и может достичь контакта с животными там, внизу, так это ты. Доктор Карбо сказал, что для этого человек должен обладать определенными качествами, и я поняла, что он говорит о тебе.

Джефф не знал, что сказать.

— Ведь твой отец пытался, верно? — продолжала Лаура. — И доктор Карбо тоже. И еще двое твоих приятелей со стальными мускулами. И ни у кого не получилось.

— Мне просто повезло.

— Нет, не повезло. Тебе это нравится. Тебе хорошо в контакте с этим животным...

— Волкотом, — поправил Джефф. — Пожалуй...

да, думаю, ты права. Мне действительно хорошо. Но что-то пугающее в этом тоже есть. Для меня это не просто контакт с волком. *Я становлюсь им.*

На этот раз Лаура промолчала.

— А ты когда собираешься, — улыбнулся ей Джефф, — попросить, чтобы Берни Карбо испытал тебя? Если у меня получилось, у тебя тоже должно получиться... А чтобы проделать всю работу, нам наверняка потребуется больше народу, чем один человек.

— Девушку он не допустит даже к испытаниям, — сказала Лаура. — Такой хранитель мужского достоинства, как он, боится даже мысли, что девушка может утереть ему нос.

— Кто? Доктор Карбо?

— Ну да, — торопливо ответила она. — Многие девочки просили его испытать их. Он отвечал, что это мужская работа.

— Да... она может стать опасной.

— Но ты же с ней справился.

— Да, но... — Джефф вдруг смутился. Он и сам толком не знал, чью сторону в этом споре ему хочется принять.

Лаура, кажется, почувствовала его колебания. Понизив голос, она сказала:

— Мама собиралась поговорить об этом с доктором Карбо. Может быть, после того, как он убедится, что тебе ничто там не грозит, он позволит попытаться и другим... даже девочкам.

— Ты ревнуешь! — рассмеялся Джефф.

— Нет. Просто я тоже хочу испытать свое счастье.

Их прервал громкоговоритель интеркома:

— ДЖЕФФРИ ХОЛМЕН, НЕМЕДЛЕННО СООБЩИ О СЕБЕ В ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЛАБОРАТО-

РИЮ. ДЖЕФФРИ ХОЛМЕН, НЕМЕДЛЕННО СО-
ОБЩИ О СЕБЕ В ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЛАБОРАТО-
РИЮ.

Джефф хлопнул себя по лбу.

— Квазары! Папа все это время дожидается меня... Я совсем забыл!

Взявшись за руки, смеясь, Джефф и Лаура побежали по аллее по направлению к шару, в котором находилась геологическая лаборатория.

4

— Порядок, Джефф, — сказал доктор Карбо, пристегивая мальчика к ложу. Его темное круглое лицо было сосредоточенно. Даже в глазах не было улыбки.

— Ты уже четыре раза вступал в надежный контакт с волком. Отлично. Теперь пора посмотреть, сможешь ли ты управлять зверем, сможешь ли...

— Краун, — сказал Джефф. — Его зовут Краун.

— Ты дал ему имя?

— Это и есть его имя, я его ему не давал.

Какое-то мгновение доктор Карбо молча смотрел на Джеффа со странным выражением лица. Затем он продолжал:

— Итак, его зовут Краун. Сегодня нам предстоит посмотреть, сможешь ли ты заставить Крауна выполнить для нас кое-какую работу. Мы ищем таких животных, которых можно использовать как помощников при ремонте механизмов, оставленных на поверхности.

Он продолжал все тем же очень серьезным тоном. Аманда и второй техник, Ли, сустились вокруг

Джеффа, подключая разные датчики и контакты, которые связывали его с электронным оборудованием лаборатории.

Наконец приготовления были закончены. Джефф улегся поудобнее и закрыл глаза. Доктор Карбо, пристроившись возле Аманды, наблюдал, как мальчик расслабляется, как будто засыпает. Потом его глаза под закрытыми веками пришли в лихорадочное движение. Пальцы ухватились за пустоту. Он вздрогнул и повернул голову.

На большой панели управления начала вращаться бобина с лентами для записи данных. На ожившем экране возник ставший уже знакомым для всех вид с вершины холма.

— Он в контакте, — прошептал доктор Карбо.

Аманда сделала почти незаметное движение, может быть качнула головой.

— Похоже, это причиняет ему боль.

— На мониторах этого не видно, — сказал Карбо.

— Я знаю, но так выглядит...

— Ему это нравится. Он сейчас герой... каждый ребенок хочет стать героем.

— Может, и так. Но он теряет в весе. Ты заметил?

— Килограмм или около того. Беспокоиться не о чем.

— А я все-таки беспокоюсь, — сказала Аманда.

Краун проснулся мгновенно. Да ему и не пришлось спать крепко. Природных врагов у волкота не было, но опасности подстерегали всюду: безмозглая змея, стая голодных пожирателей падали, другой волкот, претендующий на его вершину холма.

Он поднялся на все шесть лап и по-кошачьи потянулся, потом неторопливой рысью выбежал из-под выступа скалы, где проспал ночь. В мягком рассеян-

ном свете раннего утра он внимательно осмотрелся с вершины холма.

Из леса доносились манящие запахи пищи.

Нет, не в лес. На восток, лугами, навстречу восходящему солнцу.

Краун негромко прорычал. В лесу пища была, но и в лугах она должна быть. Кроме того, вчера он хорошо поел. Можно и поголодать. Пока.

Тем не менее, какая-то странность была в том, что он поворачивался спиной к собственным охотничьим угодьям и покидал свой холм и лес. Оглянувшись напоследок, он тяжело протопал вниз по склону холма и повернул к поросшей травой открытой равнине, что простиралась до самого горизонта к утреннему солнцу.

Он добился! Он управляет зверем!

В лугах волкота встретили новые запахи. Странные запахи. Место было совершенно плоское, однообразие равнины нарушали только пологие складки почвы. Деревьев не было вовсе, хотя кое-где встречались островки кустарника, достававшего до плеча, а трава была Крауну по колено. Дул сильный ветер. Не встречая преград на своем пути, бриз уже не вздыхал; его порывы хлестали по меху Крауна, волнами гнули траву от самого горизонта до его лап.

Еще до наступления дня внутренности Крауна превратились в сплошной комок голода. Но съедобные животные на глаза не попадались. Запахов было много, но самих животных он не видел.

Он остановился и повернулся к ветру. Запахи пищи были сильными и свежими. Но не те запахи, что были в оставленном им лесу. Другие запахи. Других животных.

Краун припал к земле, распластавшись на своем пустом брюхе так, что почти все его громадное тело скрылось в траве. На виду осталась только серая не-

подвижная линия спины над кистями волнующейся травы. В полной неподвижности, боясь моргнуть глазом, едва дыша, он всматривался и ждал.

Под гладким покровом перламутровых облаков над головой громоздились серые облака. Как сжатые кулаки темноты, они рассыпали по равнине свои стремительно гонимые бешеным ветром тени. Краун всматривался в траву, то сверкающую в свете дня, то темневшую в набежавшей тени.

Что-то пошевелилось! Маленькая коричневая пушистая тварь, не больше его лапы. Но все же пища.

И еще одна! Над травой показалась пушистая коричневая голова, животное беспокойно оглянулось и задергало носом, вынюхивая опасность. Краун лежал с подветренной стороны, и оно не почуяло его запаха. Голова спряталась, но правее тут же высунулась еще одна.

Не так уж много, но лучше, чем ничего. Краун ждал, ждал. Маленькие твари сновали в траве, подбираясь все ближе и ближе. Краун напрягся. Ближе...

Взревев, Краун прыгнул. Приземлившись на одно из животных, он мгновенно убил его и следующим прыжком настиг еще одно. Трава вокруг вдруг ожила от скачущих и бешено снующих зверьков; они непрерывно щебетали, вскрикивали, разбегаясь от громадной ревущей смерти, обрушившейся прямо на них.

Пытаясь схватить еще нескольких, Краун равнулся в одну сторону, потом в другую, но они легко ускользали от него. Некоторые умудрялись проскользнуть прямо под его брюхом прежде, чем он успевал повернуться и ударить. Несколько минут он бессмысленно метался по траве, рычал, прыгал, крутился — безрезультатно. Добыча ускользала, словно вода сквозь пальцы.

Раздраженно поворчав напоследок, Краун вернулся к двум убитым животным. Завтрак получился небогатым.

Громоподобный рев заставил его поднять голову.

В нескольких прыжках от него стоял огромный волкот. Оскалившись, он уставился на Крауна. Поседевшая морда выдавала уже солидный возраст, но могучее рычание и массивный корпус свидетельствовали о том, что он был еще силен, сильнее Крауна.

Однако Краун вовсе не намеревался отказываться от своей добычи, как бы мала она ни была. Он прорычал в ответ незваному гостю.

Рядом с первым из травы поднялся еще один волкот. Самка. Она тоже зарычала. А возле старого самца с другой стороны появился третий. Позади себя Краун тоже услышал рычание. Обернувшись, он увидел еще двух самцов, поменьше и помоложе его самого. Итак, против него пятеро.

Краун понимал, что означает их рев. Они пришли не из-за еды. Краун оказался на их территории. Это он был незванным гостем. И семейство собиралось избавиться от него.

Они с сопением и ворчанием кружили вокруг, поглядывая воинственно. С каждым их шагом круг становился теснее, уже.

Краун стоял над своей ничтожной добычей, в его горле клокотало рычание. Вожак остановился и взревел во всю мощь своей ярости. В десятке метров от него, там, где стоял Краун, этот рев отозвался болью в ушах. Краун подобрал одну из пушистых тварей и, прижав ее правой передней лапой, прихрамывая на остальных пяти, бросился наутек.

Они преследовали его еще какое-то время. Потом, удовлетворенные тем, что он покидает их территорию, отстали, проводив всего лишь несколькими предупреждающими рычаниями.

Краун промчался лугом, одолел небольшой подъем и остановился посмотреть на семью волкотов. Старый самец по-прежнему стоял, ошетилившись, и в упор смотрел на Крауна. Краун досадливо огрызнулся и продолжил свой путь по траве прочь от волкотов.

Они — животные территориальные. Он не сможет добывать пищу там, где есть другие волкоты.

Тогда ему придется найти территорию, где нет других. Или самому стать вожаком семьи.

Это легче сказать, чем сделать. Намного легче.

Мяса у этой маленькой пушистой твари оказалось немного. Изрядно голодный, Краун возобновил поход по равнинным лугам.

Когда он затрусил дальше, небо начало темнеть, приближалась буря. Черные тучи закрыли все небо, ветер взвыл, донося до трепещущих ноздрей Крауна запахи других волкотов.

На своем холме Краун укрылся бы от дождя либо под выступом скалы, либо в пещере. В лесу тоже хватает деревьев и густого кустарника, чтобы переждать бурю. А здесь, в открытых лугах, никакого укрытия не было. Ничего, кроме травы, исхлестанной бешеным ветром.

Молния расколола небо пополам, и вслед за взрывом грома хлынул дождь, такой сильный и густой, что Краун ничего не видел дальше собственного носа.

Снова молния! Ему никогда не приходилось видеть зазубренный язык молнии так близко, таким ослепительно ярким. *Вниз! Ложись, не то молния попадет в тебя.* Поворчав на безысходность своего положения, Краун улегся в мокрую, прилипающую к телу траву, отдавая свою шкуру на избиение дождем.

И не только дождем. Кусочки льда пулями барабанили по шкуре, трескали по толстым костям черепа, даже царапали его через толстый мех. Краун вздрагивал, ворчал, а градины тысячами иголок вонзались

в него. Он зарылся мордой глубже в траву, в самую грязь, лишь бы хоть как-то укрыться от града.

Продолжалось все это, вероятно, какие-то минуты, но ему они показались часами. Наконец град кончился, а дождь еще долго слабел, пока не прекратился вовсе. Тучи еще задерживались, хотя и неслись по небу, серые и грозные, будто торопились по важному делу.

Весь этот длинный серый день Краун продвигался лугами, стараясь не попадаться на глаза другим волкотам, избегая всех животных, подавляя гложущее чувство голода, эхом отдававшееся в брюхе. К вечеру он устало поднялся на низкую цепь округлых холмов. Неподалеку журчала вода. Он почуял хорошую антилопу и вскоре увидел ее: коричнево-белая, с грозными рогами, стройная, быстроногая, она подошла напиться к плещущей воде ручья. Краун безмолвно бросился на нее, настиг, когда она попыталась отпрыгнуть, одним молниеносным движением схватил и убил.

Не успел он съесть и небольшой части добычи, как появились другие волкоты. В быстро сгущавшихся сумерках он разглядел их угрожающие силуэты и услышал грозное рычание.

Краун зарычал в ответ. *Я голоден! Это моя добыча!*

Они медленно продвигались к нему. Краун быстро запихнул в пасть, насколько смог, большой кусок добычи, прошлепал через ручей, и крадучись, двинулся дальше по лесистым склонам холма.

Все так же болезненно голодный, он уснул у подножия дерева. Засыпая, он увидел свой лес и свою вершину холма.

— Он и в самом деле спит,— удивленно шепнула Аманда, взглянув на маленькое тело Джеффа, распростертое на ложе.

— Да,— сказал доктор Карбо.— У него был трудный день. Но на этих холмах нельзя надолго оставлять животное без присмотра. Слишком много в него вложено, чтобы потерять его сейчас.

— Не можем же мы требовать от ребенка...

Карбо знаком остановил ее.

— Пусть спит, пока не проснется животное. Можно воспользоваться электронным транквилизатором. Он отдохнет лучше, чем на руках у собственной матери. И немного питания введем внутривенно. Он должен быть наготове к моменту, когда проснется животное.— Доктор тоже говорил шепотом, но настойчиво, поэтому его голос звучал почти как шипение.

— Так нельзя обращаться с ребенком,— горестно сказала Аманда.

— Ерунда,— оборвал Карбо.

— Сочтут ли это ерундой его родители? Они уже три раза звонили, спрашивали о нем.

— Скажи им, что он останется здесь на всю ночь. Скажи, что мы о нем позаботимся. Ради бога, Аманда, не валяй дурака, не сейчас по крайней мере,— слишком многое поставлено на карту!

Аманда невольно улыбнулась.

— Не надрывайся так. Я уже сказала Холменам, что Джефф останется здесь на ночь. И я их уверила, что блистательный доктор Карбо и его верная помощница будут самолично ухаживать за их сыном и следить, за тем, чтобы ему было хорошо.

Карбо расплылся в улыбке.

— Милая ты моя! Я знал, что на тебя можно положиться.

— Но тем, чего ты не знаешь, можно было бы за-

полнить полки библиотек,— сказала Аманда, покачав головой.

— Ладно, ладно,— он потрепал ее по черной шелковистой щеке.— Ты уж проследи за тем, чтобы он был накормлен и ухожен. А завтра наступит еще один великий день. К полудню зверь должен добраться до лагеря, если ничего не стрясется.

Карбо, обойдя ложе, где спал Джефф, направился к дверям.

— Ты куда? — громким шепотом спросила Аманда.

— За едой,— театрально прошептал он в ответ.— С чем ты предпочитаешь бифштекс?

— С кетчупом.

Она рассмеялась при виде его гримасы.

5

Краун проснулся с восходом солнца, сверкающего Альтаира, зловещим ярким пятном пробившегося сквозь серебристо-серые утренние облака.

На этих холмах было хорошо, почти как дома. Среди деревьев пахло пищей. А тень от высоких густых ветвей обещала укрытие от полуденного зноя.

Нет. Здесь оставаться нельзя. Надо добраться до лагеря.

Медленно разминая затекшие члены, Краун поднялся. Подергивая носом, всмотрелся в еще темный, затененный лес. Голодное брюхо дало себя знать, и он заворчал. Однако повернулся и двинулся сначала вверх на гребень холмов, а затем по другому склону вниз, направляясь к обширной каменистой пустыне, простиравшейся на сколько хватал глаз.

Над головой между низкими облаками парил большой крылатый зверь. Краун заметил его, когда дотоптался до последних деревьев и выбрался на хилую травку, обрамлявшую пустыню по краю. Ничего похожего на эту птицу ему раньше видеть не доводилось. Она была гораздо крупнее тех птиц, которых он знал. Перьев у нее, на первый взгляд, было мало, только на концах крыльев. В коротком мощном клюве мелькали зубы.

Почти без всяких усилий животное легко парило в потоках нагретого воздуха, которые уже поднимались над каменистой пустыней.

Краун остановился у подножия холма, где трава становилась реже и в конце концов пропала совсем. Теперь перед ним остались одни раскаленные голые камни. Он оглянулся на лес, покрывавший верхнюю часть холмистых склонов. Ветерок, еще дышавший прохладой, рассказывал ему о съедобной живности, что обитала среди деревьев. Он зарычал, вздрогнул... и двинулся к скалам.

Такое управление животным на грани фантастики! Он уморит его голодом.

Сейчас важнее добраться до лагеря. Пусть животное поголодает день-другой, может быть, удастся заполучить еще одного.

Было непереносимо жарко. Альтаир в облачном небе поднимался все выше, камни раскалялись и уже начали обжигать лапы Крауна при ходьбе. Огромный птероящер по-прежнему парил высоко над головой, как бы поджидая... поджидая...

Скалы. Одни скалы. Над ними дрожали потоки горячего воздуха, и все окружающее плыло перед глазами, как при головокружении. Краун все медленнее продвигался вперед, позабыв даже о голоде, а беспощадное солнце карабкалось все выше и выше, выплескивая на него жгучие лучи.

Но вот в дрожащем мареве он заметил еще нескольких птероящеров. Четверо. Десяток. Еще много-много. Они кружились где-то далеко на горизонте.

Вдруг он догадался, что это означает. Краун остановился, разглядывая летающих тварей, а они стали снижаться, пикировать и садиться, раскинув крылья. Они были слишком далеко, чтобы разглядеть, где или зачем они садились. Тем не менее каким-то непостижимым образом он это знал.

Краун свернул с намеченного пути и направился к скоплению птероящеров.

Нет! Он должен идти прямо к лагерю.

Управляет по-прежнему Джефф. Он позволяет животному свернуть.

Что-то идет не так. Я буду заканчивать...

Подождите. Подождите! Посмотрим, чего добивается Джефф.

Уставший, изнемогающий от беспощадного солнца Краун продвигался к месту, где садились птицы. В такой каменистой пустыне могут водиться только стервятники. А приземляются стервятники там, где есть добыча. И поскольку они начали садиться всего несколько минут назад, добыча свежая.

Место, где садились птероящеры, закрывали от взора Крауна валуны выше его роста. Краун двинулся через них — где карабкаясь, где протискиваясь или обходя скалы.

Наконец он остановился на вершине огромной, источенной ветрами и выбеленной солнцем скалы. Он больше не замечал жары и боли в лапах, он вглядывался в разыгрывающуюся внизу сцену.

Около сотни птероящеров сгрудились вокруг животного. Животное было гигантских размеров, не меньше самого Крауна. Но совсем иное. Его пятнистый зеленовато-коричневый мех был покрыт чем-то сухим и белесым, как пыль. Голова его довольно

мала, на ней выделялись большие пластины двух направленных вперед глаз. Сильные острые зубы. Четыре ноги. Впрочем, для передвижения, по-видимому, служили только две из них, поскольку передние конечности выглядели иначе, чем задние: они были длиннее, тоньше, а лапы казались даже гибче, чем передние лапы самого Крауна.

Оно напоминает медведя, древнего медведя-кадь-яка.

Да, но передние лапы скорее похожи на обезьяньи, а не на медвежьи.

Оно было еще живое. Повалившись на спину, животное едва шевелило задними лапами. Глазные пластины его были почти неподвижны, но рот кривился от боли и ужаса, когда оно выпускало когти на передних лапах, пытаясь отогнать подбирающихся к нему стервятников.

Это ужасно! Направьте дополнительные камеры на этот экран. Таких животных еще никто не видел.

О таких даже сообщений не было. Мы открыли новый...

О нет!

Краун напряг мускулы и зарычал, разгоняя птероящеров. Они испуганно взмыли в воздух, подняв невероятный шум криками и хлопанием крыльев. Когда они устремились высоко в небо, Краун прорычал еще раз им на прощание.

Потом повернулся и прыгнул к горлу поверженной обезьяны.

О господи!

Джефф... как ты можешь?!

Обезьяна была слишком слаба, чтобы защищаться. Краун набивал брюхо до тех пор, пока высоко над его головой, шумно негодуя, снова не появились птероящеры. Они, однако, выжидали, пока он уйдет, прежде чем наброситься на остатки.

Наконец, торжествующе зарывав, Краун оставил окровавленную тушу и продолжил свой путь по каменистой пустыне.

День клонился к вечеру, когда он добрался до еще одной холмистой местности. Таких крутых и скалистых холмов, как здесь, Крауну видеть не приходилось. Каменистые подножия были исполосованы узкими руслами ручьев, которые долгие годы без устали точили камень. Выше, примерно с середины суровых склонов, чудом удерживаясь на камнях, росли кустарники и трава, ближе к вершинам — деревья. Самые же вершины покрывал густой красивый лес; кроны его деревьев ритмично раскачивались на ветру.

Краун даже замурлыкал от удовольствия. Не важно, что склоны круты и карабкаться на них трудно, зато как хорошо, выбравшись из каменной пустыни, попасть в прохладу леса.

По мере того как он приближался к вершине холма, карабкаясь по-кошачьи, прыгая со скалы на скалу, его уши настораживались. Там было что-то непонятное. Глухой, гудящий звук, повторяющийся снова и снова. Краун никогда не слышал ничего подобного. Он ошетинился. Он не то, чтобы чувствовал страх — волкотам неведомо это чувство. Просто ощущение неизвестного вздыбило его мех, он оскалил зубы и исторг глухое рычание.

Ближе к вершине холма идти стало легче. Прохладная влажная трава нежно ласкала его обожженные лапы. Но странный, тревожащий звук был слышен и здесь, даже громче, заглушая мягкий голос ветра: *ссс-врууум... сссвррууум!* А теперь еще ветер доносил вместе с ним струи странного, незнакомого Крауну запаха.

Почти касаясь животом земли, прижав уши, оска-

лившись, Краун крадучись пробирался по траве и кустарнику, осторожно, беззвучно, как тень — трехтонная тень, вдруг оказавшаяся лицом к лицу с...

Вдруг Краун рассмеялся про себя. Напряженные мускулы расслабились. Он сел и устался на пляж, что расстилался внизу, под крутым склоном холмов. Тут он и увидел прибой, выраставший из океана и обрушивавшийся на песок с длинным, медленным, могучим *сссс-еррруууууммм!*

Краун никогда прежде не видел океана. И Джефф тоже. Он просто сидел возле толстого сучковатого ствола дерева и смотрел, как серо-голубая вода собирается с силами, волной вздымается выше и выше, двигаясь по направлению к берегу — быстрее, быстрее, закручивает белый гребень пены на вершине, и *еррууум!* С грохочущим дрожащим ревом волна разваливается и взбегает на песчаный пляж уже не опаснее пены, а в это время новая волна уже готовит вдали от берега свой горб.

Наконец Краун поднялся и по отлогому склону затрусил вниз, на пляж. Он направился прямо к воде, оставляя в песке глубокие отпечатки лап. Наклонив огромную голову, он принюхался к воде, которая бурлила водоворотами между его ногами. Так вот откуда шел странный запах. Соль.

В прохладном бризе ощущался резкий привкус этого нового запаха. Но запахов пищи не было. Краун знал, что выше по холмам, в лесу, пища должна быть. Правда, возможно, там есть и другие волкоты. Но с этим можно подождать.

Лагерь находится на этом пляже, километрах в четырех севернее.

Легкой рысью Краун направился на север по песчаному берегу. Время от времени он бросался в прибой и бурно плескался в нем, как ребенок, шлепая лапами по воде и вздымая огромные фонтаны брызг.

Он играет!

Он же впервые попал на пляж.

Ради всего святого... у нас такая серьезная работа, а он играет.

Не будьте занудой!

Краун наконец добрался до лагеря. Он почуял его задолго до того, как увидел: прогорклые, едкие запахи масла, странные новые запахи, от которых он наморщил нос.

Выглядел лагерь и того хуже. На длинном изогнутом участке пляжа были разбросаны сотни металлических блоков машин. У одних были гусеницы и бульдозерные ножи, у других — колеса. Стояли на берегу и громоздкие прямоугольные формы, хаотично покосившись там, где песок просел под их тяжестью. В глубине, дальше от воды, раскинулся огромный пластиковый купол, такой большой, что в нем могли бы уместиться человек сто. Но теперь на этом когда-то белом куполе зияли рваные дыры и виднелись потеки черной, как сажа, смазки.

Краун подошел к машинам поближе и даже обнюхал некоторые из них. Мертвы. И пищи здесь нет. Тусклая поверхность металла была покрыта пятнами ржавчины.

А ведь считалось, что этот материал не подвержен коррозии.

Только не в таком воздухе, как там, на поверхности.

Опасности здесь нет, решил Краун. До него еще не дошло, что машинное зловоние может перебить запах змей или даже другого волкота. Но так или иначе пищи здесь не было, и Краун поднял взгляд к лесу, покрывавшему вершины холмов. Солнце садилось, и тени деревьев манили к себе.

Полагаю, он не забредет слишком далеко. Кончаем. Снимайте контакт.

Аманда Корли всматривалась в экраны и приборы на панели управления. Нахмурившись, она мягко тронула несколько кнопок на клавиатуре.

Она слегка повернула кресло и взглянула на Джеффа, спокойно лежавшего на ложе. На его голове красовался серебристый шлем, к манжетам на запястьях и лодыжках тянулись провода.

— Ну, что там? — спросил Берни Карбо. Он стоял в дальнем конце длинной, во всю стену, панели управления.

Аманда прищелкнула языком.

— Он не отключается... как будто... почти...

— Что такое? — Карбо несколькими быстрыми, нервными шагами подскочил к ее креслу.

— Как будто он *не хочет* отключаться.

Аманда не спускала глаз с Джеффа. По сонному лицу мальчика блуждала улыбка.

— Выключай, — сказал Карбо. — Снимаем питание и отсоединяемся.

— Но он не реагирует на наши команды. Раньше он всегда сам выходил из контакта, прежде чем мы снимали питание.

Карбо взглянул на Джеффа.

— Ему не будет больно. Снимай питание помедленнее. Он выйдет из контакта прежде, чем мы полностью отключимся.

— Я не знаю...

— Это не повредит ему, даже если он не будет помогать нам.

Аманда едва заметно покачала головой. Лишь хорошо знающий ее человек, такой, как Карбо, мог вообще уловить это движение: «Дай-то бог...»

Она задала с клавиатуры требуемый режим и перевела взгляд на мальчика. Джефф слегка шевельнулся. Он протяжно вздохнул, почти застонал, и

Аманда вдруг почувствовала, что и сама она задерживает дыхание.

Джефф открыл глаза и увидел над собой изогнутый металлический потолок лаборатории. Ни неба. Ни ветра. Ни океана, ни рокочущего прибоя. Только гудение электронных приборов и пресный металлический запах корабля, перекрываемый острым запахом антисептиков.

В поле зрения появилось лицо доктора Карбо.

— Как самочувствие?

Джефф моргнул.

— Нормально...

Улыбаясь, подошла Аманда, начала отстегивать манжеты на его руках и ногах.

— Ты, должно быть, устал? Трудный выдался денек, а?

— Ух... да, пожалуй, устал. — Джефф почувствовал, как кто-то — доктор Карбо, конечно, — снял шлем с его головы. Кожа на голове чесалась... нет, даже горела.

— Минутку, — мягко сказала Аманда. — Пока не надо садиться.

Она ненадолго пропала из поля зрения. *Интересно, что-то там проделывает без меня Краун?*

Вернулась Аманда с наполненной оранжевой жидкостью пластмассовой чашкой.

— Вот, выпей-ка, — сказала она. — Хорошо восстанавливает силы. Лежать целый день на этом ложе — тяжелая работа.

Он улыбнулся ей и отхлебнул.

— Пей до конца. Ужина это тебе не испортит.

Джефф сел и свесил ноги с ложа. Аманда стояла прямо перед ним. Она улыбалась, положив руку ему на плечо. Доктор Карбо склонился над одним из пультов панели управления, наблюдая за вращением бобин с лентами данных.

— Который час? — спросил Джефф.

Аманда взглянула на запястье.

— Пять минут седьмого.

Скоро закат.

— Я провожу тебя до дому, — сказала Аманда.

— Я и сам могу, — сказал Джефф, но не очень уверенно.

— Ничего... я ведь живу недалеко от вас.

— Половину «Деревни» надо пройти, — возразил Джефф.

— А мне нравится гулять, — смеясь, поддержала игру она. — Пойдем. Ты уже способен на прогулку?

— Конечно, — с радостью согласился Джефф.

Обед проходил спокойно и неторопливо. Джефф обнаружил, что он не очень голоден. Мать взволнованно следила за ним, и отец, казалось, изучал каждое его движение, а он нехотя ковырялся в тарелке.

— Ты не доел бифштекс, мой мальчик, — сказала мать, когда Джефф отодвинул тарелку. — Я приготовила его специально для тебя.

— Только пяти семьям в неделю полагается бифштекс, — строго сказал доктор Холмен.

— Я не особенно голоден... Наверное, они накормили меня, пока я был на ложе.

Джефф потер ранку на сгибе руки.

— Конечно, накормили, — возмущенно воскликнул отец. — Солями и сахаром. А тебе нужен белок.

— Меня перекормили, — сказал Джефф. — Сыт по горло.

— Пока не доешь, не получишь сладкого.

— И не надо, — быстро согласился он. — Я в самом деле сыт. Честное слово.

Брови доктора Холмена полезли вверх, как бы вопрошая: ну что делать с этим мальчишкой?

Вслух он сказал:

— Отлично. Тогда отправляйся в гимнастический зал и по крайней мере два часа посвети упражнениям.

— Что-о?

— Приказ врачей. Сам доктор Карбо сказал мне об этом, когда я заглянул проведать тебя. Нельзя целый день проводить на ложе и не заниматься гимнастикой.

— Но я устал!

— Умственно — возможно, но не физически. Отправляйся в зал. На два часа.

И не так ужасно это оказалось.

Там уже прыгали на большом батуте Лаура и несколько других ребят. Но, заметив Джеффа, она спустилась к нему. И они поиграли в бадминтон в секции зала с нулевым притяжением, летая друг над другом, забрасывая волан то под сетку, то над сеткой, которая висела на середине корта. Они играли до тех пор, пока не кончилось топливо в их ракетных поясах, а потом, смеясь и с трудом переводя дыхание, спустили лестницу на пол гимнастического зала с его обычным земным притяжением.

К этому времени зал заполнился мальчишками и девочками, и они затеяли игру в «гигантский волейбол». Перед игроками стояли три задачи: набрать как можно больше очков, над сеткой играть по возможности резко и, наконец, во время подачи стараться забросить мяч в секцию с нулевым притяжением. Все корчились от смеха, когда мяч влетал туда и начинал бешено крутиться вокруг сетки.

Но вот прозвучал звонок, извещавший о том, что им пора покинуть зал. Пришло время взрослым пытаться делать из себя атлетов.

Джефф проводил Лауру домой: их дома-шары располагались по соседству.

— Я сегодня разговаривала с Амандой, — сказала Лаура, когда они шли по длинной зеленой аллее.

— О контакте с животными?

Лаура кивнула.

— Мы виделись в кафетерии. У нее не было ни минуты свободной. Она и думать не хочет расстаться с тобой.

Джефф почувствовал, что краснеет. Хорошо хоть, что здесь достаточно темно, может, Лаура и не заметит.

— А-а.. Ну и что она сказала? О тебе, конечно.

— Что собирается поговорить с доктором Карбо. Сказала, что не видит, почему бы и девочкам не делать того же, что делают мальчики. Но именно сейчас, сказала она, они внимательно тебя наблюдают, чтобы удостовериться, что контакт с животными не причинит вреда тем, кто этим занимается.

— Резонно, — заметил Джефф.

— Если ты можешь это делать, я тоже сумею, — возразила Лаура.

Джефф кивнул.

— Согласен.

У Лауры вытянулось лицо: она, видно, надеялась получить в свои руки нужные доводы и приготовилась к спору.

Когда Джефф вернулся домой, отец с выжидательным видом сидел в гостиной.

— Привет, — сказал Джефф, закрывая за собой дверь.

— Здравствуй, — ответил доктор Холмен. Мамы в комнате не было. — Как твои успехи?

— Нормально. Устал немного.

— Не присядешь ли на минутку?

Машинально Джефф выбрал софу, сел напротив отца, раположившегося в виброкресле.

— Сегодня вечером я разговаривал с доктором Карбо.

Джефф промолчал.

— Берни сказал, что ты... гм... ну, как бы ослушался приказа сегодня днем, — продолжал доктор Холмен. — А может быть, это было утром. Во всяком случае, ты позволил зверю сойти с дороги, которая вела в лагерь...

— Он был голоден. Умирал с голоду.

— Но тебе же надлежало...

— Краун — не машина. Если он не поест, он не будет способен ни на что. И он же дошел до лагеря... после того, как поел.

— Ты разрешил ему убить беспомощное животное...

— Он убил, чтобы насытиться! Эта обезьяна, или медведь, или как там его назвать — оно же умирало. Стервятники уже готовы были разорвать его на части. А Краун был голоден.

Доктор Холмен закусил губу, на щеках его запрыгали желваки.

— А ты не подумал, что эта обезьяна, это животное, или что-то там еще, что оно могло быть разумным?

— Разумным?..

— Не таким, как мы, конечно. На этой планете нет ни городов, ни деревень. Но быть может, это вроде наших далеких предков на Земле — разумное животное, от которого пойдет раса цивилизованных существ.

— Мне это в голову не приходило. Краун... он был такой голодный...

— Не о пустом брюхе животного следует заботиться, Джефф, у тебя задачи поважнее.

— Краун — вовсе и не животное! — выпалил Джефф, сам удивляясь внезапно возникшему гневу.

— Что?!

— Он... Нет, с ним так нельзя. Он наш единственный помощник там, на поверхности, разве не так? Сколько усилий стоил один этот зонд у него в мозгу! Он один-единственный на планете, с кем удалось вступить в контакт. Нельзя же его выжать как тряпку какую-нибудь, а потом выбросить!

— Да, разумеется... но все-таки это только животное, Джефф. Еще немного, и мы вживим зонды в мозг другим животным. Этот зверь — всего лишь первый.

— Краун — не только просто животное. Он — наш помощник, и один-единственный там, на планете, — горячо настаивал Джефф.

А внутренний голос ему шептал: *«Он — это я!»*

6

Боль! Она была такой сильной, такой невыносимой, словно раскаленные ножи вонзились в его внутренности, и Джефф чуть не сорвался с ложа, чуть не оборвал провода и манжеты, подсоединенные к его телу.

Аманда увидела, как на панели управления индикаторы всех измерительных приборов вспыхнули красным, сигнализируя перегрузку. Доктор Карбо застыл на полпути между креслом Аманды и ложем, где корчился и громко стонал Джефф.

Краун лежал на животе, истекая кровью.

Его правая передняя нога кровоточила, пылала и пульсировала от боли. Все тело было покрыто глущо-

кими ранами, особенно спина. От нестерпимой боли он почти терял сознание.

С вершины холма, расположенного прямо над лагерем, из-за деревьев раздавался предостерегающий рев старого волкота. Краун попытался охотиться на его территории. Старый вожак и четверо молодых волкотов безжалостно набросились на Крауна. Отчаявшись от голода, Краун дал отпор. Но силы были слишком неравны. У них не было намерения убить его — они просто хотели отогнать его от собственного источника существования. Отогнать Крауна оказалось не так-то легко. Когда он наконец сдался, он был полумертв.

И вот он лежал возле скрюченных останков машин на берегу океана, задыхаясь, кровь медленно впитывалась в песок.

Избавь его от этого, Берни! Нельзя допускать такую перегрузку!

Без паники, он справляется. Индикаторы уже зеленеют... видишь?

Нельзя ли как-нибудь заблокировать болевые ощущения?

Нет. Даже если бы мы могли, ничего хорошего из этого не получилось бы.

Краун зарычал. С трудом поднялся на ноги. Прихрамывая, стеноя от боли, с кровоточащими ранами, он шел по покинутому лагерю среди диковинных машин и похожих на коробки зданий. Станные, злые запахи. Мертвые предметы, предметы, которые никогда не были живыми. Но совсем непохожие на скалы или песок. Эти металлические сооружения были совершенно чужды Крауну. И все-таки что-то в них было... едва различимое. Что-то такое... запах живого, еле слышный и ни на что не похожий. Краун, шатаясь, сделал несколько шагов по песку и рухнул возле полуразвалившегося трактора.

Голова у него пошла кругом, все поплыло перед глазами. Но, несмотря на это, он ощущал запах пищи. Пища когда-то тут была. И еще обязательно будет. Дело только в том, когда. Может, даже Краун к тому времени еще не умрет с голоду, не умрет от усталости или от потери крови.

— Я же сказал — отключай его! — повторил доктор Карбо.

Аманда смотрела на него широко открытыми глазами.

— Он не реагирует... Совсем не реагирует.

Карбо обернулся к ложу, на котором беспокойно лежал Джефф. Тело мальчика медленно изгибалось, рот был открыт.

— Нет... Нет.... — едва слышно выдохнул он.

Аманда с тревогой заметила:

— Он не хочет выходить из контакта.

В ее дрожащем голосе звучал испуг.

Берни почувствовал, как его лоб покрылся потом.

— Черт возьми! Только его силой воли и поддерживается жизнь в этом животном.

— Но боль способна убить Джеффа, — возразила Аманда.

— Нет... Вряд ли...

— Смотри! — вскрикнула Аманда.

На контрольных приборах все показатели — пульс, частота дыхания, электрическая активность мозга — снова полезли вверх.

— Что-то стимулирует животное.

— Но Джефф...

— Следи за экраном, — сказал Карбо.

Краун, преодолевая боль, сосредоточенно вглядывался в берег и раскинувшийся перед ним лагерь.

Запах стал сильнее и с каждой минутой усиливался. Приближалось что-то живое. Пища.

Краун затаился. Напряг онемевшие, окаменевшие от боли мышцы. Передняя лапа продолжала кровоточить, но кровь почти свернулась и уже не лилась, как прежде, а медленно капала. И по всему телу Крауна вместе с болью от ран растекалось чувство нестерпимого голода.

С моря потянуло ветерком, но он дул под таким углом, что захватывал запахи с того участка пляжа, который находился за лагерем. Ветер пригнал с собой студеную мешанину дождя со снегом, а снег Крауну довелось увидеть впервые. Но он не удостоил его своим вниманием. Стояло раннее утро, и Альтаир еще не поднялся настолько, чтобы разогнать туман и морозящий дождь, висевшие над океаном.

И тут Краун их увидел. Обезьяны, вроде той, что он нашел в пустыне и отвоевал у стервятников.

Эти обезьяны, однако, выглядели здоровыми и сильными. Их было трое, они осторожно крались дальним концом лагеря на всех четырех лапах.

Семья: отец, мать, детеныш.

Хорошенький детеныш, ростом со здорового резбиста.

Не двигаясь, затаив дыхание, Краун выжидал, когда они подойдут поближе, на дистанцию прыжка. Нужно достать самого большого из них. В первую очередь самого большого, одним мгновенным выпадом. Тогда остальные убегут. А если даже не убегут, без вожака с ними будет легче справиться.

Берни, он собирается убить их!

Что-что? О чем ты?

Волкот-Джефф... Он собирается убить обезьян. Чтобы съесть.

Этого нельзя допустить. Холмен, Полчек и осталь-

ные намерены изучать обезьян. Они были вне себя от гнева, когда он убил ту, первую, в пустыне.

Но именно это он и собирается сделать!

Придется остановить его.

Каким образом?

Выключаемся. Возвращаем Джеффа сюда и будим его.

Мы не успеем. И это все равно не поможет. Волкот в конце концов сделает это сам. Он же голоден.

Вот скотина! Нельзя допустить, чтобы это случилось.

Мы не можем этому помешать.

Обезьяны подходили ближе. В дальних закоулках сознания Краун любопытствовал, как они попали сюда, на пляж, почему пробирались лагерем. Может быть, они часто приходят сюда? Это их тропа или часть принадлежащей им территории?

Самец был велик, крупнее самого Крауна — огромная гора темно-рыжего меха, увенчанная тяжелым круглым черепом с костными гребнями над глазными впадинами. Он шел спокойно. Ветер уносил запах Крауна прочь, и самец, казалось, был озабочен лишь тем, чтобы провести свою самку и детеныша через чужой лагерь.

Сквозь морозящую взвесь из дождя и снега Краун разглядел на задних лапах самца загнутые когти. На передних их не было. Зубы казались большими и сильными, хотя и не шли ни в какое сравнение с зубами самого Крауна.

Напрягая все мускулы, дрожа от голода и тлеющей внутри боли, Краун ждал, ждал, ждал... и наконец прыгнул.

С рычанием он бросился прямо на грудь ошеломленному самцу и разодрал его горло, прежде чем оба свалились на песок. Падая, самец издал какой-то булькающий звук, после чего замолк и обмяк. Краун

поднялся на ноги и вздрогнул от боли, нечаянно наступив на раненую переднюю лапу.

В десятке метров от него, оскалившись, ворчала самка. В поднятой над головой передней лапе она держала зазубренную металлическую палку.

Ты только посмотри!

Она оторвала кусок трубы от трактора!

Чтобы обороняться!

Детеныш стоял на четвереньках позади матери. Краун зарычал, возвышаясь над мертвым самцом. Самка не нападала; рыча и сверкая глазами, она оставалась на месте, держа металлическую трубу над головой.

Какое-то мгновение животные не шевелились. Краун получил свою добычу и не намеревался больше убивать. Обезьяна-самка видела, что самец мертв, но детеныш был жив. Она медленно отступала, неуклюже передвигаясь на задних лапах и держась подальше от Крауна. Детеныш засеменял за ней, стараясь двигаться так, чтобы между ним и Крауном все время оставалась мать.

Наконец обезьяна бросила трубу, опустилась на четвереньки и рысью побежала прочь. Краун видел, как она описала широкую дугу вокруг места, где он стоял, а затем двинулась дальше вдоль пляжа, придерживаясь того же направления, в котором они двигались с самого начала. На юг. Все это время детеныш бежал рядом, с той стороны, которая была дальше от Крауна.

Краун еще раз зарычал и принялся за еду.

Ну все. Возвращай Джеффа. Сейчас же!

Джефф открыл глаза. Веки слипались, как после долгого сна.

Он поморгал на потолочные панели с мягко светящимися квадратами плафонов. Какое-то мгновение он не осознавал, где находится.

Вновь на корабле.

— Краун, — начал он, но из горла вырвалось лишь какое-то карканье.

Над ним склонился Карбо. Он пристально вглядывался в Джеффа — лицо доктора потемнело и напруглось от беспокойства.

— Все хорошо, Джефф, — сказал он. — Ты в безопасности.

— А Краун?.. Он остался там один...

— Ничего с ним не случится. Не беспокойся.

В поле зрения появилась Аманда. Лицо ее сияло улыбкой, но в глазах сквозило беспокойство.

— Как ты себя чувствуешь, Джефф?

— Прекрасно.

Они начали отсоединять шлем и манжеты.

— Краун остался там один, — вновь произнес Джефф.

Доктор Карбо собрался было ответить, но тут рассмеялась Аманда.

— В чем дело? — сказала она. — Боишься, что твоя кошечка не проживет сама по себе нескольких часов?

— Он так ужасно ранен...

— Поправится. Мы ему все равно помочь не можем. И он ведь достаточно силен, чтобы прокормиться, а?

Джефф невольно кивнул.

— Верно.

— Ну ладно, поднимайся-ка и хоть чуть-чуть разомни руки-ноги.

Джефф медленно сел. Затем спустил ноги, поддерживаемый с одной стороны Амандой и с другой —

доктором Карбо, и наконец твердо встал на пластиковые квадраты пола.

— Аманда, — сказал доктор Карбо, — проводи его в лазарет. Мне нужны результаты стандартного физиологического обследования в полном объеме.

— Хорошо, — ответила она. Затем обратилась к Джеффу: — Ну что ж, усмиритель львов, пойдем, я угощу тебя специальным коктейлем «Хозяина медицины», если обещаешь хорошо себя вести.

Джефф невесело посмотрел на нее. Она рассмеялась.

— Ладно, ладно, я пошутила.

Они прошли коридором к «Хозяину медицины» — мерцающей металлической панели, занимающей метров двадцать стены коридора прямо перед дверями лазарета. Аманда приложила ладонь к пластине активатора, и датчики управляемого компьютером устройства тут же зафиксировали отпечаток ее руки для опознания. Оранжевая контрольная лампа мигнула и загорелась зеленым светом.

В который раз Джеффа заворожил переход цвета кожи на руках Аманды: розовая на ладони, на тыльной стороне кожа становилась дымчато-черной.

Она что-то говорила компьютеру — мозгу «Хозяина медицины». Машина щелкнула, загудела, вспыхнуло несколько лампочек, наконец открылась маленькая панель, и за ней показалась пластмассовая чашка, наполненная бледно-желтой жидкостью.

Аманда взяла чашку и протянула Джеффу.

— Ваш утренний коктейль, — торжественно сказала она.

Он принял чашку, поднял ее к груди, как бы провозглашая тост в честь прекрасной дамы, потом залпом выпил. На вкус питье было почти приятным.

— Тебе бы теперь камин, чтобы запустить в него бокалом, — сказала Аманда.

— Мне бы что?..

— Камин. Это старинный обычай, обычай давно ушедших веков. А тебе и в самом деле следует читать побольше.

Джефф кивнул с серьезным видом.

— Я постараюсь. — Ему вдруг пришло в голову, что, услышав он такое от кого-нибудь другого, он не на шутку рассердился бы. Но не на Аманду же, на нее он вообще сердиться не мог.

— Как хорошо, что мы работаем вместе, — сказал Джефф, вряд ли подумав о том, что он собирается сказать.

Аманда удивленно взглянула.

— Мы? Всю работу делаешь ты. А я просто сижу там да тревожусь за тебя. Ну, пойдем в эту долину вампиров.

Она распахнула дверь, и Джефф проследовал за ней в лазарет. Но он совсем не думал об ожидающих его анализаторах крови, флуоресцентных красителях и прочих докторских иглах. Он думал:

Она тревожится за меня. Она действительно тревожится за меня.

7

На следующее утро, когда Джефф не спеша одолевал завтрак из эрзац-яиц, соевого мяса и фруктового концентрата, к его откидному столику, подвешенному возле кухонной ниши, подсел отец.

— Сегодня ты не пойдешь в контактную лабораторию, — уверенным, не допускающим возражения голосом сказал доктор Холмен.

— Почему?

— Мы с Карбо хотим обсудить положение дел и

наметить планы на следующую фазу работы. Я созвал совещание, на нем будут все руководители отделов.

— Но Краун...

— Этот зверь один денек и сам о себе прекрасно позаботится. Я хочу, чтобы ты был на совещании.

— Я? — выгарашил глаза Джефф. — С руководителями отделов?

Заметив его удивление, отец улыбнулся.

— Ты не менее важен в этой работе, чем любой из них. А может, и более.

Джефф закончил завтрак и пошел к себе в комнату. Порывшись минут пятнадцать на антресолях, он наконец нашел свой фотоаппарат. Запихнул его в карман, качнулся на дверце и спустился на пол. Дверца захлопнулась.

Зажужжал сигнал связи. Джефф щелкнул выключателем возле кровати, и на стенном экране появилось лицо Лауры.

— Мама сказала, что ты приглашен на совещание руководителей отделов! — Она была возбуждена и очень довольна, пожалуй, не меньше самого Джеффа.

— Да, — ответил он, скользнув на кровать и полулежа.

— Она хочет попытаться добиться от твоего отца и доктора Карбо разрешения и другим ребятам попробовать войти в контакт. И мне тоже!

— Здорово, — улыбнулся ей Джефф.

Однако, пока он разговаривал с Лаурой, его рука нащупывала в кармане фотоаппарат. Он оказался там из-за того, что у Джеффа возникло непреодолимое желание запечатлеть на пленку Аманду Корли.

Аманды на совещании не было.

Джефф вошел в конференц-зал вместе с отцом и

огляделся. Стол был круглый, так что никто не мог занять место «во главе стола» и тем самым обозначить свое превосходство. Общая ответственность за миссию корабля была возложена на доктора Холмена, это знали все. Но собравшиеся здесь мужчины и женщины не были его подчиненными; все они, включая самого доктора Холмена, старались действовать как можно демократичнее.

Когда Джефф с отцом вошли, мать Лауры, Анна Полчек, уже сидела за столом. Она отвечала за биологическую группу. Рядом с нею сидел отец Лауры, Джон Полчек, возглавлявший конструкторскую группу. Мать Джеффа была учительницей, и хорошей учительницей, но не руководителем отдела.

Вошел доктор Карбо. Он выглядел сосредоточенным и слегка не в себе. Вместе с ним пришел доктор Шеллингс, руководитель медицинской группы. Всего за столом собрались восемнадцать взрослых, представлявших различные научные группы «Деревни». И еще Джефф.

Открыл совещание доктор Холмен.

— На мой взгляд, работа Берни Карбо за последние несколько недель обнаружила достаточно широкие перспективы, и нам пора обсудить, куда двигаться дальше.

«Работа Берни Карбо? — Джефф слегка обеспокоился. — Это ведь и меня касается».

— Дела и в самом деле неплохи, — согласился Карбо. Он сидел почти напротив Джеффа. Глядя прямо на него, даже позволив себе улыбнуться, Карбо продолжал. — Присутствующий здесь наш юный друг достиг прочного контакта с экспериментальным животным и продемонстрировал такую степень контроля над зверем, которая превзошла самые смелые ожидания. Я полагаю, что правильность нашей основной идеи им доказана.

— В таком случае можно использовать большее количество животных там, на планете, — сказала Анна Полчек.

— Конечно.

— Очень хорошо, — сказал доктор Холмен, трянув своей золотистой гривой и слегка повысив тон, чтобы вновь взять ход совещания в свои руки. — Мне кажется, что теперь мы должны решить, сколько и каких животных использовать.

— Но наша истинная цель, — возразил Джон Полчек, — состоит в том, чтобы привести в порядок лагерь и начать преобразование атмосферы планеты, чтобы мы на ней могли дышать.

— Да, да, — быстро сказал отец Джеффа. — Однако мы уже пришли к выводу о том, что для этого потребуется помощь управляемых людьми животных. Так что в первую очередь надо определить, сколько и каких животных.

— А также, кто будет ими управлять, — добавила Анна Полчек.

— Всем известно, что никто из нас на это не способен, — сказал один из ученых постарше. — Это работа для детей.

— Но их же понадобятся десятки, — пробормотал кто-то еще.

— Это и в самом деле безопасно?

— Я не уверен, что захочу, чтобы мои дети занимались этим.

Берни Карбо стукнул по столу раскрытой ладонью. Перепадка сразу прекратилась.

— Если нужны точные данные, — сказал он ледяным тоном, — я могу представить их вам хоть на этом стенном экране. После первого же контакта состояние нашего единственного испытуемого анализировалось почти ежедневно. Физически он сейчас в лучшей форме, чем когда мы начинали, главным образом благо-

даря назначенной ему программе атлетических упражнений, которая компенсирует многочасовое отсутствие двигательной активности во время сеансов...

— Отсутствие двигательной активности... Если хотите знать, что это такое, — сказал один из мужчин с проседью в волосах, — вам следует посмотреть на моего отпрыска. Валяется целыми днями, как проклятый, в своей комнате!

Все рассмеялись. Кроме Джеффа и доктора Карбо.

— Испытуемый подвергался также обширным психологическим проверкам.

«Испытуемый. Это я, — думал Джефф. — Почему он не называет меня по имени? Я же здесь, прямо перед ним».

— У испытуемого отмечена тенденция к почти полному отождествлению себя с экспериментальным животным, — продолжал Карбо. — В его восприятии он и является этим животным, что особенно сказывается в стрессовых ситуациях. С этим, однако, можно успешно справиться при помощи химиотерапии и сеансов приспособления.

— Вы хотите сказать, что он не подвергается никакой опасности?

Карбо повернулся к Джеффу.

— Мальчик, собственно, здесь... Спросите у него сами.

— Выглядит он крепким и здоровым.

— Он и в самом деле такой. Покрепче некоторых из нас, — съязвил Карбо.

Большинство присутствующих рассмеялись.

Джефф вдруг почувствовал глубочайшее разочарование. Он намеревался рассказать им, что это такое — быть в контакте с Крауном, как выглядит поверхность Альтаира VI, какие там леса, океан, о том, как трудно Крауну добывать пищу на территориях других волкотов. Но их это явно не интересовало. Им

вполне достаточно оказалось слов Карбо и того факта, что Джефф сидел среди них, демонстрируя открытые глаза и нормальное дыхание. *Им нет дела до Крауна, их беспокоят только собственные проблемы.*

— А что можно сказать относительно этих обезьяноподобных животных? — спрашивал доктор Холмен. — Возможно, из них получатся лучшие помощники, чем из волкотов.

Началось длительное обсуждение, в котором приняли участие почти все присутствующие. Доктор Карбо показывал на стенном экране видеозаписи с изображением обезьян, особенно той, которая вооружилась металлической трубой. Во время демонстрации этих лент среди ученых слышались вздохи и бормотание, в котором можно было разобрать часто повторяющиеся слова: «противоречивые значения», «использование инструментов», «протоинтеллект».

— Нам определенно следует использовать обезьян, — сказал Джон Полчек, когда лента кончилась и экран потемнел.

— Для начала нужно по меньшей мере пять или шесть особей, потом еще больше.

— Не торопитесь с выводами, — сказала Анна Полчек. — Откуда взялись эти животные? И куда они направлялись, проходя по пляжу? Очевидно, они живут не на этом пляже.

— Возможно, они мигрируют. Сейчас на планете время сезонных изменений, — сказал метеоролог. — В северном полушарии наступает зима.

— А кроме того, мы не знаем, чем питаются эти обезьяны, — продолжала миссис Полчек, — и вообще, можно ли ими управлять.

— Мы можем определить это, — сказал доктор Холмен. — Судя по их зубам, они по крайней мере изредка едят мясо. Вы согласны?

— Да.

— Ну, так можно использовать волкота или несколько волкотов при необходимости — чтобы добывать для них пищу.

— Или изготавливать пищу прямо здесь, — сказала биохимик, молодая блондинка. — Мы можем производить белки и другие компоненты пищи для них в лабораториях, надо только знать химический состав их природной пищи.

— Я не уверен, что мы сможем настолько хорошо управлять ими, что они станут есть искусственную пищу, — сказал Берни Карбо.

Дискуссия продолжалась. Внимание Джеффа рассеивалось, он сосредоточивался только на мгновения, когда речь заходила о волкотах.

Прошло несколько часов, прежде чем ученые наконец договорились высадить на поверхность планеты специальную группу людей, которые должны обездвигить несколько обезьян и волкотов, чтобы вживить в их мозг зонды. Одновременно было решено начать подготовку новой группы подростков к управлению животными.

— Включая девочек, — настаивала Анна Полчек. — Здесь не должно быть никакой дискриминации.

Отец Джеффа поджал было губы, но затем ответил:

— Пожалуй, вы правы.

Вместо того чтобы пойти домой или поужинать в кафетерии, Джефф направился в лабораторию контактов.

Аманда сидела в маленькой комнатке напротив лаборатории и жевала сандвич.

— Привет, — сказала она, когда он ворвался в кабинет. — Сопровождение кончилось?

— Да.

— А где Берни?

— Не знаю. Может быть, остался ужинать, — Джефф сунул руку в карман. Фотоаппарат был на месте.

— А ты-то ужинал? — спросила Аманда.

— Нет, э-э... я... — Он не находил слов.

— Держи. — Аманда протянула ему половину своего сэндвича. — Бери стул и садись. Без еды нельзя. Ты думаешь, полное брюхо нужно только твоему большому коту?

Джефф взял стул и покорно сел рядом с Амандой. Чувствуя себя окончательно смущенным, взял предложенную половину сэндвича. Он сидел так близко к ней, до него доносился даже запах ее духов, и вся эта затея с фотоаппаратом вдруг показалась ему совершенно немыслимой. Как попросить ее? Что сказать?

— Ты почему не ешь? Тебе не нравится, как я готовлю? — Аманда засмеялась.

— Я... — Джефф вдруг соскользнул со стула. — Мне... мне бы попить чего-нибудь. Я... я сейчас.

Аманда удивленно взглянула на него. Джефф повернулся и выскочил из кабинета. Стараясь идти медленно, он проделал путь по зеленым аллеям до самого кафетерия. К тому времени, когда он вернулся, доктор Карбо был уже в лаборатории и о чем-то напряженно говорил с Амандой.

Половинка сэндвича все еще лежала на столе. Джефф сел и заставил себя съесть его. На вкус он был деревянный. Джефф выпил синтетическое молоко, принесенное им из кафетерия. И все это время Карбо и Аманда оставались в лаборатории и, не обращая на него никакого внимания, продолжали свой серьезный разговор.

Покончив с едой, Джефф встал и направился в

лабораторию. Когда дверь за ним захлопнулась, доктор Карбо повернулся к нему.

— А, вот и ты. Похоже, нам придется хорошенько потрудиться.

— Да, — только и сказал Джефф.

Потрудиться пришлось здорово.

Дни переходили в недели, недели — в месяцы. И почти все свое время бодрствования Джефф проводил в лаборатории на ложе, пребывая в теле Крауна, в его мозге. Каждый божий день с утра до ночи он был Крауном. Он был им, когда Краун только просыпался, и оставался им, когда Краун укладывался спать.

Джефф проделывал все это почти автоматически. Он вставал задолго до того, как начинала просыпаться «Деревня», ел, делал зарядку и отправлялся в лабораторию. Аманда была там постоянно, Берни Карбо же большую часть времени отсутствовал. Когда рабочий день кончался, Джефф вместе с Амандой шел домой, снова занимался гимнастикой, ужинал и ложился спать.

И чем однообразнее был его распорядок дня в «Деревне», тем меньше он ощущал свою жизнь на корабле как реальность. Реальной для него стала жизнь Крауна в том мире, который назывался Песней Ветров.

Джефф не мог объяснить, откуда он взял это название. Быть может, оно возникло как-то на закате дня, когда Краун стоял на гребне холма, с которого был виден берег океана. С этого места, если смотреть прямо на воду, человеческий лагерь не был виден. Видны были лишь волнистая линия холмов, обрамленная зеленью, и яркий песок, и океан. Волны набегали на берег, гонимые ветром, и деревья пели под его

порывами. Песня Ветров. Черные тучи проносились по небу. Деревья раскачивались, клонились под ветром. Волны с грохотом накатывались на песок.

Песня Ветров.

— Джефф, я начинаю готовиться к контакту! — сказала как-то вечером Лаура. Она на минутку перед сном забежала к нему.

— Хорошо, — без всякого энтузиазма откликнулся Джефф.

Но она была так возбуждена, что не заметила его равнодушия.

— Теперь мы будем работать вместе! Теперь я увижу, что собой представляет эта планета... так же, как ты.

Он вымученно улыбнулся. Она продолжала болтать, и Джеффу пришлось сказать ей:

— У меня довольно напряженный распорядок дня, Лаура, и я вымотался окончательно. Извини, но мне пора ложиться.

— О, — воскликнула она несколько удивленно. — Конечно же! И мне, наверное, тоже нужно спать. У меня, вероятно, будет такое же расписание, как и у тебя, верно?

Он кивнул и по возможности вежливо выпроводил ее за дверь.

«Деревня» направила на планету несколько экспедиций, чтобы вживить в мозг обезьян и волкотов радиодатчики.

В первой группе двое исследователей погибли, когда они начали вводить зонд волкоту, который не был достаточно крепко усыплен. Зверь проснулся и разорвал людей на куски, прежде чем кто-либо успел вмешаться. Пришлось убить его из лазерных пистолетов.

Краун видел, как все это произошло. Но сделать он ничего не мог. Сначала люди перепугались, потом

их охватил охотничий азарт, и они в тот день убили трех волкотов, просто взяли и убили. Краун потихоньку убрался из лагеря и держался от него подальше до тех пор, пока люди в странно пахнущих надутых костюмах не скрылись благополучно в своем огнедышащем корабле. Тогда Краун вышел на пляж и проследил за их отлетом. Когда корабль уже исчезал в облачном небе, Краун прорычал ему вслед.

— Какие отвратительные злобные твари! — сказал один из уцелевших доктору Холмену. Он был приглашен к Холменам на обед. Лоб его закрывала напыленная повязка: он разбил голову о внутреннюю поверхность гермошлема, спасаясь от рассвирепевшего волкота, который убил его друзей.

Джефф выждал несколько минут, потом извинился и, не дожидаясь конца трапезы, ушел к себе.

Отец не обратил на этот случай никакого внимания. Однако мать Джеффа стала следить за ним внимательнее.

Все новые и новые экспедиции отправлялись на поверхность планеты. Появлялись новые раненые и убитые.

Один из биологов неосторожно наступил на тонкий чувствительный отросток, выслеживая небольшую семью обезьян в лесу к северу от лагеря на побережье. Прежде чем он успел расчистить путь, усеянные шипами ветви растения в десятке мест пропороли его скафандр. И хотя ядовитые соки растения до него не добрались, насыщенный метаном воздух Песни Ветров сильно обжег ему легкие. Друзья сумели доставить его в «Деревню» еще живым, но медики только и смогли, что погрузить его в глубокий анабиоз, пока из кусочка его собственных тканей не будут выращены новые легкие.

По прошествии нескольких недель люди установили, что обезьяны и в самом деле мигрируют в это

время года, направляясь на юг, чтобы укрыться от надвигающихся зимних холодов и бурь. Волкоты благоденствовали — во многих обезьяньих семьях находились детеныши и старики, слишком слабые для изнурительного путешествия и неспособные защищаться. Здоровые самцы и самки могли позаботиться о себе и о нескольких беспомощных детенышах. Старики же обычно путешествовали в одиночку, а если даже и шли с семейством, то защищаться им приходилось самим, обезьяны помоложе больше занимались защитой собственных детенышей. А против волкотов старики долго продержаться не могли.

Частично потому, что на этом настаивал Джефф, частично из-за того, что рано или поздно это все равно пришлось бы сделать, одна из экспедиций на планету окружила семью волкотов, занимавшую территорию в холмах прямо над береговым лагерем. Всех волкотов удалось усыпить (на сей раз очень крепко), и каждому был вживлен в мозг радиозонд.

Теперь они находились под контролем, и Краун получил наконец возможность бродить по «их» лесам и охотиться там.

Однако его по-прежнему не принимали в их семью. Краун знал, что по ночам, когда люди предоставляли животных самим себе, он должен покидать лесистые холмы и спускаться обратно на пляж, который был «его» территорией. И Краун спал среди мертвых машин, в то время как остальные волкоты спали наверху, в холмах, среди деревьев и всякой живности.

Не одна неделя ушла у Джеффа на то, чтобы набраться храбрости и попросить у Аманды разрешения сфотографировать ее. Аппарат он носил с собой каждый день.

Однажды утром, придя в лабораторию, он вдруг выпалил все заранее заготовленные слова.

— Мою фотографию? Зачем?

Джефф понял, что пути к отступлению отрезаны, хотя от смущения был готов просочиться сквозь щель под дверь.

— Ну... — сказал он, пытаясь выкрутиться, — мы же друзья, и каждый день работаем вместе, и... ладно. Мне просто хотелось бы иметь твоё изображение.

Он и сам понимал, как все это нелепо и неубедительно звучит.

Но Аманда только улыбнулась в ответ:

— Конечно, почему бы и нет. И я возьму твоё фото. Почему бы друзьям не обменяться фотографиями, как ты думаешь?

Сердце Джеффа чуть не выпрыгнуло из груди. Нащупывая в кармане фотоаппарат, он взволнованно кивнул:

— Да... это правильно.

8

Проснувшись, Краун обнаружил, что окоченел от холода. Ветер в бешенстве метался по пляжу, наметая горы песка возле строений и машин. Океан был серым и студеным, ещё серее было небо. Смутным заревом свет Альтаира пробивался над облачным горизонтом океана.

Ночью прошёл снег, темный хрупкий зимний снег. Краун медленно поднялся и отряхнул налипшие снежинки. Откуда-то ему было известно, что, если эти хлопья останутся на нём надолго, они могут проесть мех и обжечь кожу.

Обезьяны еще спали, засыпанные сероватыми хлопьями снега. Краун заворчал, и они моментально вскочили.

Их насчитывалось теперь уже больше десятка, и они спали вповалку под укрытием старого, наполовину завалившегося здания. Крыши на нем не было, одна стена успела обрушиться.

Самая крупная из обезьян села, неловко сложив ноги перед собой. Увидев Крауна, она уставилась на него потемневшими от страха и злобы глазами. Потом вдруг вздрогнула; судорога, словно толчок землетрясения, прокатилась по всему ее телу. Обезьяна засопела, почти захныкала и замотала головой, как бы пытаясь отделаться от жужжащего рядом с ней (или внутри ее) насекомого. И отвернулась от Крауна.

Эта обезьяна была под контролем. Да и все остальные тоже.

Краун следил, как они медленно собрались вместе и заковыляли на четвереньках к холмам, чтобы подкрепиться поутру корешками, побегами кустарника и маленькими ползучими зверьками. Даже находясь под контролем, обезьяны держались как можно дальше от новых построек.

Внутри этих ярких и блестящих построек работали машины. Машины грохотали и пульсировали, день и ночь от них разносились странные шумы и еще более странные запахи. Хотя новые постройки и были теплыми на ощупь, а ночи становились все холоднее, ни обезьяны, ни Краун по своей воле не подходили к ним близко. Все они располагались на ночлег подалее от гудения машин — насколько позволяли управлявшие ими люди.

Краун понимал, что раз обезьяны находятся под контролем, то и живущая в холмах семья волкотов тоже не избежала этой участи. Поэтому он приступил к своей обычной утренней пробежке вверх по травя-

нистым склонам, мимо мирно жующих обезьян, чтобы присоединиться к семье, которая терпела его, — правда, пока ее члены находились под наблюдением людей.

Пройдя около половины пути вверх по склону, Краун на миг остановился, обернулся и взглянул на лагерь.

Обезьяны уже закончили еду и приступили к работе. Стоя на задних лапах, они подбирали тускло мерцавшие металлические детали и собирали из них новые механизмы и постройки. Движения их были медленными и неуверенными из-за страха, полностью преодолеть который не позволял никакой контроль.

Краун заворчал. Эти непонятные человеческие машины не были живыми, но они, казалось, дышали и бормотали что-то свое, как живые. И что еще ужаснее — становилось все труднее удержаться от сна возле этих новых машин. Несколько дней назад одна из обезьян без всяких видимых причин свалилась и вскоре умерла. Остальные разбежались, но Крауну с его «приемной» семьей волкотов удалось выследить их и рычанием и угрозами пригнать обратно в лагерь. Мертвую обезьяну перед заходом солнца два волкота оттащили подальше.

Краун и сам замечал, что новые машины вызывали у него сонливость и головокружение.

Это воздух. Машины вырабатывают кислород и азот. Для существ, дышащих метаном, такой воздух не годится.

Краун сердито фыркнул. Даже здесь, почти у гребня холмов, чувствовался сильный запах машин. И с каждым днем он, по-видимому, становился сильнее.

Все утро заняла охота. Теперь Краун охотился уже не в одиночку, а вместе с волкотами, живущими на холмах. В семье было восемь взрослых и пятеро детенышей — достаточно больших, чтобы ходить на

охоту, но еще слишком молодых, чтобы помогать взрослым. Они только наблюдали и учились.

В лесах еще оставались антилопы, хотя по мере приближения зимы их становилось все меньше. Волкоты образовывали полукруг с подветренной стороны и посылали двоих самых крупных и опытных самцов осторожно прокрасться по флангу стада. Они исполняли роль загонщиков. Рано или поздно антилопы учуивали запах волкотов и громадными прыжками разбегались от опасности — чтобы попасть в полукруг ожидающих их охотников.

Каждый день волкоты добывали таким способом трех-четыре антилопы. Стадо, казалось, не извлекало никаких уроков из происходящего. Из дня в день повторялось одно и то же, и всякий раз несчастные животные бросались прямо в засаду.

Но с каждым днем стадо убывало. И уходило все дальше на юг. Антилопы, как и обезьяны, в это время года мигрировали. Но шли они медленно. Пока на их пути были трава и кустарники, которыми они питались, животные не торопились.

И все же они устойчиво держали курс на юг, и с каждым днем расстояние до лагеря, которое волкотам приходилось одолевать с убитыми антилопами, все увеличивалось. Часть мяса волкоты съедали, остальное оставляли обезьянам. Но, несмотря на доставляемый волкотами провиант, обезьяны на глазах чахли. С каждым днем они теряли в весе и двигались все медленнее.

В тот день снег впервые выпал до заката солнца. Далеко за полдень черные как сажа хлопья стали падать сквозь листву деревьев, как раз когда Краун помогал тащить дневной «улов» через подлесок. Он зарычал на снег. Снег убьет траву, и антилопы вынуждены будут идти еще дальше на юг. Уже теперь почти целый день уходил на то, чтобы найти стадо,

настигнуть и убить животное и притащить его на берег.

Когда Краун, задыхаясь и ворча от изнеможения, вместе со своей ношей достиг точки, откуда был виден лагерь, он обнаружил двух обезьян, которые лежали на земле. Остальные в каком-то безумии кружили возле своих мертвых сородичей — они не разбежались и не работали. Просто ходили кругами на задних лапах, передними потрясая над головами как бы в ужасе или отчаянии.

Обычно волкоты оставались на вершине холма на опушке леса. Их дело — спустить туши убитых по траве на середину склона холма, который вел к берегу, и оставить их там, а самим вернуться на вершину. Обезьяны поднимались на склон и забирали мясо.

Но тут Краун бросил свою ношу и повернулся к остальным волкотам. Они тоже побросали добычу и устали на лагерь. Казалось, они примерзли к месту, ветер вздыбливал серую шерсть, когти впились в землю, они рычали и повизгивали про себя, словно преодолевая что-то, что творилось в их собственных головах. Затем по одному, очень медленно, неохотно стали спускаться к лагерью. Мускулы у них судорожно сжимались и разжимались, как будто их одновременно тянули в двух разных направлениях.

Краун принял на себя командование. То рычанием, то подталкиванием он отправил двух волкотов в разные концы лагеря, чтобы обезьяны не разбежались. Потом он подтолкнул двух волкотов помоложе к телам мертвых обезьян.

Сам Краун направился прямо к обезьянам, не обращая внимания даже на то, что в зданиях возле них злобно стучали машины и там было трудно дышать. Грудь защемило, казалось, в ней разгорается пожар. Краун торопливо подхватил зубами и передними лапами одну из обезьян и потащил ее прочь. Два дру-

гих волкота следили за его действиями, потом взялись за другую обезьяну.

С великим трудом — перед глазами плясали огненные круги — тащил Краун тело мертвой обезьяны вверх по склону, подальше от ненавистных машин.

Было уже темно, когда он сдвинул коробку старого строения, чтобы остальные обезьяны могли устроиться на ночлег. Краун наблюдал, как они сбились в кучу в своем полузаваленном жилище, тесно прижались друг к другу, хныча и жалуясь.

Ростом три метра, весят две с половиной тонны каждая, а хнычут как сосунки!

Им страшно, Берни. Они напуганы до смерти. Поразительно, что дети справляются с ними.

В этот вечер Джефф пришел домой, чувствуя в себе усталость Крауна и что-то еще, более глубокое. Он не понимал, что это могло быть, но это очень сильно тревожило его.

Мать взглянула на него и сказала:

— Ну, это уж слишком. — Повернувшись к мужу, она добавила: — Питер, с меня довольно. Для Джеффа это непосильный труд. Пора с этим кончать.

— Нет! — одновременно кричали Джефф и доктор Холмен.

Отец сидел на софе в гостиной, Джефф стоял в дверях, шагах в шести от него. Мать находилась рядом с сыном.

— Мы не имеем права прервать работу, — сказал доктор Холмен. — Слишком хорошо пошло дело.

— Скажи лучше — слишком плохо, — возразил Джефф. — И день ото дня хуже.

— О чем это ты? — удивленно спросил доктор Холмен. — Пойди сюда и сядь рядом. Ты и в самом деле выглядишь усталым. Как ты спал?

Джефф устало проковылял к софе и сел рядом с отцом. Миссис Холмен поставила стул рядом с ними.

— Я спал весь день,— ответил Джефф.— Но Крауну и другим животным... им плохо. И с каждым днем им становится хуже.

— Это случилось сегодня?

Джефф все рассказал им.

Отца это, как видно, совсем не тронуло. Он улыбался, кивал, будто Джефф говорил о том, как сыграла его команда в футбол.

— Понятно, почему ты так расстроен, — заявил он, когда Джефф кончил. — Ты немного смущен, потому что слишком сблизился с этим животным.

— Но они же умирают! Обезьяны... да и волкоты тоже скоро начнут, если мы...

— Естественно, они умирают, — спокойно заметил доктор Холмен. — Мы начали изменять атмосферу планеты. Мы не можем дышать метаном, а уроженцы этой планеты не могут дышать кислородом. Так что, разумеется, они вымрут.

У миссис Холмен был испуганный вид.

— Как, неужели все? Мы всех убьем?

— Нет, как можно! — воскликнул доктор Холмен. — Только в равнинных районах северного полушария. На будущее у нас еще останется для изучения множество образцов местной фауны и флоры. Анна Полчек ни за что не позволила бы нам очистить всю планету, даже если бы у нас хватило для этого техники.

У Джеффа разболелась голова.

— Но вы же убьете обезьян, которые вам помогают! И волкотов... Крауна!

— К сожалению, да. Боюсь, другого выхода нет. Мы должны обосноваться на Альтаире VI. И рано или поздно эти животные умрут. Одно из двух: или мы, или они.

— Но это несправедливо! — выпалил Джефф. — Это же их планета. Песня Ветров принадлежит им, а не нам.

— Песня Ветров? — удивилась мать.

Джефф пожал плечами.

— Это... Так я называю эту планету... Как-то в контакте с Крауном... я его вроде бы услышал, это название.

— Альтаир VI, — жестко сказал доктор Холмен. — Мы должны подготовить планету для всеохватывающей колонизации. Видит бог, мало хорошего представляет собой этот мир для колонизации, но сколько мы ни искали, лучшего не нашли. Моя задача — как можно скорее сделать планету по возможности похожей на Землю. Чем я и намерен заниматься, и пусть вымирают при этом местные формы жизни. Другого пути нет.

Джефф упрямо тряхнул головой.

— Все равно это несправедливо! — Ты же знал о наших намерениях, — возразил отец.

— Ты даже сам вызвался нам помочь!

— Но я... я не представлял себе, что мы будем убивать животных. Я думал, мы организуем колонию в одной какой-то части планеты, а они будут жить в другой.

— Это невозможно, — равнодушно ответил доктор Холмен. — Невозможно, чтобы над одной половиной планеты атмосфера состояла из кислорода, а над другой — из метана, во всяком случае, это не может продолжаться долго. Правда, пройдут десятилетия, прежде чем вся атмосфера станет кислородной. Счастье, если в течение ближайших пяти лет мы сумеем привезти на планету полмиллиона человек. И им придется жить под искусственными сводами почти всю свою жизнь.

— А все местные животные и растения погибнут? — спросила миссис Холмен.

— В конечном счете — да.

— Это же убийство! — вскричал Джефф. — Вы заставляете меня убивать Крауна и всех...

— Замолчи! — рявкнул отец.

— Но...

— Да выслушайте вы меня! Не в игрушки мы здесь играем. Жизнь миллионов... миллиардов людей поставлена на карту. Смотрите... и постарайтесь извлечь из этого урок!

Доктор Холмен отклонился назад, к другому краю стола, и набрал на панели видеомэгнитофона несколько цифр.

— Если бы ты внимательнее изучал в школе подобные записи... — проворчал он в то время, как на противоположной стене загорелся экран. — Это последние известия, они были записаны на пленку за неделю до нашего вылета с Земли. Посмотри-ка на них хорошенько... на все до последней.

Все трое притихли и устремили взоры на экран. Джефф сидел как изваяние — голова гудела, сердце глухо билось в груди, когда он увидел несметные толпы растерянных, обезумевших от страха людей, которые пробивались к больницам. На город обрушился зловеший, казалось бы, давно побежденный недуг — туберкулез, и люди осаждали медицинские центры в надежде на чудодейственную вакцину.

Пленка сменилась, показались зеленые поля Нью-Мексико. Бесконечно тянулись тщательно ухоженные гряды овощей, их пересекали широкие ирригационные каналы. Но голос диктора пояснил, что поля находятся под угрозой засухи — в Южной Калифорнии сильное землетрясение вывело из строя два завода-опреснителя морской воды, которые питали ирригационную систему. Кроме того, федеральные власти, оказавшись перед выбором — дать воду потерявшим кров жертвам землетрясения или полям, которые кор-

мили миллионы людей, — отдали предпочтение пострадавшим горожанам.

Новости продолжались. Игра в хоккей, во время которой забито рекордное количество шайб, сменилась показом убийства политического деятеля в Японии. Возле берегов Ньюфаундленда шторм потопил несколько рыболовных судов, по крайней мере сто рыбаков погибли.

На протяжении всего репортажа голос диктора оставался безучастным — казалось, его не трогали ни смерть, ни разрушения. Всего-навсего один день из жизни планеты.

Экран опустел.

Отец повернулся к Джеффу и сказал:

— Это обычный день на Земле. Еще одно-два поколения людей будут жить не лучше. Может быть, даже хуже. Только мы можем помочь... перестроив эту планету так, что на ней смогут жить люди. Все зависит от нас. В наших руках судьба человечества. Разве оно не стоит жизни нескольких диких животных?

Джефф знал, какого ответа ждет от него отец, и ему самому хотелось бы так ответить. Но вместо этого он пробормотал:

— Выходит, мы разрушили собственную планету, а теперь принимаемся за чужую?

Он поднялся и направился в свою комнату, прежде чем ошеломленные родители успели ему ответить.

Они оставили Джеффа в покое. Он слышал, как они спорили ночью, иногда довольно громко. Но в его комнату не заходили.

На следующее утро Джефф, как всегда, поднялся рано, проглотил несколько таблеток, выпил сок из концентратов и направился в лабораторию контакта. Правда, теперь это было нечто большее, чем простая лаборатория. Добавились новые помещения, новое

оборудование. Кабинеты были разбросаны по всему этажу. Несколько десятков ребятишек приходили туда теперь каждое утро.

— Приветик, Джефф!

Джефф повернулся и увидел, что к нему спешит Лаура Полчек.

— Сегодня я буду работать с одним из волкотов... Это мой первый день!

Он выдавил из себя улыбку.

— Желаю удачи!

Некоторое время они шли молча. Впереди них к Центру контактов, смеясь и перебрасываясь шутками, направлялись другие ребята.

— Доктор Карбо сказал, что скоро контактировать научат столько ребят, что работать придется всего по несколько часов в день. Тогда и тебе станет легче.

«Больше детей — больше убитых животных, — подумал Джефф. — Неужели только меня это волнует?»

— Вечером в субботу я буду отмечать свой день рождения, — продолжала Лаура. — Я спрашивала доктора Карбо, можно ли тебе не работать в воскресенье, и он...

— О чем спрашивала?

Лаура испуганно взглянула на него, удивленная его гневным тоном.

— Я... Я спросила доктора Карбо... — начала она дрожащим голосом.

— Прекрасенько! У нас тут звери умирают, стада антилоп уходят все дальше от лагеря, а тебя волнует, как бы получше провести вечеринку. Здорово!

Лаура покраснела.

— Ну и ладно. Подумаешь, возомнил о себе! Только потому, что тебе первому удалось установить контакт, ты не имеешь права вести себя так, будто это только твое дело!

— А если имею? — вспыхнул Джефф. — Может, только мне одному и есть дело до того, что творится там, внизу, на планете? А вы все только и мечтаете, как бы поменьше работать и улизнуть на вечеринку.

Она встала посреди аллеи, уперев руки в бока.

— Не очень-то кидайся на меня, Джефф Холмен. Всем известно, почему ты так много времени уделяешь работе!

— Что известно?

— Все известно! — кричала Лаура. — Как ты кружишь вокруг Аманды на задних лапках... словно дрессированная собачонка!

Джефф почувствовал, как внутри у него все оборвалось.

— К-ааа-к?..

— Не притворяйся, будто ты не понимаешь, о чем я говорю, — уже не так громко, но все тем же пронзительным голосом сказала Лаура. — Ты все время околачиваешься возле Аманды. Ты даже сфотографировал ее, разве не так? Где у тебя фотография — под подушкой?

Ответ застрял у Джеффа в горле. Он поднял было руки, потом уронил их и молча заковылял мимо Лауры по зеленой тропе к Центру.

Совсем один.

9

Краун искал стадо целый день. Оно исчезло. Краун и другие волкоты вышли на охоту, как всегда, на рассвете. Но антилоп нигде не было. Будто сквозь землю провалились.

Волкоты то тут, то там обнаруживали следы антилоп: съеденная до проплешин на земле трава, вмя-

тины от копыт, даже запах антилоп остался. Но самих животных не было ни в километре, ни даже дальше от лагеря — стадо исчезло, испарилось за ночь. Возможно, им стало слишком холодно, и они бежали дальше на юг.

Один за другим волкоты оставляли бесполезные поиски и принимались вынюхивать хоть что-нибудь, пригодное для их пустых желудков. В конце концов один только Краун продолжал охоту на антилоп.

И вот, когда дневное солнце уже начало прятаться за лесом, Краун остановился на открытой поляне, простиравшейся к югу. Стадо ушло, его нигде не было видно. Теперь, если бы он даже нашел хотя бы одну антилопу, ему не успеть до ночи дотащить ее в лагерь и накормить обезьян. Да ему и самому до темноты не добраться до места.

С тихим ворчанием Краун повернул к лагерю.

Было холодно. Ветер пронизывал насквозь. Снег вытравил длинные полосы травы. Серые, будто хлопья саж, снежинки, казалось, сжигали все живое, стоило пробить в соприкосновении с ними несколько часов.

Но деревья не сбросили листья.

Да. Видно, она так и остается на деревьях в течение всего года. Наверное, листья каким-то образом стряхивают с себя снег.

Леса, казалось, вымерли. Животные либо ушли на юг, либо попрятались под землю на время зимы. И не было вокруг волкотов, которые стали бы сражаться с Крауном за то, что он вторгся на чужую территорию, — единственно, кто остался, это семейство волкотов там, возле лагеря — контролируемые волкоты. Но еды нет...

И тут Краун заметил какое-то движение в кустах. Кто-то живой. До него донесся незнакомый очень сла-

бый запах. Но если это живое существо, его можно съесть!

Краун медленно, водя носом по земле, пополз под куст. При слабом свете заходящего солнца он разглядел диковинное, никогда прежде не виданное им животное.

Оно было длинное и тонкое. У него не было ног. Тело круглое, толщиной с заднюю ногу антилопы или в четверть толщины собственной передней ноги Крауна. Трудно было сказать, какой оно было длины, потому что тело кольцами обвивало стволы кустов.

Краун фыркнул на змею. Она выглядела достаточно безобидной и съедобной. Он попытался ухватить ее зубами.

Но змея оказалась проворнее: откуда-то сзади вынырнула ее голова с открытой пастью, в которой угрожающе торчал частокол ядовитых зубов. Змея злобно зашипела.

Краун заколебался. Часть его мозга, контролируемая Джеффом, предупреждала об опасности, о том, что змея, возможно, ядовита. А другая часть говорила ему, что змея маленькая, а потому ничего опасного в ней нет. И его пустой желудок принял окончательное решение.

Своими передними лапами волкот придавил извивающуюся змею к земле. И одной средней лапой нанес ей убийственный удар по голове. Но змея успела впиться своими ядовитыми зубами в среднюю лапу. Краун почувствовал, как его пронзила жгучая, опаляющая боль. Лапу жгло невыносимо.

Краун рухнул на землю, прямо на тело убитой змеи.

Отключай! Убирай контакт немедленно!

Краун не мог двигаться, не мог дышать. В мире для него ничего не осталось, кроме ослепляющей,

сводящей с ума агонии. Он... открыл глаза и увидел белый потолок.

— Краун! — закричал Джефф.

Доктор Карбо обхватил мальчика за плечи и снова уложил его на ложе.

— Тише! Успокойся!

— Он умирает! Я пытался ему подсказать...

— Ты ничем не можешь ему помочь. Успокойся.

Джефф увидел лицо Аманды.

— В этом нет твоей вины, Джефф. И ничем ты не поможешь...

— Но он же умрет!

Они окончательно освободили его от контакта и дали выпить что-то горячее, горькое. Джефф сидел на краю ложа, как в тумане. Доктор Карбо вернулся к контрольной панели.

— Зонд продолжает передавать сигналы... Он жив... но признаки жизни очень слабые.

— Он умирает, — снова пробормотал Джефф.

Аманда села рядом с ним и обняла его за плечи.

— Ну, не надо так... Краун — старый сильный кот. Он выживет.

— Позвольте мне снова вступить с ним в контакт. Может быть, я все же сумею ему помочь.

Карбо повернулся к Джеффу. Лицо его было похоже на темную торжественную маску.

— Нет, — решительно заявил он. — С тобой будет нервный припадок — вот и все, чего ты таким образом добьешься. Если яд подействует, то он подействует в любом случае — будешь ты в контакте со зверем или нет. Если не подействует... Обещаю, мы будем следить за сигналами от радиодатчика. Если в эту ночь он не погибнет, возможно, он вообще останется жив и невредим.

Пытаясь сдержать подкатывающие к горлу слезы, Джефф что было силы вцепился в край ложа.

— Стоит, пожалуй, посоветоваться с доктором Холменом и Анной Полчек,— озабоченно сказал доктор Карбо.— Эти проблемы с питанием изведут кого хочешь.

Аманда кивнула.

Как только Карбо вышел из комнаты, Джефф припал к Аманде. Не в силах больше сдерживаться он зарыдал.

— Ничего,— тихо успокаивала его Аманда.— Ничего. Все обойдется.

Когда Джефф очнулся, он не сразу сообразил, где находится. Это не его комната и не Центр контактов. Вокруг было темно, только с потолка пробивался слабый свет. Слегка повернув голову, Джефф обнаружил, что лежит в кровати. И что кровать со всех сторон чем-то занавешена.

Это лазарет.

Где-то близко гудели, напряженно шипели голоса — шел неприятный разговор полусшепотом.

«Аманда, должно быть, дала мне снотворного,— догадался Джефф.— И они поместили меня сюда, чтобы врачи следили за мной».

— Ничего с ним не случится,— проскрежетал чей-то голос, похоже доктора Карбо.— Он просто измотан и эмоционально истощен. Уж очень он привязался к этому животному.

— Вы не имели права допустить это,— прозвучал голос отца.— Я ведь каждый божий день спрашивал вас, не слишком ли тесно он связан со зверем, и вы всегда уверяли меня, что нет никакой опасности. И вот — пожалуйста!

— Но все его показатели были отличные.

— Показатели! Вы бы еще взяли температуру

моей бабушки! Какие к черту показатели, если мой сын без сознания?

— Он не без сознания. Мы просто поместили его сюда для врачебного наблюдения.

— Напрасно вы спорите, — вмешался еще один голос. — Главная проблема: что нам делать там, на планете? Как мы будем кормить обезьян, чтобы они продолжали работать и при этом не дохли?

Джефф узнал голос Анны Полчек.

— Защитить их от кислорода, пока работают преобразователи, мы не можем, — прошептал доктор Холмен.

— Значит, нужно отключать технику, когда обезьяны трудятся возле машин.

— Да. Я тоже так считаю. И нужно найти им пристанище достаточно далеко от машин и в таком месте, где бы ветер не дул на них со стороны машин, когда они в рабочем режиме... — Джефф почти явственно увидел, как его отец безнадежно качает головой. — Правда, на это уйдет вдвое больше времени.

— Другого не дано, — возразила Анна Полчек, — если вы хотите, чтобы ваши работники остались в живых. Берни, как твои ребята — достаточно хорошо управляют обезьянами?

Джефф представил себе, как доктор Карбо пожал плечами.

— Пожалуй, да. Хотя большинству все же не удастся достаточно жесткий контроль. Обезьяны дьявольски сопротивляются. Они же до смерти напуганы, и ребятам приходится нелегко. Но те изменения, которые вы предлагаете, должны облегчить их задачу.

— Это хорошо.

— Но есть проблема посложнее, — сказал доктор Холмен. — Проблема питания. С тех пор как ушли антилопы...

— Можно синтезировать пищу для них, — сказала Анна Полчек.

— Станут ли они есть ее? — засомневался Берни Карбо.

— Не станут есть — умрут с голоду, — ответил отец Джеффа.

— Или уйдут.

— Пока они под контролем, не уйдут.

— В таком случае придется держать их под контролем все двадцать четыре часа в сутки.

— Достаточно ли у нас для этого ребятишек?

— Придется подключить еще несколько человек. Но обычно поначалу они неважно справляются со своей задачей.

— И все-таки придется подключить, — потребовал доктор Холмен.

— А почему бы не передвинуть лагерь на юг, туда, где погодные условия лучше?

— И перечеркнуть год работы в этом районе? Кроме того, здесь идеальные метеорологические условия. Когда преобразователи начнут работать в полную силу, именно отсюда кислород, который они будут вырабатывать, наилучшим образом распространится по всему северному полушарию планеты. Нет уж, это место было выбрано самым тщательным образом. Лучше не придумай.

— Но не для животных.

— К черту животных! Все равно они рано или поздно вымрут!

Джефф так стиснул зубы, что у него свело скулы.

И тут Джефф принял решение.

Голоса смолкли. Джефф слышал, как все трое вышли. Джефф оставался в постели, пока у него хватило терпения, затем сел.

В комнате было темно. Значит, еще ночь. Он тихо, со всей осторожностью, вылез из кровати и раздвинул занавески. Как он и думал, за занавеской оказалась еще одна комната с тремя кроватями. В ней никого не было. Джефф проскользнул в туалет и нашел там свой аккуратно сложенный комбинезон и туфли. Он быстренько переоделся, бросив больничную одежду на пол.

Он подошел к двери и немного приоткрыл ее. В коридоре было пусто. Часы... Джефф нащупал в кармане комбинезона часы и надел их на руку. Они показывали четыре часа утра. Ничего удивительного, что в коридоре лазарета никого не было. Все спали. Но скоро там, на Песне Ветров, где находился Краун, наступит рассвет. Джеффу необходимо быть там при восходе солнца.

В конце коридора он увидел установку для обследований. К счастью, его кровать не была подсоединена к ней — его же положили сюда только для того, чтобы он пришел в себя. А не то поднялась бы тревога, едва он встал с постели. Одна-единственная дежурная медицинская сестра дремала возле установки. Перед ней на панели слабо светились два небольших экрана. Значит, на обследовании находились два пациента.

Джефф ухмыльнулся, радуясь пришедшей в голову мысли.

Он потихоньку выскользнул из своей комнаты и, прижимаясь к стене тускло освещенного коридора, юркнул в следующую палату. Там лежали обследуемые пациенты. Над их кроватями висела довольно большая полка с приборами, на которой горели зеленые и желтые лампочки. Джефф на цыпочках подкрался к ближайшей кровати и нажал кнопку вызова.

Потом бросился к двери и спрятался за нею.

И вовремя.

Сестра распахнула дверь, вбежала в комнату и устремилась к кровати, возле которой в темноте краснела лампочка вызова. Джефф, согнувшись в три погибели, обежал дверь и помчался к выходу. Он услышал, как хмыкнула удивленная сестра.

Оказавшись на зеленой аллее, он поспешил к лаборатории контактов. Он влетел в кабинет, зажег свет и сел за ближайший стол. Откинув волосы со лба, нажал ключ и скомандовал компьютеру:

— Аманду Корли, пожалуйста.

На экране не появилось изображения, но Джефф услышал сонный голос Аманды:

— Ч-ч-что... что там еще?

— Аманда, это я, Джефф. Я в лаборатории. Ты мне нужна, здесь, сейчас.

— Джефф? — Кажется, она поперхнулась. — Ты в... Что ты делаешь в лаборатории? Каким образом ты вышел из лазарета?

— Неважно. Мне необходимо быть с Крауном, когда он проснется на рассвете. Это необходимо! Ты согласна помочь мне?

— Ты не имеешь права...

— Если ты откажешься, Аманда, я все сделаю сам. Мне необходимо быть с ним, когда он проснется. Это вопрос жизни или смерти!

— Джефф, ты сошел с ума!

— Так ты мне поможешь? Да или нет?

Она колебалась какой-то миг.

— Ладно. Помогу. Только ничего не трогай, пока я не приду.

— Хорошо. Но никому об этом не говори.

— Ну и достанется же нам за это, — сказала Аманда.

Когда Краун проснулся, боль все еще пульсировала в ноге. Но дальше она не распространилась. Он видел, он дышал. И сердце продолжало биться.

Он приподнял свою огромную голову с земли. Всю ночь напролет шел снег, и ему пришлось, преодолевая боль, с трудом встать, чтобы стряхнуть с себя зудящие, обжигающие тело хлопья. Укушенная змеей нога не сгибалась, ее, видимо, парализовало.

Но он жив!

И как всегда голоден. Он посмотрел на убитую змею, наполовину засыпанную снегом. Сбросив со змеи серый снежный покров, Краун понюхал ее. Джефф в нем проявлял осторожность — волкот помнил о змеином яде. Сам же Краун руководствовался только сигналами, которые в изобилии поступали от его голодного желудка.

Они пришли к компромиссному решению. Краун зажал передней лапой голову змеи, где находились железы, вырабатывающие яд, и впился зубами в ее длинное, скрученное кольцами тело. В нем оказалось больше костей, чем мяса, зато его было много — змея была длиной по меньшей мере метров в пять. А может, и того длиннее.

Почувствовав себя лучше, но еще страдая от укуса, Краун побрел к лагерю.

Было холодно. Казалось, с каждым днем становится холоднее, серее, все чаще идет снег. Краун медленно хромал по горному хребту, и сквозь разрывы в кустарнике на склоне гор видел океан, серый и холодный. А небо было еще серее, и даже упрятанный под снегом берег был серый и мрачный. К вечеру сажистый покров таял, но что ни день снег все дольше оставался на земле, не поддаваясь лучам солнца.

В лесу не ощущалось никакого движения. Краун мог бы поклясться, что единственное живое существо в лесу — это он. Даже листья на деревьях съежились от холода. Ветер вздыбливал мех на загривке Крауна и заставлял волкота низко пригибать голову к земле, в то время как он с трудом тащился к лагерю.

Краун знал — путь предстоит долгий. Долгое, тяжкое, голодное возвращение в лагерь, с раненой ногой, которую будто на костре жгли, стоило ему шевельнуть ею.

Отключить!

Краун, хромя, продолжал идти по замерзшей траве, чувствуя, как скрипит под ногами снег-сажа.

Отключите его. Снимите напряжение. Животное поправляется, ему необходим покой.

Какое-то время все вокруг казалось Джеффу незнакомым, чужим. Ложе, яркий свет, белые стены и потолок. Аманда наклонилась над ним, улыбаясь.

— Нас поймали, — сказала она.

Джефф повернул голову и увидел, что рядом стоят доктор Карбо и отец. Лица обоих побелели от бешенства.

Но Джеффу было все равно.

— У Крауна все хорошо, — сказал он. — Краун будет жить.

— Снимите с него провода, — с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, сказал доктор Холмен.

Джефф возвращался домой вместе с отцом. Было раннее утро, и на тропинках им встречалось множество людей, спешащих на работу. Доктор Холмен ничего не говорил, Джефф тоже помалкивал.

Но едва дверь за ними закрылась и они очутились у себя в гостиной, доктор Холмен повернулся к Джеффу:

— Ты подумал, что ты сделал с матерью?

— С мамой?

— Из лазарета позвонили в половине пятого утра и спросили, не пришел ли ты домой. Подошла мама, и с ней потом была истерика.

— Но я...

— Сейчас все прошло. Она спит — приняла снотворное. Но у нее мог случиться сердечный приступ!

Джефф направился в спальню матери, но отец схватил его за руку.

— Джефф, я вижу, как на тебя подействовала эта... это животное. Вот почему я освобождаю тебя от работы. Никаких работ по контакту, по крайней мере на несколько дней.

Джефф слушал отца, испытывая такое ощущение, будто сквозь него пропускали ток.

— Ты этого не сделаешь!

— Сделаю! Больше того — я уже сделал это.

— Ты ничего не понимаешь! — вскричал Джефф.

— Понимаю, и гораздо больше, чем ты думаешь! — закричал в ответ отец. — Я все знаю про тебя и про эту черную...

— Как ты сказал?

— Про Аманду Корли. Ты просто влюбился в нее, разве не так? Даже ее фотографию повесил у себя в комнате.

— Это... мое дело, — задохнулся Джефф.

— Напрасно ты так думаешь, — оборвал его отец. — Это же смешно! Женщина вдвое старше тебя.

— Да еще и черная!

— Причем здесь это?!

— Ах, так — не при чем?

— Нет, конечно. Но я не потерплю, чтобы женщина вдвое старше окрутила тебя... да еще в состоянии нервного истощения от этой работы.

Джефф почувствовал, как лицо его наливается кровью.

— Ты лжец! Ты злишься потому, что Аманда не-гритянка! И вы все напуганы, потому что животные не могут выполнить ту работу, которую вам нужно. Вы хотите убить их всех, вы готовы смести все, что стоит на вашем пути! Все и всех, лишь бы достигнуть желаемого.

Отец буквально отшатнулся от него. Лицо его покрылось бледностью, как от пощечины.

— Какой бес в тебя вселился, Джефф? Это...

— Оставь меня в покое!

И Джефф направился в спальню матери.

Следующие несколько дней для Джеффа прошли как в тюрьме. Он, разумеется, был свободен в пределах „Деревни” и мог ходить всюду, только не в Центр контактов. А его, конечно, только туда и тянуло.

Он слонялся по зеленым аллеям, часами не вылезал из библиотеки, разглядывал в иллюминаторы планету.

Наконец он завалился на кровать в своей комнате и стал прокручивать видеоленты с программами новостей из библиотеки корабля. Перенаселенная, отравленная, опасная, запакощенная Земля. Кишащие толпами людей города, умирающие реки и озера, океаны, усеянные множеством кораблей, странствующих в отчаянных попытках найти пищу и другие ресурсы для постоянно растущего населения.

Вот таким, свернувшимся в комочек, и нашла его однажды мать, придя днем домой после уроков.

— Видишь, твой отец не преувеличивал, — мягко сказала она, стоя в дверях комнаты Джеффа. — Условия на Земле для большинства людей ужасающие. Вот почему нам нужен этот мир, и нам, и другим людям, нашим кровным братьям. Этот мир, и еще

многие другие. Это тяжкая работа, отец делает ее во имя всего человечества.

Джефф не ответил. Да и что он мог ответить? Либо погибать людям Земли, либо погибать животным Песни Ветров. К тому же у него не было способа повлиять на решение. А решение уже было принято, даже до того как „Деревня” покинула Землю и направилась к Альтаиру. Песне Ветров суждено умереть, а на ее месте должна появиться новая Земля под названием Альтаир VI. Новая Земля?

Джефф вновь впился глазами в экран, где шла очередная лента новостей. Насилие, ненависть, ужас, смерть... Дать людям новый мир, чтобы они и его довели до таких же бедствий? И это то, ради чего они убивают Крауна?

Джефф задумался, что же он может поделать? Часами бился он в поисках выхода, но так и не находил его.

Ничего.

Ничего он поделать не может. Он помог им воспользоваться Крауном, чтобы начать долгий, медленный процесс уничтожения мира, который называется Песня Ветров. Собственный отец вовлек его в это предательство, предательство целого мира.

Однажды вечером сразу после ужина к нему заглянула Лаура. Джефф пошел с ней прогуляться. При родителях он разговаривать не мог. С отцом он и десятком слов не перемолвился с тех пор, как его отстранили от Крауна.

Лаура была сильно возбуждена.

— У меня для тебя хорошая новость, Джефф, — радостно заявила она, когда они бесцельно шли по тропинке.

— Что такое? — спросил он.

— Я сегодня была с Крауном!

— Точно?

— Да. Это был он, я знаю... Нога у него еще не совсем сгибается.

Джефф схватил ее за руку.

— Как он там? Еда у них есть?

Лаура встряхнула своими рыжими волосами.

— Отлично. Хотя, признаться, они изрядно голодали. Еды там никакой не осталось. Обезьяны заходят в океанский прибой и выкапывают моллюсков. Иногда им даже удается схватить рыбу. Но волкоты этого не едят.

— Что же они едят?

— Доктор Карбб сказал нам, чтобы мы заставили их раскапывать в лесу норы. Так они набирают на пропитание зверьков, впавших в спячку. Не так, чтобы много, но волкоты только тем и живы.

Джефф покачал головой.

— Они должны были отпустить волкотов. Нельзя заставлять животных оставаться там, где нет пищи... И эти кислородные преобразователи... Обезьяны больше не умирали?

— Одна или две, — ответила Лаура. — Всякий раз, когда одна из них умирает, остальные пытаются разбежаться. Из-за этого и нужны волкоты... Чтобы удерживать обезьян на базе.

— Вот это плохо, — пробормотал Джефф. — Черное дело мы здесь творим.

Лаура прикоснулась к его щеке.

— Джефф... я тоже так думаю. И большинство ребят тоже. Но что мы можем сделать?

Он заглянул в голубые льдинки ее глаз: как бы ему самому хотелось знать ответ!

На следующий день Джефф постарался зайти в кафетерий в такое время, когда Аманда обычно завтракала там.

Проталкиваясь сквозь шумную толпу, Джефф высматривал ее в суете кафетерия. Большинство столиков было занято. По просторной комнате носились тысячи разных запахов, разговаривали сразу на тысячу разных тем. *«Краун здесь рехнулся бы»*, — подумал Джефф.

А вот и она! Однако Аманда сидела за двухместным столиком с доктором Карбо. Джефф попятился назад, наблюдая, как они о чем-то разговаривают, смеются. Зрелище это вызвало у Джеффа чувство, похожее на злость. Такого он, пожалуй, еще не испытывал.

Наконец Карбо встал, намереваясь уйти. Аманда поднялась было с ним, но он жестом остановил ее: она еще не кончила еду. Он показал на свои часы, она улыбнулась, кивнула в ответ.

Не успел доктор Карбо направиться к выходу, как Джефф моментально встал в очередь. Он выбил на клавиатуре селектора свой заказ, молоко с пирожком, получил поднос и двинулся прямо к ее столу.

Аманда встретила его широкой улыбкой.

— Привет, Джефф. Как самочувствие, получше?

Он поставил поднос на стол и сел в кресло напротив нее.

— Нормально. Аманда, надеюсь у тебя не было из-за меня слишком больших неприятностей?

— Так, покипятились день-другой. Но мне удалось усмирить бурю.

— Ага. — Он совершенно не представлял себе, о чем говорить дальше. — А как... а как там дела на Песне... на поверхности?

Лицо Аманды посерьезнело.

— Разве отец не говорил тебе?

— Нет. Эти дни мы почти не разговариваем.

— О, — она на мгновение задумалась, потом сказала: — Да, дела там идут не слишком хорошо. Био-

химики приготовили синтетическую пищу для животных, но каждый раз, когда они сажают транспортную капсулу с пищей возле лагеря, все животные, даже волкоты, настолько пугаются, что отказываются приблизиться к ней. Ну, и еда попросту гниет.

— Изумительно, — Джефф постарался вложить в это слово все свое отвращение. — Я бы им и так сказал, ведь ничего другого и не могло произойти. Почему бы им не посадить капсулу где-нибудь не на виду, а потом просто послать туда Крауна и других волкотов?

— Послушай, а ведь это идея, — вскинула брови Аманда. — Как же это мне в голову не пришло?

— Это потому, что тебе не приходилось бывать волкотом.

— Или обезьяной, — улыбнулась она.

— Ага... Ну, идею я дарю. Подскажи доктору Карбо или матери Лауры...

— А почему ты не скажешь об этом отцу?

— Я же говорил, — ответил Джефф, качнув головой, — мы больше с ним не разговариваем.

— Что за глупости! — сказала Аманда. — В конце концов, ты слишком ценный работник для всего проекта, чтобы дуться, как капризное дитя.

— Нет, здесь нечто большее. Мы... мы очень во многом не сходимся.

— В самом деле? Например?

— Так. — Джефф не мог смотреть ей в глаза. — Очень во многом.

— Включая меня? — мягко спросила Аманда.

Джеффа как током ударило.

— Как ты догадалась?

— Со мной случилось то же, когда мне было лет двенадцать. Я по уши влюбилась в одного из учителей. Я больше никого так не любила, — грустно произнесла она.

Джефф был слишком взволнован, чтобы отвечать. Он сидел, уставившись в поднос перед собой.

— Джефф, милый, посмотри на меня, — сказала Аманда.

Он подчинился. Она улыбалась ему. Тепло, с пониманием, почти с любовью. Почти.

— Джефф, через это проходят все. Это больно, я знаю, но скоро эта боль утихнет...

— Но я люблю тебя, — выпалил он.

— Знаю, — сказала она. — Я тебя тоже люблю, хотя и не так. Не надо стыдиться любви друг к другу. Но ты же знаешь не хуже меня, что мы не собираемся прожить вместе остаток нашей жизни. Это не такая любовь...

— Я... я не знаю...

— Зато я знаю, — мягко сказала она.

— Черт бы побрал моего отца, он прямо взбеленлся от ярости!

— А ты как думал? Отцы, они все такие. Вот погоди, влюбится твой сын в женщину постарше!

— О! Когда это будет!..

Она рассмеялась.

— Вот увидишь! Придет день, когда ты встретишь девушку, с которой захочешь провести всю свою жизнь. И у вас будут дети, и ты станешь отцом. И тогда-то вспомни сегодняшний день.

— Я, наверное, по-дурацки вел себя.

— Ты вел себя очень мило. А уж если кто и вел себя глупо, так это я. Да еще дважды.

— Ты о чем?

— Ну... — она замолчала в нерешительности. — Первый раз, когда ты попросил разрешения сфотографировать меня — я должна была догадаться, что за чувства ты испытываешь ко мне. А второе... мне пора бы разобраться, что я сама чувствую по отношению к Берни, раз и навсегда.

— К доктору Карбо?

— У меня к нему довольно сильное чувство. Думаю, что и у него ко мне тоже, — задумчиво проговорила Аманда.

— Вот как!

— Надеюсь, ты не станешь ревновать, нет ведь? — Она пристально смотрела на Джеффа.

— Я... Не знаю.

— Я бы хотела, чтобы мы все трое опять работали вместе. Одному богу известно, как необходима наша помощь там, внизу, на планете.

Джефф кивнул.

— За меня можно не волноваться. — Он даже попытался улыбнуться. — Думаю, я как-нибудь переживу это.

— Конечно же! — сказала Аманда. — У тебя все будет хорошо.

— Да, — согласился Джефф.

Нельзя сказать, чтобы ему было так уж хорошо в тот момент. Но где-то в глубине души он понимал, что Аманда права.

В тот вечер за ужином отец сказал, что на рассвете он, Джефф, должен явиться в Центр контактов. Джефф ответил, что явится. Он почувствовал, что ему хотелось бы продолжить разговор, но не знал, с чего начать.

Отец пошел ему навстречу. Он сказал очень серьезно:

— Ты нам нужен. Ты лучший в работе по контактам.

Джефф взглянул на мать. Она молчала, но глаза ее светились надеждой.

— Я... я постараюсь сделать все, что могу.

— Большого от тебя никто и не требует.

Джефф кивнул. Лицо его расплылось в невольной улыбке. Он уткнулся в тарелку и тут обнаружил, что к нему вернулся аппетит — впервые за много дней.

Первое ощущение было каким-то странным.

Краун был иным. Голодным, как обычно. Нет, сильнее, чем обычно. Он был голоднее, утомленнее, напряженнее.

Обезьяны, очевидно, находились на грани безумия. Все инстинкты гнали их прочь, на юг, подальше от холода, от этих странных машин, которые убивают. Но железный контроль из космоса, из вращающейся по своей орбите «Деревни» заставлял их оставаться в лагере, на берегу. Оставаться и работать. Оставаться и работать, и замерзать, и погибать.

Волкоты держались достаточно далеко от лагеря. Они приближались к постройкам и машинам только тогда, когда этого никак нельзя было избежать.

Этим утром Краун неторопливой рысью направился прочь от семьи волкотов, которые заметно похудели и казались гораздо более раздражительными, чем прежде, и двинулся на юг.

Капсула с пищей приземлилась нормально. Теперь надо только найти ее.

На это потребовалось меньше получаса. Капсула покоилась на отмели, по которой сейчас, во время прилива, гулял прибой, наполовину захлестывая капсулу. К счастью, люк, автоматически открывшийся в момент посадки, оказался выше уровня воды. Однако волны прокатывались в опасной близости от него, а некоторые гребни даже срывались и пропадали внутри.

Краун, ворча на холод и сырость, пошлепал через прибой. Поднявшись на задние лапы, он заглянул в люк. Передней лапой выудил колышущийся кусок

синтетического мяса. Понюхал его, лизнул. Ни вкуса, ни запаха.

Было неудобно тащить в передних лапах продолговатый кусок искусственной пищи, прыжками добираясь до сухой полосы песка на берегу, за верхней отметкой прилива. Он бросил кусок на землю, снова понюхал его и впился зубами. Похоже на мясо, но совершенно безвкусное. И Краун съел его дочиста. Желудок заполнился, но и только. Удовольствия от еды Краун не получил.

Он вернулся к капсуле, взял в зубы другой кусок и потащил его семейству волкотов.

Волкоты бродили по берегу южнее лагеря, как полицейский отряд в ожидании беспорядков. Краун бросил пищу на песок, затрусил в сторону и улегся на подмерзшую коричневую траву. Он смотрел, как волкоты, один за другим, подбирались к мясу и нюхали его. Последним подошел большой самец, вожак семьи. Он порычал, потрогал кусок лапами, полоснул по нему когтями. И принялся за еду. Остальные члены семейства расположились вокруг, смиренно наблюдая, как их вожак приканчивает кусок мяса.

Покончив с мясом, вожак взглянул на Крауна и фыркнул, как бы вопрошая: «Где ты это взял?»

Краун встал и пошел вдоль берега. Оглянувшись, он увидел, что все семейство волкотов следует за ним.

Все, кроме вожака.

День еще не кончился, когда волкоты насытились. Они принесли мясо и обезьянам. Все животные, как только животы их наполнились, почувствовали себя лучше и вели себя спокойнее.

Совсем как люди.

В тот же вечер Джефф ужинал вместе с Полчеками. Лаура пригласила его, когда они встретились в

конце рабочего дня у выхода из Центра контактов. С наступлением зимы дни стали короче, но молодежь этому только радовалась.

Ужин прошел хорошо, хотя миссис Полчек явно была чем-то обеспокоена. Джефф обратил внимание на то, как дружелюбно разговаривали между собой Лаура и ее отец, а Анна Полчек едва ли слово вымолвила за весь вечер.

После ужина, когда все перешли в гостиную, она вдруг сказала:

— Порой я жалею, что нам вообще встретилась эта планета!

— Что?!

— Ну-ну, Анна, — сказал доктор Полчек, — не поддавайся настроениям. Ты же знаешь, нет ничего...

Но она покачала головой.

— Нет, это правда. То, что мы творим здесь, — преступление.... настоящее преступление.

— О чем вы? — спросил Джефф.

Миссис Полчек взглянула на него так, словно только что вспомнила о его существовании. На какое-то мгновение она нахмурилась, потом вздохнула, лицо ее разгладилось, и она спросила:

— Вы знаете семью Токадо?

— Да, — одновременно ответили Джефф и Лаура. Лаура, как и Джефф, сгорала от любопытства.

— Доктор Токадо и ее муж провели антропологические исследования животных, которых вы, молодые люди, контролируете...

— Антропологические исследования? — изумилась Лаура.

— Да... чтобы определить, на какой стадии интеллектуального развития находятся эти животные на эволюционной шкале по сравнению с животными Земли.

Джон Полчек задумчиво потер подбородок.

— Ты уверена...

— Все в «Деревне» должны знать об этом, — заявила миссис Полчек. — Пусть Питер Холмен держит это в секрете.

«Мой отец?» — удивился Джефф. — *Какой секрет?»*

— Сегодня доктор Токадо передала свое открытие на суд Питера, — продолжала Анна Полчек. — По ее мнению, и волкоты, и обезьяны меньше чем за миллион лет станут разумными существами — возможно, такими же разумными, как человек.

— Разумными? — спросил Джефф.

— Как мы? — не менее удивленным тоном вторила ему Лаура.

— Совершенно верно, — сказала миссис Полчек. Затем добавила с досадой: — Если им дадут возможность выжить.

— О-о-о! — воскликнул Джефф, до которого только теперь дошел весь смысл сказанного.

— Понятно? Так-то вот. А мы занимаемся тем, что уничтожаем два вида животных, которые со временем могли бы стать такими же разумными, как мы с вами.

Джон Полчек замахал руками.

— Что ты, что ты! Это было бы ужасно! Мы вовсе не намерены уничтожать их всех. Я говорил об этом с Питером, он тоже считает, что надо сохранить часть животных в специально отведенных для них районах, где будут постоянно поддерживаться определенные условия и среда.

— Нет, — резко возразила Анна Полчек. — Из этого ничего не получится. Разум не может развиваться в зоопарке. Животным необходим их собственный мир, в котором на них влияли бы естественные силы, естественная среда. А не зоопарк...

— Но ... — Джефф уже понял, к чему она клонит. — Но это значит, что мы должны оставить им планету и полностью отказаться от своих планов.

— Вот именно.

— А это в свою очередь означает, — сказал Джон Полчек, — что человечество теряет надежду получить в свое распоряжение новую планету.

— Значит, мы или они, — сказала Лаура очень неуверенно, несмотря на категоричность реплики.

— Что же нам остается, какое решение? — спросила Анна Полчек.

— А кто дал нам право принимать какое-либо решение здесь? — спросил Джефф.

Никто ему не ответил.

11

Краун чувствовал что-то странное в воздухе. Что-то страшное.

Он не мог ни обонять, ни видеть, ни слышать *этого*. Но оно было. Каждый порыв ледяного ветра, дующего с моря, был пронизан ощущением ужаса. Тяжелое серое небо, заснеженный берег, деревья там, на холмах, с листьями, скрученными в спираль, — все, что окружало Крауна, дышало страхом и опасностью.

Обезьяны и семейство волкотов тоже почувствовали это. Суетливо, неуклюже, кружа на одном месте, обезьяны жалобно поглядывали на побережье, будто молчаливо умоляли свою стражу отпустить их с этого страшного места. Да и сами волкоты нервно слонялись вдоль берега, размахивая хвостами, рыча без всякой на то причины.

Надвигалось что-то неизвестное, но поистине ужасное.

Животным и без того было достаточно плохо. Они едва сумели вынести зимние штормы, за последнюю неделю трижды обрушивавшиеся на побережье. Волны уничтожили часть оборудования и некоторые здания в лагере. Снегопады участились, и животные вынуждены были проводить ночи под крышей, чтобы не оказаться заживо погребенными под снегом.

Управляемые людьми, обезьяны соорудили убежища в виде шатров для себя и для волкотов. Всякий раз, когда шатры сносило штормом, они терпеливо восстанавливали их вновь. Теперь каждое утро начиналось с того, что обезьяны очищали рабочую площадку от снега. От этого их передние лапы-руки покрылись волдырями и горели как от ожогов. Волкотам с их толстокожими лапами скопления снега на тропинках как будто не угрожали.

Семейство волкотов укрывалось на ночь в одном шатре, хотя он был явно тесен для них. В другом шатре спал один Краун: даже под контролем человека семья волкотов не принимала его за своего. Это право Краун мог заслужить, только убив вожака. Но до тех пор, пока люди управляли волкотами, открытого конфликта между животными возникнуть не могло.

Краун стоял на склоне холма, наблюдая, как тупо двигаются по побережью обезьяны, как рычат встревоженные волкоты. Волны набегали на берег, холодные как лед. Обезьяны не хотели работать.

Неожиданно океан стал откатываться. Вода уходила, обнажая темно-коричневый, блестящий от влаги плоский берег. Как в замедленном кино, край моря все дальше отступал от линии прилива.

Крауна затрясло.

Нет. Затрясло землю.

Цунами!

Землетрясение и волна цунами!

Вызвать доктора Холмена! Проверить центр наблюдения!

Земля под лапами Крауна с грохотом содрогнулась, и на склонах холмов с треском стали валиться деревья. Сорвались и запрыгали вниз камни. Земля покрылась трещинами.

На какой-то миг обезьяны в оцепенении застыли на своих местах. Потом, вопя от ужаса, заломив над головой лапы, бросились врассыпную. Зарыкали волкоты, шныряя взад-вперед, а затем и они устремились вдоль берега. Забыв об обезьянах, животные слепо искали спасения единственным известным им способом — в бегстве.

Они вышли из-под контроля!

Отсоединяйте детей, прежде чем...

Земля вставала на дыбы и бросалась в пропасть. Широоченные трещины рассекли склоны холмов. Горы исчезали, взрываясь словно воздушные шары и изрыгая тысячетонные обломки скал и куски почвы на берег.

Краун в растерянности застыл, не зная, бежать ли ему вдоль берега или попытаться подняться на гребень холмов. Сотрясения почвы раз от разу становились все ужаснее, все огромное тело волкота ходило ходуном. Из бесчисленных трещин, закрывая горизонт, сочился дым. Но вот образовался просвет, и Крауну на мгновение удалось разглядеть берег: он грозил гибелью.

Джефф все еще в контакте! Он пока держится.

Подумать только, один из всех!

От самого горизонта мчалась огромная волна, похожая на серую крепостную стену, она вздымалась все выше и выше, как горный хребет, и вот уже ее пенный гребень с грохотом обрушился на берег, сметаая все на своем пути.

Краун взревел на волну, повернулся и кинулся

вверх, к гребню холмов. Там под напором бури гнулись деревья. Прямо перед ним вдруг разверзлась земля, но он успел перепрыгнуть через разлом. Следом за ним скатывались камни и скалы. Сама земля, казалось, съезжала вниз, навстречу всепоглощающей стене серой, бурлящей воды...

Краун почувствовал, как земля уходит из-под его ног — это вниз устремился склон. В отчаянных попытках взобраться повыше волкот цеплялся за камни, карабкался что было сил. Уже чувствовался соленый острый запах морских брызг, а все звуки покрыл низкий рев, возвещавший конец света. По скалам, грязным осыпям, вонзая когти в вырванные с корнем и сломанные деревья, Краун продолжал свой путь.

И тогда Вселенная взорвалась. Раздался оглушительный грохот. Ярость приливной волны снесла берег, и будто гигантская рука вдруг подхватила Крауна и подбросила вверх. Деревья, скалы, невероятные нагромождения — такого он не видывал никогда, небо перевернулось вверх тормашками... И тут он шлепнулся прямо на живот и стал проваливаться сквозь листву и шершавые стволы деревьев. По крайней мере тысячу раз он ударялся о тысячу каких-то предметов.

Наконец все кончилось.

Краун лежал на вершине холма, будто в люльке, сотканной из поваленных кустов, расщепленных ветвей, среди завала деревьев. Все тело его болело, он промерз до костей, ему не хватало дыхания. Но он был жив.

Покачиваясь, ощущая боль при каждом движении, Краун поднялся на ноги и взглянул на побережье. Там не осталось ничего. Ровным счетом ничего. Лагерь исчез. Берег очистился от зданий и оборудования так, словно их там и не было.

Краун моргнул и сделал несколько мучительных шагов по пружинящему мокрому месиву из ветвей и кустов, на котором он оказался. Море, теперь спокойное, мирно лизало песок, будто ничто никогда не нарушало его вечного покоя. Побережье очистилось от снега и, как полированное, сверкало золотом под солнечными лучами.

Всмотревшись внимательнее, Краун заметил части разбитых машин, водоросли, камни, ветки деревьев и уцелевшие тягачи, в беспорядке разбросанные вдалеке. Склоны холма были изъедены ямами, заполненными грязью, от которой кое-где еще поднимались испарения. Много деревьев было повалено, еще больше склонилось под причудливыми углами, некоторые — с корнем выдранные землетрясением или чудовищным натиском цунами.

Отключай!

Краун фыркнул и затряс тяжелой головой.

Отключай Джеффа. Больше там нечего делать.

Все население «Деревни» собралось в зале заседаний. Это был большой круглый зал в центре главного шара. По стенам огромного помещения росли кусты и цветущие растения. Здесь ставились спектакли, устраивались танцы и всякого рода общественные мероприятия. Зал заседаний был самым большим помещением в «Деревне», больше гимнастического зала.

Сегодня в нем стояли ряды кресел, все обращенные к сцене. Там сидели руководители отделов и капитан корабля. На собрание пришли все до единого: мужчины, женщины, дети, только три члена экипажа остались следить за автоматами управления кораблем.

Председательствовал доктор Холмен. Он подробно рассказал обо всем, что произошло внизу, на планете.

Называл он планету только Альтаир VI. Джефф, сидевший между матерью и Лаурой, всякий раз, когда слышал это, тихо произносил: «Песня Ветров».

Берни Карбо продемонстрировал ленты с записями сигналов зонда, помещенного в мозг Крауна. Ни он, ни доктор Холмен не упоминали имени Джеффа, однако оба доложили собравшимся, что Краун был единственным из животных, кто до конца оставался на месте катастрофы. Все остальные отринули человеческий контроль и, будучи во власти обыкновенного страха, оказавшегося сильнее электронных связей между животными и людьми, бежали.

— Мы постараемся восстановить контакт с этими животными завтра утром, — сказал доктор Карбо. — Возможно, нам снова удастся взять их под контроль, но лично я в этом не уверен... Думаю, понадобится по меньшей мере несколько дней или недель, пока животные немного придут в себя. Тогда мы восстановим контакт.

При виде записанных на пленку последствий цунами и гибели лагеря люди оцепенели от ужаса.

Лаура, глядя на разрушения, прошептала Джеффу:

— Такое впечатление, что планета одним взмахом стерла с лица своего все человеческое.

Джефф посмотрел на нее. Да, она была совершенно права.

Лента кончилась, и доктор Холмен поднялся, чтобы продолжить выступление.

Джеффу, сидевшему где-то в средних рядах, отец казался очень далеким, маленьким, незнакомым существом. Но его голос, усиленный динамиками, звучал мощно, настойчиво.

— Мы потерпели поражение, — говорил он, — но это вовсе не означает, что мы сдаемся. На протяжении целого года мы делали все, чтобы запустить на

полную мощность нашу базу, и вот — все впустую. Но этот год не пропал для нас даром. Мы узнали много важного. Мы знаем, что можем вступать в контакт с животными планеты и управлять ими. Знаем, что можем заставить их работать на нас, даже в условиях, для них противопоказанных. И эти наши знания мы теперь можем использовать для дальнейшего прогресса.

По залу прошелестел шепоток.

— Мы построим новую базу на планете, южнее, в районе с более благоприятными климатическими условиями. И геологически более стабильном. Выбор места для нашей первой базы диктовался метеорологическими соображениями. Место для нового лагеря мы изберем на основании климатических условий, метеорологических данных и тектонической стабильности. Собственный опыт — в чем-то положительный, в чем-то горький — многому нас научил, и я надеюсь, что примерно через полгода мы сумеем запустить на полную мощность полноценную установку по преобразованию атмосферы.

Слушателям все это нравилось. Они кивали головами и поворачивались друг к другу, чтобы выразить свое одобрение. Никто и слышать не желал, что работа, проделанная ими за прошедший год, оказалась бесполезной.

— Первым шагом в нашем новом предприятии, — продолжал доктор Холмен, — будет поисковая группа, которую я намерен послать завтра же в район старой базы, чтобы посмотреть, что из оборудования уцелело и может быть использовано. Я сам возглавлю эту группу.

При этих словах все встали и громко зааплодировали. Доктор Холмен слегка склонил голову и попытался сдержать улыбку. Но Джефф знал, что аплодисменты ему приятны.

На следующее утро Джефф завтракал вместе с родителями у себя дома.

— Я уже давненько не был на планете, — возбужденно говорил отец. — С интересом ожидаю этого момента.

— Сомневаюсь, что вы там что-нибудь спасете, — заметил Джефф.

Отец пожал плечами:

— Любой кусочек металла представляет ценность. Его можно снова пустить в оборот.

— Да, наверное.

— Но это опасно, — сказала миссис Холмен.

— Я буду не один, — успокоил ее доктор Холмен. — Подбираются опытные люди. Не волнуйся.

— После землетрясения никому не удалось наладить контакт с животными, — сказал Джефф. — Видимо, они далеко разбежались. Все, кроме Крауна.

— Несколько человек пытались сегодня ночью вступить в контакт с Крауном, но так и не смогли, — сказал отец.

Джефф был поражен.

— Как? Кто пытался? Зачем? Куда делся Краун? Доктор Холмен покачал головой.

— Не знаю. Возможно, он ушел с побережья в поисках пищи. Сомневаюсь, чтобы ее много осталось там, где было землетрясение.

«Чепуха, — подумал Джефф. — Все эти грызуны вылезли из своих нор. Так что у Крауна пока пищи хватает».

Отец взглянул на часы, схватил чашку с кофе и залпом осушил ее.

— Через пять минут должен встретиться со всей командой.

Встал и Джефф.

— Пойду-ка в Центр контактов. — С улыбкой

взглянув на отца, он добавил: — Я вас там буду ждать.

— Вряд ли ты найдешь своего волкота где-нибудь поблизости, — с сомнением в голосе произнес доктор Холмен. — Он убежал, Джефф. Вне досягаемости наших радиодатчиков и приемников.

— Посмотрим.

Отец ничего не ответил, но по выражению его лица Джефф догадался, что он думал: «Вот-дорастешь-до-моего - возраста-тогда - будешь-разбираться-что-к-чему».

— Папа? — услышал Джефф свой собственный голос.

Доктор Холмен уже подходил к двери. Возглас сына заставил его обернуться. Джефф поспешил за ним.

— Ты и в самом деле думаешь, что мы поступаем правильно?

— Ты о чем?

— О планете, наших попытках изменить ее. Об уничтожении всего живого и о превращении Песни Ветров во вторую Землю.

Отец остановился. Повернувшись к Джеффу, он зло ответил:

— Тут не применимы понятия «правильно» или «неправильно». Это вопрос жизни или смерти — просто и ясно. Мы можем поступать только так.

— Но...

— Никаких «но»! У меня нет времени на споры. Нет его и у перенаселенной планеты Земля!

Краун был на месте. Он оставался там все время.

Все остальные ребята не сумели удержать контроль, потому что сами испугались. А я и Краун — мы составляем одно целое. ОДНО ЦЕЛОЕ.

Краун сел и издал долгий пронзительный вопль, вложив в него всю переполюнявшую его радость. Он жив!

Всю ночь Краун провел в охоте за мелкими грызунами, которых землетрясение вытряхнуло из нор. Многие норы смыло волной, и теперь множество зверушек спешило выкопать новые укрытия в разодранной, перемешанной, пропитанной влагой почве на вершинах холмов в лесу. К рассвету большинство из них уже укрылись под землей. Но к рассвету и Краун насытился и чувствовал себя превосходно.

Что-то прогромыхало в небе. Краун поднял голову и увидел, как серое зимнее небо прочертила тонкая светлая полоса. Полоса тянулась от небольшого серебристого предмета в форме стрелы. Он приближался, увеличивался в размерах и производил все больше шума. Вот он уже проплыл над самой водой, слегка приподнялся над берегом, повис на хвосте мерцающего облака газа, взметая песок, и наконец медленно опустился на три металлические опоры.

Краун стоял на склоне холма, скрытый в листве кустарников, и смотрел. Вопреки желанию он глухо прорычал на странную машину. Открылся люк, и по металлической лестнице на песок медленно спустились четыре человека. Они были одеты в громоздкие скафандры красного, зеленого, желтого и голубого цвета. Они были в шлемах, на спине у каждого находился тяжелый баллон. Краун знал, что в голубом скафандре был доктор Холмен.

Бриз доносил до Крауна приглушенные пледами голоса людей.

— Ничего не вижу! Здесь же темным-темно! — раздался удивленный, чуть испуганный возглас.

— Включи наплемный фонарь, Грег. Сквозь слои облаков лучи солнца не проникают на поверхность планеты... Взгляни-ка лучше на склон холма.

— Он сверкает... флуоресцирует...

— Ультрафиолетовые и рентгеновские лучи Альтаира, пронизывая здешнюю атмосферу, вызывают свечение минералов, которые находятся в земле.

— Вот почему нам необходим кислород здесь, — прозвучал голос доктора Холмена. — Слой озона развеет завесу облаков над планетой и станет надежной защитой от активной радиации Альтаира. Это позволит нам работать на поверхности планеты без опасения ослепнуть или зажариться.

Первый голос произнес:

— Да здесь темно, как в преисподней. Мне, конечно, говорили об этом на инструктаже, но к этому надо приспособиться.

Краун затаился в мокрой листве, тихо ворча себе под нос и наблюдая, как они бредут, спотыкаясь и переговариваясь друг с другом.

— Как ты там, Грег? — спросил доктор Холмен.

— Все будет в порядке. Дайте только отдышаться немного.

— Трудно поверить, что животные здесь что-то видят, — сказал человек в красном скафандре.

— Они все видят в инфракрасных лучах, — пояснил доктор Холмен. — Инфракрасные лучи попадают сюда из верхних слоев облаков. Сейчас для местной фауны стоит ясный, приятный день.

— Им можно позавидовать. Черта лысого мы найдем этих зверей в эдакой темноте.

Из красного скафандра донесся насмешливый голос:

— Об этом не беспокойся. Лучше пожелай, чтобы они нас не нашли!

— О-о-о!

Несколько часов поисковая группа ковыляла по берегу, исследуя остатки бывшего лагеря.

— Спасать здесь особенно нечего. Металл здорово заржавел... по крайней мере то небольшое, что от него осталось.

Доктор Холмен указал на холм, где прятался Краун.

— Поищем там. Волной могло занести большую часть оборудования вверх, за деревья.

— Да в этой тьме нам все равно ничего не найти.

— Не будь таким пессимистом. Нужно попытаться, чтобы быть уверенными.

— Долго нам здесь оставаться нельзя, — сказал человек в красном скафандре. — Этот воздух разъедает материал скафандров да и баллоны с кислородом тоже.

Не слушая предупреждений, доктор Холмен направился к склону. Тяжелый скафандр сковывал его движения, и оттого он шел медленно и неуклюже. Осторожно передвигая ноги, останавливаясь, словно цепочка слепых, они стали карабкаться на холм. Умей Краун говорить, он бы рассказал им, что волна смыла в океан все, что было на берегу. А в лесу ничто не напоминало о пахнущих бедой металлических штуках с побережья.

Инстинктивно Краун забирал в глубь леса, подальше от приближающихся людей. Он старался уйти незаметно, но все же так, чтобы не терять их из виду.

Вдруг он почувствовал опасность.

Сильный порыв ветра донес до него запах других волкотов. На свою территорию возвращалось семейство волкотов! И не контролируемое людьми. Скорее всего голодные. Когда они заметят людей...

Краун весь собрался в пружину на своем ложе из мокрых листьев, напрягся и Джефф на ложе в лаборатории. Ветер своевольно подул в другую сторону, и Краун больше не слышал запаха волкотов. Он знал — они подходят все ближе. Они ведь помнили, что тут, на берегу, получали свою пищу, и вместо того, чтобы пускаться в долгое путешествие на юг на голодный желудок, предпочли набить животы на берегу.

Краун с шумом поднялся на ноги и угрожающе зарычал.

— Бог мой, что это?

— Свет, черт вас подери, свет! Да откуда... Это где-то здесь!

— Смотри!

— Да он со слона!

Краун снова зарычал, предупреждая людей об опасности, понуждая их вернуться на корабль и одновременно внушая другим волкотам, чтобы они не лезли, оставались на месте.

Но люди в дебрях леса застыли, уставившись на Крауна.

— Посмотрите-ка на его зубы!

— Так вот, друзья, это волкот,— сказал человек в красном скафандре.

Рука доктора Холмена нащупывала кобуру у пояса.

— Не трудись,— спокойно сказал человек в красном.— Этой игрушкой ты можешь только привести его в ярость. Ружья с транквилизаторами остались на корабле.

— Нам лучше вернуться!

— Не спеша и осторожно,— добавил доктор Холмен.

Краун сел, стараясь дать людям понять, что он не собирается нападать на них.

— Мне кажется, что это тот волкот, которого мой сын...

— К сожалению, мы не располагаем временем, чтобы быть представленными ему. Не лучше ли нам подобру-поздорову выбраться отсюда?

И без дальнейших разговоров четверка пустилась вниз по склону, на берег, к своему космическому кораблю.

Но едва они прошли шагов десять, как Краун услышал сотрясающий землю рык вожака стаи. Оглянувшись, он увидел их: все восемь, они целенаправленно трусили по берегу, ведомые запахом человеческих существ. И даже ненавистный запах машин не остановил их: так могло действовать только одно чувство — чувство голода.

— Что там еще?

— Судя по звукам, их стало больше.

— Не мешает прибавить шагу...

Люди бросились бежать, спотыкаясь и падая, по склону холма. Но чем быстрее они бежали в этой для них непроглядной темноте, тем чаще падали.

— Проклятие! Я, кажется, порвал скафандр!

— Чинить некогда. Стяни как-нибудь и беги.

Волкоты почуяли страх беглецов. Они галопом кинулись вслед, и расстояние между ними и членами экспедиции значительно сократилось.

Человек в красном бежал впереди. Он первым бежал на гладкую поверхность песчаного берега и обернулся. В свете фонаря на гермошлеме он разглядел несущихся на него волкотов.

Молча, в полном спокойствии, он достал пистолет и выстрелил в приближающихся животных. Пули, не

причинив никому вреда, вспахали песок, но звук выстрела напугал волкотов. Они резко затормозили свой бег, а затем снова зарычали.

— Скорее! Скорее! — взывал человек в красном скафандре.

Доктор Холмен бежал последним. Но наконец и он спустился с холма на берег. До корабля оставалось каких-нибудь сто метров.

— Спокойно, — приказал человек в красном. — Достаньте оружие. Побежите, когда я скомандую «Вперед!» Если звери пойдут на вас, стреляйте. Но ни в коем случае не останавливайтесь, бегите! *Вперед!*

Они сорвались с места. Волкоты тут же яростно взревели и рванулись за ними. Люди дружно выстрелили из своих никчемных пистолетов, но на сей раз выстрелы не остановили волкотов.

И тут фигура в голубом — это был доктор Холмен — споткнулась о кусок скрученного металла и полетела на землю.

Сначала его товарищи этого не заметили. Они мчались к космолету. Но Краун увидел, сорвался с места и с рыком, от которого, казалось, могло бы расколоться небо, ринулся вниз на берег.

Трое космонавтов уже были у корабля и карабкались по лестнице внутрь.

— Где Пит?

— Бог мой... он остался где-то там!

— Пит! Доктор Холмен! Пит!

— Скорее внутрь! Надо зажечь поисковые огни.

Огромными прыжками Краун одолевал расстояние в тридцать метров, перескакивая через валуны, ямы, полные жидкой грязи, поваленные деревья. Скорее вниз, к человеку в голубом скафандре.

Волкоты достигли фигуры в голубом раньше, но, прежде чем они успели коснуться ее, Краун зарычал, бросая им вызов. Старый вожак повернул свою

огромную голову и взглянул на Крауна, угрожающе огрызнувшись.

— Зажигайте огни... Ах, черт... Смотрите!

Теперь и люди могли видеть.

Восемь волкотов кружили возле неподвижного тела Питера Холмена. Еще один спускался с холма, чтобы присоединиться к ним.

— Подготовить орудия с транквилизатором!

— С гранатами?

— Нет, можем убить Пита... если он еще не...

Краун не прислушивался к их лепету, устремляясь через побережье к неподвижному телу. Рыча, фыркая, он прорвался сквозь стаю волкотов и встал прямо возле упавшего человека.

— Смотрите! Он, кажется, готов защищать Питера!

— Или оставить всю еду только себе.

Краун стоял, едва переводя дух, ощерясь во всю свою зубастую пасть, а восемь других волкотов медленно, но неумолимо сужали круг, готовые атаковать его.

13

Аманда Корли всматривалась в шкалы приборов на контрольной панели, потом позвала:

— Берни!

Ответа, конечно, не последовало. *Он собирает ребятшек... Собирает для того, чтобы обеспечить контроль над остальными волкотами.*

Аманда повернулась в кресле и посмотрела на Джеффа. Мальчик вытянулся на ложе, окаменев от напряжения. Его нервное возбуждение прослеживалось без помощи всех этих мигающих красными огня-

ми приборов наблюдения, хотя он и пребывал в полусознательном состоянии.

— Что делать? — прошептала Аманда.

Приборы, регистрирующие физическое и психическое состояние Джеффа, застыли либо на красной черте тревоги, либо совсем рядом. Сердце отчаянно колотилось, нервная система испытывала невыносимые перегрузки. Организм был затоплен адреналином.

— Долго выдержать такое никому не под силу, — пробормотала Аманда.

Она перевела взгляд на экран, на котором было видно все, что видит волкот — *что переживает Джефф* — в данный момент.

Восьмерка волкотов продолжала кружить, рычать и фыркать все там же. Сквозь стекло шлема можно было разглядеть лицо доктора Холмена на земле между передними лапами Крауна. Он, видимо, был без сознания, а может, мертв.

Аманда покачала головой.

— Если я попробую отключить Джеффа, он погибнет, сопротивляясь мне. Я должна быть рядом с ним... и надеяться, что Берни удастся вовремя подключить к контакту ребятешек!

Восемь волкотов, тощие и голодные, завершили свое кружение вокруг Крауна и лежащего человека. Еще мгновение, и они набросятся на них.

Из самых глубин памяти у Крауна вдруг всплыло решение. Теперь он знал, что ему делать. Негромко зарывав, он отошел от человека и медленно направился прямо к вожаку стаи.

Вожак был крупнее Крауна, старше его и сильнее. На его голове были заметны шрамы многих сражений. Краун остановился перед ним. Волкоты перестали кружить. Краун присел на задние лапы, чтобы

освободить передние, и осторожно ткнул вожака передней лапой в морду.

Он не поранил вожака. Он просто дотронулся до него. Но смысл этого движения был ясен. Краун вызывал старого самца на бой за лидерство в стае. Это уже не было соперничество из-за пищи или территории. Это был вызов на смертный бой. Стая волкотов может иметь только одного вожака. Тот, кто бросил вызов, должен или убить вожака, или погибнуть.

Из космолета три человека с удивлением и страхом следили за тем, как остальные волкоты — кто лежа, а кто присев на задние лапы — приготовились наблюдать битву между двумя огромными самцами.

Довольно долго эти двое стояли друг перед другом, фырча, излучая взаимную ненависть и бойцовскую гордость. Затем неожиданно подобрались и прыгнули друг на друга.

Оба волкота, поднявшись на задние лапы, двумя парами передних хлестали друг друга по груди и животу, когтями вспарывали кожу. Свои могучие челюсти они до поры до времени в ход не пускали.

Первый прыжок и столкновение сотрясли берег — в слепой ярости сошлись шесть с лишним тонн мускулов и костей. Краун почувствовал, как у него из бока закапала кровь. На какое-то мгновение оба зверя отпрянули и разошлись. Вожак казался невредимым.

Но вот передышка кончилась, и соперники снова бросились друг на друга, и снова ни один из них не нанес решающего удара. Это было похоже на дуэль фехтовальщиков: постояли, покрутили хвостами, пофырчали, яростно водя глазами, — и вдруг рык, прыжок, сверканье когтей, и опять опускаются на все свои шесть лап, выискивают слабые места у противника, время и место для нанесения решительного удара.

Крауну приходилось туго. Реакция у него была не хуже, а может, и лучше, чем у вожака. Но тот был мудрее, больше уверен в себе, и удары когтями наносил точнее. У Крауна кровь сочилась из десятка ссадин и царапин. Они не были опасны для жизни, но потеря крови грозила вскоре истощить его силы, замедлить движения, чем тут же воспользуется старый самец, чтобы нанести ему последний удар.

Однако Краун перенял от Джеффа способность к восприимчивости — гораздо более сильную, чем у кого-либо из волкотов. Ему было больно, но это не мешало ему наблюдать за тем, как движется враг. Как тот напрягает плечи перед прыжком. Как опускает голову, чтобы защитить горло...

Старый самец прыгнул опять, но на сей раз Краун отскочил в сторону, извернулся в полете, как акробат весом в три тонны, и опустился на спину пораженного противника. Челюсти Крауна сомкнулись на загривке старого вожака, в то время как когтями он глубоко впился в бока обреченного волкота.

Один-единственный придушенный крик боли — и все было кончено. Старый вожак свалился мертвым, и Краун, с кровоточащими ранами, тяжело дыша, но с торжествующим видом встал над ним.

Он задрал голову и издал победное рычание, радостное и долгое. Остальные волкоты поднялись на ноги и молчаливо прошествовали перед ним, демонстрируя свою готовность подчиниться ему как своему новому вожаку.

Краун подождал, пока они все пройдут перед ним, затем возглавил шествие и повел стаю по берегу, подалее от людей, на юг — туда, где их ждали тепло и пища.

Только по прошествии трех дней врачи разрешили разговаривать с доктором Холменом.

Джефф с матерью неотлучно находились при больном, но он либо пребывал в бессознательном состоянии, либо спал. Его правую ногу одели в пластик, голову забинтовали. Первые два дня ему делали внутривенные вливания, но на третий день врачи отсоединили трубки, и теперь он, кажется, спокойно отдыхал.

На третий день утром, сразу после завтрака, Джефф направился в лазарет. Для всех обитателей «Деревни» эти дни тянулись нескончаемо. Никто не выполнял никаких работ. Люди чувствовали себя выбитыми из колеи и не знали, что делать дальше.

Джеффа несколько удивило, когда, проходя по коридору, он увидел через окно, что в комнате отца собрался народ. Все Полчеки — Лаура и ее родители — стояли возле постели больного. Там же, обнимая за талию Аманду, находился Берни Карбо. Сам доктор Холмен сидел на кровати и серьезно что-то обсуждал с ними; повязки на его голове не было.

Джефф тихонько постучал по стеклу. Отец заметил его, улыбнулся и помахал рукой, приглашая зайти. Джон Полчек приоткрыл дверь — она открылась лишь наполовину, потому что внутри было полно народу. Джефф проскользнул в палату.

Отец протянул ему руку. Джефф протиснулся к нему.

— Они мне все рассказали про тебя, — сказал доктор Холмен. — Спасибо тебе.

— Это был... — Джефф почувствовал, что слова здесь ни к чему. — Я рад, что тебе лучше.

Он отошел от кровати и увидел, что Лаура смотрит на него с сияющей улыбкой.

Джон Полчек откашлялся.

— Как я уже говорил, Питер, мы прослеживаем путь животных. Обезьяны идут по протоптанной тропе на юг, волкоты ненамного отстают от них.

— Вы выяснили, куда именно они направляются? — спросил доктор Холмен своим привычно бодрым, деловым тоном.

Джон Полчек поморщил губы.

— Это могут быть самые различные места. Возле экватора довольно много славных местечек... Прямо курорты. Для них. Теплый океан, горы, которые ограждают этот район от холодных северных ветров, густые леса...

— Неплохое местоположение для баз и заводов-преобразователей.

— Да, пожалуй.

— Прекрасно. В таком случае попробуем детально исследовать три наиболее подходящие зоны в этом районе. Нужно удостовериться, что там есть достаточное количество животных... Они нам понадобятся. Мы потеряли впустую год, так что у нас теперь совсем нет времени...

— Нет! — услышал вдруг свой голос Джефф.

Доктор Холмен взглянул на сына.

— Что ты сказал?

— Я сказал... нет.

Все повернулись к нему. Джефф вдруг почувствовал себя так, будто он один среди стаи враждебных волкотов.

— Нельзя нам этого делать, — продолжал он. — Мы должны оставить в покое животных. Мы не имеем права убивать их, это несправедливо.

— Джеффри, — прервал его отец, стараясь говорить сдержанно и не давать воли гневу, — я знаю, ты привязался к этому животному...

— Дело не в Крауне. Сама идея порочна. Для нас самих плохо, если мы уничтожим их, чтобы завладеть планетой. Должен же быть другой, лучший способ...

— Но, Джефф, — сказал доктор Карбо, — вся наша работа, все люди «Деревни», все люди Земли...

— А разве мы помогаем всем людям Земли? — вступила в спор Аманда. — Мы помогаем самим себе и горстке людей, которые могут позволить себе прибыть сюда. Даже если нам удастся превратить Альтаир VI в рай, это поможет менее чем половине процента населения Земли.

Карбо подмигнул ей. Но спорить не стал.

Доктор Холмен покачал головой.

— Нет смысла обсуждать проблему. Нас сюда послали, чтобы мы превратили планету в пригодную для колонизации...

— Я не буду этого делать, — сказал Джефф. Когда он произнес эти слова, то понял, что именно так и поступит. — Я не буду способствовать гибели Крауна и всей этой планеты. И то же скажу другим ребятам. Они меня послушают.

— Ты не смеешь...

Лицо отца побагровело от гнева.

— Джефф прав, — сказала Анна Полчек. — У нас нет морального права уничтожать этих животных. Со временем они станут разумными. Но даже если этого не случится, мы не должны сметать их с лица планеты. Это негуманно.

Доктор Холмен стукнул кулаком по кровати.

— А что я скажу правительству, когда мы вернемся на Землю? Что мы сознательно прекратили работу экспедиции, потому что против были сопливый мальчишка и сентиментальная женщина?

— Нет, — спокойно ответила Анна Полчек. — Ты им скажешь, что мы решили использовать всю эту чудесную технику, которой они нас напичкали, для того чтобы помочь очистить планету Земля. Мы обязаны превратить свою собственную планету в рай для человечества!

— Мы не можем...

— Нет, можем! — страстно возразил Джефф. —

Если у нас есть возможность изменить эту планету, почему мы не можем сделать этого с Землей?

— Ты не разбираешься в политике... не знаешь, что такое социальные и экономические проблемы...

— Да... придать этой планете желательную нам форму, оказывается, гораздо легче, чем справиться с Землей, — засмеялся Берни Карбо. — А может, они правы, Питер? Может, нам и в самом деле нужно заняться этим?

— Вы все сошли с ума, — пробормотал доктор Холмен. — И я вместе с вами. Это безумие! После всего, что мы натворили с Землей, чтобы ее восстановить, потребуется по крайней мере тысяча лет!

— Так, — сказал Джефф. — Тысяча лет. Что ж, начнем *сейчас*.

Отец попытался нахмуриться, но лицо его неожиданно разгладилось и на нем появилась растерянная улыбка.

— Джефф, мальчик мой, однажды, в какой-нибудь год из этой тысячи лет, ты, пожалуй, станешь президентом.

Джефф улыбнулся и пожал плечами.

— Конечно... Если на это потребуется столько времени.

14

Огромная гроздь шаров под названием «Деревня» медленно, по спирали начала удаляться от шестой планеты звезды Альтаир. Сперва, когда корабль лишь начинал свой дрейф, только астроном с его тонкой аппаратурой мог бы заметить его движение.

Внутри корабля, в Центре контактов, Джефф Холмен в последний раз лежал на ложе, и вокруг него

чувствительные механизмы мигали серебряными огоньками.

На лесистом склоне холма, оглядывая богатые лесами земли, где кормилась его семья, стоял Краун. Ветер ерошил его шерсть. Это был добрый ветер, чистый и сильный. Непонятное место, где были страшные блестящие металлические штуки, уже поблекшей тенью скрылось в дальних уголках его памяти.

Что-то вдруг коснулось Крауна, глубоко в его сознании. Он задрал голову и уставился на блестящую гряду облаков, растянувшуюся от горизонта до горизонта. Он искал в небе что-то, чего его глаза не способны были видеть.

Но голос звучал в нем, голос без слов. Мысли, которых не могли выразить слова:

Прощай, старина... удачной охоты...

Огромный серый волкот поднял к небу морду и издал рев, наполненный ощущением восторга, радости жизни. И рев этот отозвался в человеческом разуме через многие световые годы.

Источники

- Ben Bova, The Weathermakers,
A Signet Book, N. Y., January 1973
(авторизованное издание книги,
выпущенной издательством Holt, Rinehart
and Winston Inc., N. Y., 1966).
- Ben Bova, The Winds of Altair, E. P. Dutton
and Co., Inc., N. Y., February 1973.
- Ben Bova, A Slight Miscalculation,
в сб. Ben Bova, Forward in Time,
Popular Library, N. Y., 1962.

Содержание

И. Бестужев-Лада
Предисловие

5

Властелины погоды
Перевод Б. Ключевой и И. Можейко

19

Незначительный просчет
Перевод И. Можейко

261

Ветры Альтаира
Перевод Б. Ключевой

273

Бен Бова
ВЛАСТЕЛИНЫ ПОГОДЫ

Ст. научный редактор И. Я. Хидекель
Мл. научный редактор Л. И. Леонова
Художник Л. И. Ламм
Художественный редактор Л. Е. Безрученков
Технические редакторы: Л. П. Ермакова, И. М. Кренделева
Корректор А. Я. Шехтер

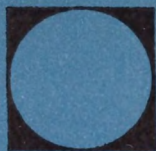
ИБ № 2937

Сдано в набор 19.11.80. Подписано к печати 2.02.81.
Формат 70×100/32. Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Объем 6,25 бум. л. Усл. печ. л. 16,25.
Уч.-изд. л. 16,95. Изд. № 12/1456.
Тираж 100 000 экз. Зак. 900. Цена 1 р. 80 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97

Зарубежная

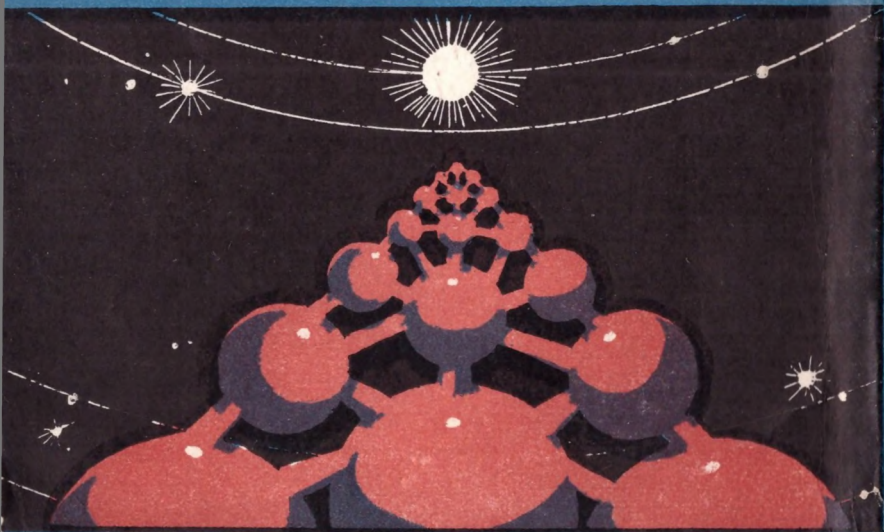

фантастика

1р 80к

Бен Бова

ВЛАСТЕЛИНЫ
ПОГОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА

